

Костёр
9
СЕНТЯБРЬ
1969

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Фото Р. Мазелева

Костёр
9
СЕНТЯБРЬ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Редакторам „Костра“.
Дорогие дружки!

Я всегда рад возможности
встретиться с вами на страницах
верного вам журнала. Вот и се-
годня с удовольствием воспользо-
вался предложением редакции
„Костра“ побеседовать с вами о
том, что спрашивают в своих
письмах некоторые ваши сверст-
ники. Уже не знаю, понравятся
ли вам мои ответы, но, жесткое
слово, писал я их от всего серд-
ца, жестко и искренно, как при-
вык вообще и всегда говорить
с моими редакторами. И если вы
согласны со мной и что-то из ска-
занного тут много вам приго-
дится, я буду очень рад. Ну, а если
в чем-то вы и не согласны со
мной, то не делайте, пожалуйста,
вида, что вы разделяете мое мне-
ние, и спорьте, спорьте!..

Ваш

Иль Гасенов

Уже несколько дней Йорэлё учился в школе. Каждое утро, уходя из дому, он видел, как быстро убегает лето и с севера движется зима. Ветер холодал, вершины гор покрылись снегом, и белая шапка опускалась все ниже в долины, где паслись окрепшие за лето олени.

По дороге Йорэлё разбивал лед на лужах. Под прозрачным ледяным покровом не было воды, она вся вымерзла.

Школьная жизнь оказалась далеко не такой интересной, как думалось раньше. Ученье таило множество неприятных и скучных занятий.

Попробуй усиди за партой и пиши целый ряд черточек, похожих на множество недоделанных рыболовных крючков, когда за окнами гремят выстрелы — это идет охота на пролетающих уток, или вдруг с ревом проносится вертолет начальника геологической экспедиции.

Надо обладать незаурядной силой воли, чтобы выдержать сорок пять минут почти неподвижного сидения. Даже физкультура

не радовала Йорэлё. Занимались гимнастикой в открытом зале. И все надо было делать только вместе, по порядку, по команде.

В глазах Йорэлё поселилась тоска, и как-то мать спросила его:

— Ты чего грустишь?

— Не грущу я, — ответил Йорэлё. — Занят очень. Надо

написать целую страницу кружков и крючков.

— Пиши, пиши, сынок, — с гордостью в голосе произнесла мать и погладила Йорэлё по коротко остриженному — по-школьному — волосам.

На переменах старшие ребята ходили с красными нарукавными повязками, следили, чтобы малыши вели себя тихо и пристойно. Опасаясь подзатыльников старшеклассников, младшие жались по стенам и грустно глядели в широкие окна, за которыми остался привычный, шумный мир, который раньше они так мало ценили.

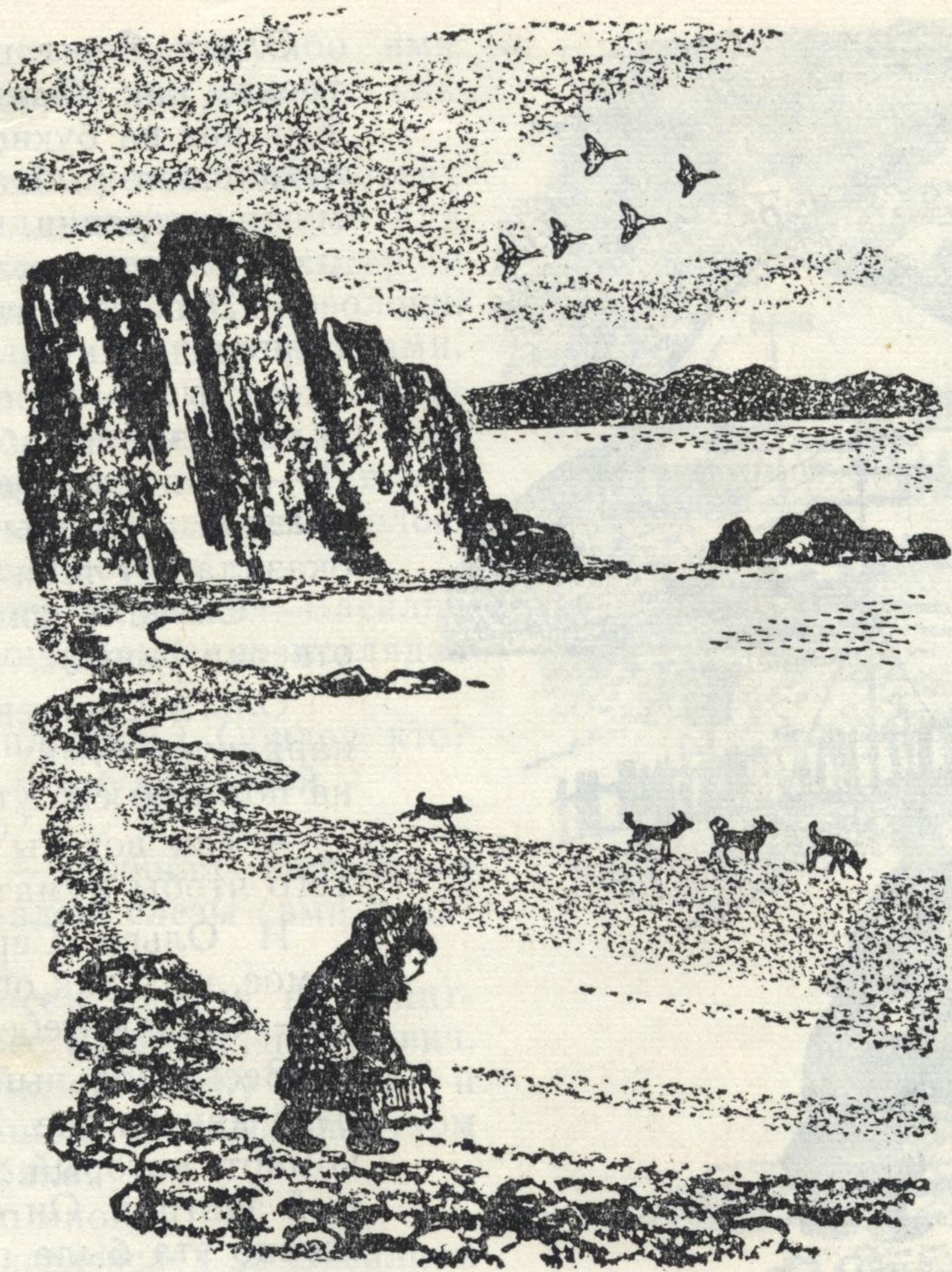
Порой на уроках Йорэлё ловил себя на том, что ему страшно хочется выбежать из класса, промчаться бегом по звонким ледяным лужам, чтобы собаки с лаем гнались за ним, спу-

ПЕРВАЯ ДВОЙКА

РАССКАЗ

Юрий Рытхэу

Рисунки К. Овчинникова

ститься к морскому берегу, схватить длинную плеть морской капусты и ощутить во рту вкус замерзающего моря.

Но в это мгновение он вспомнил материнский наказ: «Не приноси двоек, я буду очень огорчена».

В это утро Йорэлё проснулся рано. Его разбудил ветер. Он колотил по стенам дома, шуршал по крыше и дышал на Йорэлё холодом из-под кровати.

В вой ветра вплетался грохот вездеходов: значит, отец уже встал и машина уходит на звероферму. Йорэлё вскочил с кровати. На кухне хлопотала мать. Она напоила сына чаем, проверила, все ли книжки и тетради у него в сумке, и строго сказала:

— Я иду на работу, а тебе еще рано в школу. Посиди дома, а когда на часах будет половина девятого — можешь выходить. Море штормит, ветер сильный, будь осторожен.

Едва мать скрылась за дверью, Йорэлё схватил сумку и выскочил на улицу. За ним увязался Вилю — лохматый вожак упряжки. Он бежал на почтительном расстоянии от мальчика, зная, что Йорэлё не любит, когда Вилю провожает его в школу, как маленького.

Но на этот раз, к удивлению Вилю, Йорэлё направился к морскому берегу.

Море покрылось битым льдом. Оно было похоже на огромное белое покрывало, колы-

хающееся под сильным ветром. Лишь у самого берега, где обламывалась волна, виднелась вода — черно-зеленая, холодная.

Вдоль прибойной черты ходили люди и что-то собирали, сгребая добычу в кучки. Тут же носились собаки. Вилю прыжком обогнал Йорэлё и кинулся к прибойной черте.

— Навага! — догадался Йорэлё.

Мелкая рыбешка, выброшенная волной, почти сразу же замерзала. Йорэлё сначала съел несколько рыбешек, потом принялся собирать их в сумку.

Вилю тоже подкрепился и вместе с Йорэлё пошел вдоль прибойной черты, лаем давая знать о находке. Когда сумка отяжелела от рыбы, Йорэлё вдруг вспомнил о школе.

Вместе со звонком он ворвался в класс и уселся на свое место. Сидящая рядом Анкана недовольно покосилась на него и шепотом произнесла:

— Дисциплины у тебя нет.

— А у тебя ума, — быстро ответил Йорэлё.

В класс вошла учительница. Она всегда входила медленно и торжественно, как принцесса из кинофильма, хотя была всего-навсего дочкой охотника Вамче. Правда, она долго училась. Сначала в этой же школе, потом в Анадырском педагогическом училище, а затем в большом и красивом городе Ленинграде, куда

втайне мечтал попасть и Йорэлё. Иногда Йорэлё задумывался о том, как она могла выдержать столько лет неподвижного сидения за школьной партой, и тогда в груди у него шевелилась жалость к Ольге Сергеевне, — так звали учительницу.

Ольга Сергеевна подошла к своему столу, положила на него классный журнал, громко сказала:

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте! — хором ответили первоклассники.

— Йорэлё! — сказала учительница. — Достань букварь! Сегодня мы будем изучать букву «О».

Йорэлё полез в сумку. Хорошая у него сумка. Ее даже просили отдать в музей. Сумку смастерила бабушка. Она вышила ее разноцветным бисером и белым оленьим волосом.

Рука Йорэлё наткнулась на холодную, полурастаявшую рыбу и отдернулась назад. Йорэлё заглянул в сумку. От рыбы и растаявших соленых ледяшек в сумке было мокро. Он вытащил букварь, раскрыл его на указанной странице, и ему стало жарко, стыдно.

Ольга Сергеевна стояла рядом, смотрела, как Йорэлё открывает букварь. Как раз на букве «О» лежала маленькая оттаявшая рыбка, уютно пристроившись между страниц. Большое круглое пятно расплылось на картинке.

— Это что такое? — спросила Ольга Сергеевна.

— Рыба, — дрожащим голосом ответил Йорэлё и добавил: — Навага.

— Я и сама вижу, что это навага, — сказала учительница. — Но почему она оказалась у тебя в букваре?

— Сначала она была просто в сумке, — ответил Йорэлё.

Ольга Сергеевна нагнулась, схватила нарядную сумку Йорэлё и вытряхнула на пол всю его утреннюю добычу.

— Так вот ты чем занимался, вместо того чтобы думать об уроках!

И Ольга Сергеевна произнесла то самое, чего так опасался Йорэлё:

— Ставлю тебе двойку!

Весь школьный день прошел для Йорэлё как во сне. Его даже не обрадовал компот, который дали сегодня на школьный завтрак. Он его выпил машинально, словно эта была простая вода.

Кончились уроки, и Йорэлё медленно побрел к дому. Но, не дойдя до середины пути, он свернул к морю и зашагал вдоль прибойной черты.

Ледяная каша загустела, и у берега не было видно воды. Колыхающееся белое покрывало тянулось до самого горизонта, и даже сильный ветер не мог раскачать затянутую ледяной шугой водную поверхность.

Йорэлё брел вдоль пустынного берега и думал о том, как он нехорошо поступил. Нет, будь он серьезным человеком, исполненным ответственности, он бы никогда не пустился, словно какой-то малыш, собирать навагу на морском берегу. «Дорогой сынок, — звучали в ушах Йорэлё слова отца. — Ты уже человек взрослый».

Как теперь покажешься на глаза матери и отцу? Двойка! И за что? Нет, у него и в мыслях не было обвинять в несправедливости Ольгу Сергеевну — двойку Йорэлё заслужил. И даже не столько было стыдно перед учительницей, сколько перед матерью и отцом, доверия которых он не оправдал. А ведь отец уже позволял ему кормить собак!

В печальных думах Йорэлё добрел до наблюдательной площадки метеорологической станции. Здесь работал его друг Василий Игнатьевич. Он любил Йорэлё и всем говорил,

что Йорэлё — его будущая смена, ибо имя мальчика значит ни больше ни меньше, как Повелитель ветров.

Ветер свистел в стенках метеорологических будок, в большом металлическом конусе для сбора выпавших осадков, скрипел флюгер и тонко пели оттяжки из крученой проволоки.

Йорэлё встал над большими термометрами, положенными прямо на землю, уставился на них и вдруг почувствовал, как из глаз на кончик носа скользнула горячая капля. И в эту минуту он услышал за собой знакомый голос:

— Здорово, Повелитель ветров!

Йорэлё поднял голову и увидел Василия Игнатьевича. Метеоролог удивленно поглядел на мальчика и спросил:

— Ты чего? Никак плачешь? Обидел кто?

Йорэлё отрицательно мотнул головой.

— Так в чем же дело?

— Двойку получил, — сообщил Йорэлё, и тут, как он ни сдерживался, слезы сами покапались из глаз.

— Ну, брат, это совсем никуда не годится! — задумчиво произнес Василий Игнатьевич, обхватил сильными руками голову Йорэлё и вытер ему слезы большим носовым платком с сильным запахом табака.

— А теперь пошли со мной!

Йорэлё покорно зашагал вслед за Василием Игнатьевичем. По дороге метеоролог рассуждал о том, что надо хорошо учиться, слушаться учителей и твердо идти к намеченной цели. Узнав о причине плохой отметки, Василий Игнатьевич даже остановился и с чувством сказал:

— Рыба в букваре! Да знаешь, что это такое? Представь себе, я бы шестом для флюгера стал толкать сеть в лагуну! Нехорошо, Повелитель ветров! Нехорошо. Ведь ты теперь человек взрослый, самостоятельный!

Василий Игнатьевич привел Йорэлё в свою лабораторию, на дверях которой была прикреплена дощечка с надписью: «Посторонним вход строго воспрещен!»

Он подошел к телефону, поднял трубку и попросил:

— Дайте мне колхозный гараж... Это Эйгынли? Тут твой сын сидит. Мучается угрызениями совести. Двойку получил.

Йорэлё не слышал, что ответил отец. Не прошло и получаса, как за дверью послышались шаги, раздался стук и в лабораторию вбежала мать.

— Йорэлё! — всплеснула она руками. — Сынок мой! Малыш! Ну где ты был? Я обыскала весь берег. Крошка мой, да ты же еще совсем

маленький, чтобы гулять по берегу бушующего моря...

— Мама, а я двойку получил, — смущенно сказал Йорэлё.

— Да ну ее, эту двойку! — отмахнулась мать. — Главное, что ты цел и невредим... Василий Игнатьевич, большое вам спасибо... А с учительницей я поговорю...

— Я сам виноват. — пытался прервать мать Йорэлё. — Рыба у меня была в букваре...

Но мать не обратила внимания на слова сына. Она схватила Йорэлё и принялась его тискать и целовать. Это уж совсем никуда не годилось. Йорэлё отворачивал лицо и с горечью думал о непоследовательности взрослых: сегодня ему говорят, что он взрослый и самостоятельный, а завтра он вдруг и несмышлениш. И он не знал, куда деваться от стыда.

Потом мать еще раз горячо поблагодарила Василия Игнатьевича, взяла Йорэлё за руку и, как малыша, повела его за собой.

Единственным утешением для Йорэлё было то, что Василий Игнатьевич успел ему на прощание заговорщицки подмигнуть.

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

В редакцию пришло взволнованное письмо:

«Однажды меня выбрали председателем совета отряда. Я делала все, что нужно. Готовила отчеты, составляла планы, ходила на всякие заседания. Но все я делала одна, никто мне не помогал... Иногда я приходила домой в пять или шесть часов вечера. Все реже и реже посещала я заседания.»

Наконец, к нам в класс зашла старшая вожатая и рассказала, как плохо отношусь я к работе. Меня долго ругали и выбрали под конец всей этой истории другую.

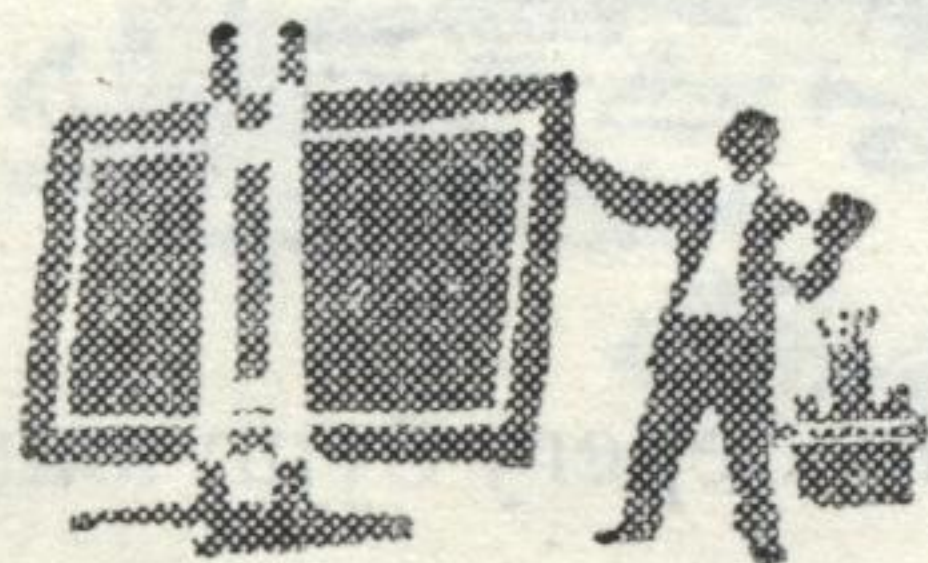
Другой председатель не лучше меня относился к своим обязанностям. Наш отряд стал отстающим в дружине. Настал момент, когда стали думать, кого же поставить на место неудачного председателя. Кто-то крикнул: «Шувалову! При ней мы первые места занимали...»

Мне стало очень обидно, и я сказала: «Когда была командиром, вы говорили, что я плохой командир и выбрали другую. Когда другая стала плоха, вспомнили меня. Нет, я не игрушка вам...»

Одни ребята удивленно переглянулись, другие сказали: «Приказано — изволь выполнять!»

Я часто стала задавать себе вопрос: «Почему все нормальные ребята после уроков идут домой, а я остаюсь до четырех часов и составляю рапорты и отчеты. Почему они не составляют, а я составляю? Почему со мной так нечестно поступили?»

Лиза Шувалова, 6 «а» класс.

Если бы вы знали, как я хорошо понимаю, что тревожит эту девочку. Я сам до предела загружен общественной работой. Я десятки лет — председатель объединения детских писателей в Москве, вот уже третий созыв в секретариате московских писателей. И еще я преподаю в Литературном институте — в общем, все это отнимает массу сил и времени, и мне даже говорят, что это идет в ущерб моему основному делу. Поэтому мне очень понятен вопрос: «Почему именно я? Почему «все идут домой», как пишет Лиза, а я остаюсь на заседание, семинар или читательскую конференцию.

А потому, что во мне живет постоянное, беспокойное, требовательное сознание того, что я обязан помогать людям. Как у других с этим обстоит дело, я не знаю, но сам я бездействовать в таких случаях не хочу. Я чувствую, что это мой долг, и не могу отказаться от него ради облегчения собственной жизни.

Лиза пишет: «Со мной поступили нечестно». Это мне непонятно. Человек, занимающийся общественной деятельностью, не должен чувствовать себя жертвой, отданной на растерзание. Как раз наоборот, он чувствует себя вожаком, центром, в котором сосредоточено все, что занимает его товарищей, все, что приносит ему радость и пользу.

Но вот тут что очень важно. Конечно, не всякий человек может заниматься общественной работой. Такой человек должен быть обязательно изобретательным и энергичным, он должен быть полон интереса к жизни, к людям и ко всему, что его окружает, он должен быть выдумщиком и фантазером, и знать он должен побольше, чем другие люди. И еще это должен быть человек, умеющий заразить других своим интересом.

Вот Лиза пишет, что остается составлять рапорты и протоколы. Ну, знаете, от такой общественной деятельности любому станет скучно. Разве это «дело» — составлять рапорты? Это — между делом.

Вот вы сидите в школе и учите свои теоремы, придаточные предложения и законы Ньютона. Просто догоняете тот общий уровень знания, с которого только начинается всякая деятельность взрослых людей. Неужели вам не хочется забраться хоть разок поглубже в эти пока еще туманные области. Наука, техника, спорт, живопись, книги, кино... И не только сведения обо всем этом, но споры, столкновения мнений, и не только друг с другом, но и со взрослыми. Не бойтесь спорить со взрослыми. Только учитесь обосновывать свои мнения.

Скажем, поэты. Кого вы знаете, кроме Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского? А ведь знать только классиков не просто недостаточно, это же стыдно — так мало знать. Или генетика. Какая поразительная, интересная наука. А много вы знаете о ней, кроме названия? А люди? Да не знаменитости, а, скажем, какой-нибудь знакомый ваших родителей, который приходит к вам в гости и рассказывает упоительные вещи. Вот и притащите его в школу.

У меня со студентами Литературного института в конце каждого семинара бывают разговоры о том, кто где был, что видел, что читал, что думал. Каждый рассказывает о том, что было ему интереснее всего за прошедшую неделю. Запретных тем у нас нет и обязательных мнений тоже. Иногда наши споры становятся слышны в коридоре, тогда мы закрываем двери и не стесняемся в выражениях.

Знаете, часто беда бывает в том, что ребята думают, будто бы то, что им интересно, любопытно и весело, это как раз не важно, и это уж никак нельзя назвать работой. А вот есть что-то другое, важное, чем и нужно заниматься. Собrania, например, и рапорты. Только это очень скучно.

Поэтому у меня к вам просьба: прочитав эти строчки, не устраивайте в обязательном порядке доклад о генетике, если вам интересно узнать об истории книги, и не включайте в «график мероприятий» визит к вам папиного знакомого. А вы просто искренне спросите себя самих: что занимает вас? И еще: никогда не бывает дела, которое интересно всем сразу. Сегодня интересно пятнадцати ребятам, а завтра десяти другим. Только очень вам советую присматриваться к тому, что вас не волнует, а для вашего приятеля важно. Потому что очень может быть, что вы просто прозевали интересное.

Желаю вам иметь достаточно мужества, чтобы отказаться от дела, которое вам скучно, и всегда иметь дела, которые вам интересны.

Лев Трапезин.

Дружба - Дружба

Димитрина Николаева Стефанова пишет Сергею Рудакову, восьмикласснику 358 школы Ленинграда.

«Здравствуй, Сережа!

Ты просил меня рассказать о моем родном городе Русе.

С удовольствием выполняю твою просьбу. Русе — известный болгарский порт. Мы почти каждый день видим здесь советские, венгерские, румынские и чехословацкие пароходы. Мне, например, даже не надо из дома выходить, чтобы встретить их: все из окна видно. Наш дом на самом берегу Дуная.

В нашем городе есть большой парк — «Линник». А один парк мы, городские школьники, разбили на пустыре сами. Посадили деревья, кусты роз...»

Сережа сообщил нам адрес Димитрины для тех, кто захочет переписываться с ее друзьями: НРБ, город Русе, улица Омуртаг, 23».

Письмо Димитрины не стали печатать целиком только потому, что Райничке Христовой Раевой хотелось рассказать о розах самой. Райничка живет в селе Павел Баня, а это в самой Долине роз.

«Отряд нашего 6 «б» класса носит имя великого болгарского поэта Ивана Вазова, —

сообщает Райничка. — В сентябре мы отмечаем традиционный праздник розы. У каждой девочки в волосах в этот день — роза. Букетики роз мы дарим первоклассникам, нашим мамам и папам, нашим любимым учителям».

СССР и Болгария — ближайшие соседи. Время от времени кто-то из болгарских пионеров приезжает к нам, а кто-то из наших совершает поездку к болгарским друзьям.

Повезло Искре Дараховой, пионерке 60-й школы города Софии, она побывала в нашей стране и подружилась с ребятами из 56-й школы Киева. Искра рассказывает об этом в газете болгарских школьников «Септемврийче»:

«Никогда не забыть мне счастливых дней пребывания в Советском Союзе!

Теперь у меня столько друзей, что даже не верится: я уже получила две тысячи писем...

Меня и моих подруг очень взволновала доброта и отзывчивость русских людей.

После нашего приезда пионеры устроили в своей школе уголок Болгарии...»

НАШ АДРЕСНЫЙ СТОЛ:

НРБ. Старая Загора, Пионерский дом, «Приятели на мира» (Клуб). НРБ, город Смолян, Пионерский дом.

Пионерский фототелеграф принял две фотографии юных героев. Их именами названы улицы, школы и города в Болгарии.

«Детелина Минчева из Черногорово погибла в 1944 году. Детелина — название травки, которая приносит людям счастье. И имя этой девочки тоже Детелина, — приносящая счастье даже ценой собственной жизни.

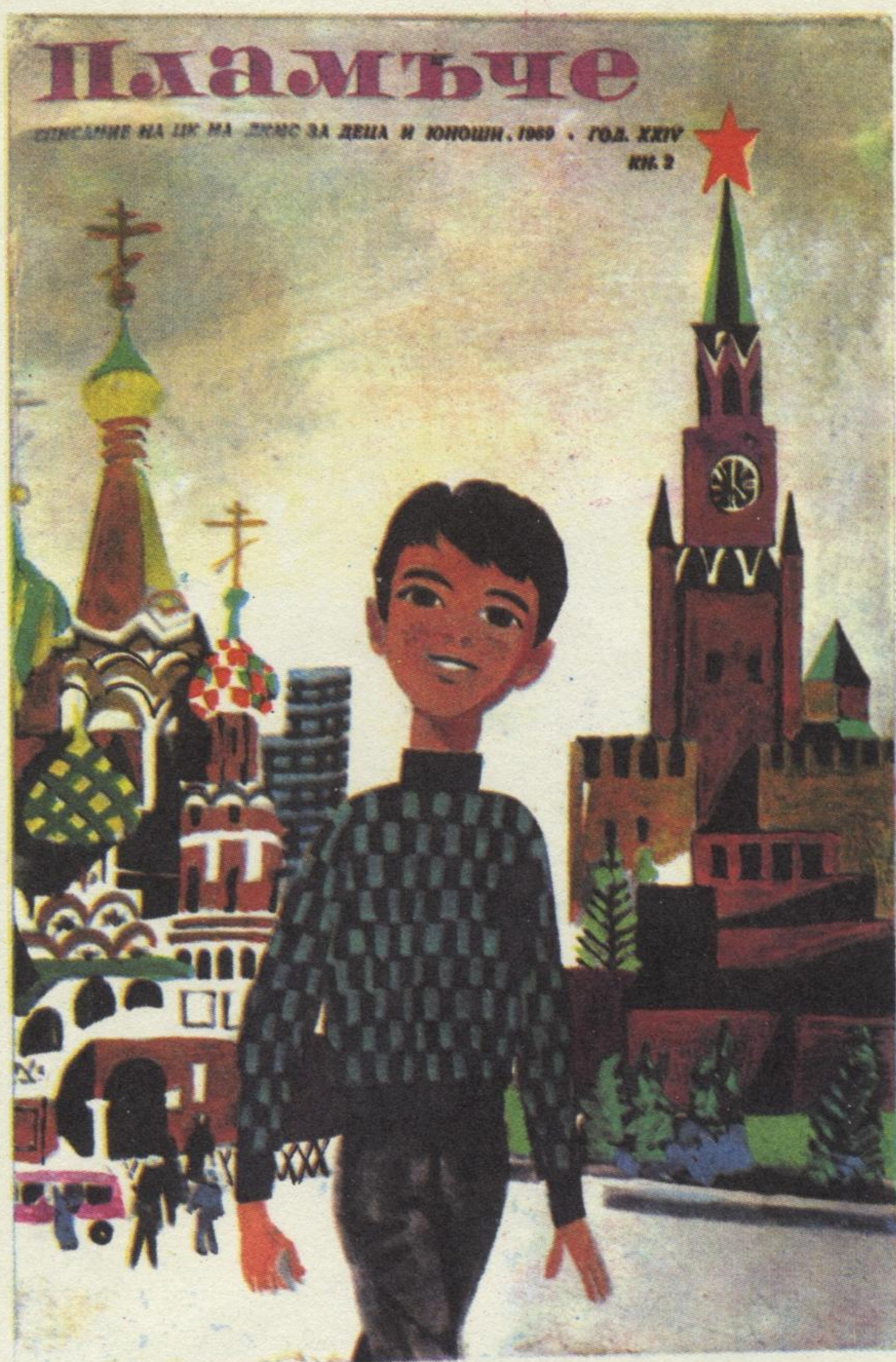
Девочка была связной в партизанском отряде, передавала партизанам донесения, оружие, лекарства.

Фашисты убили юную героиню».

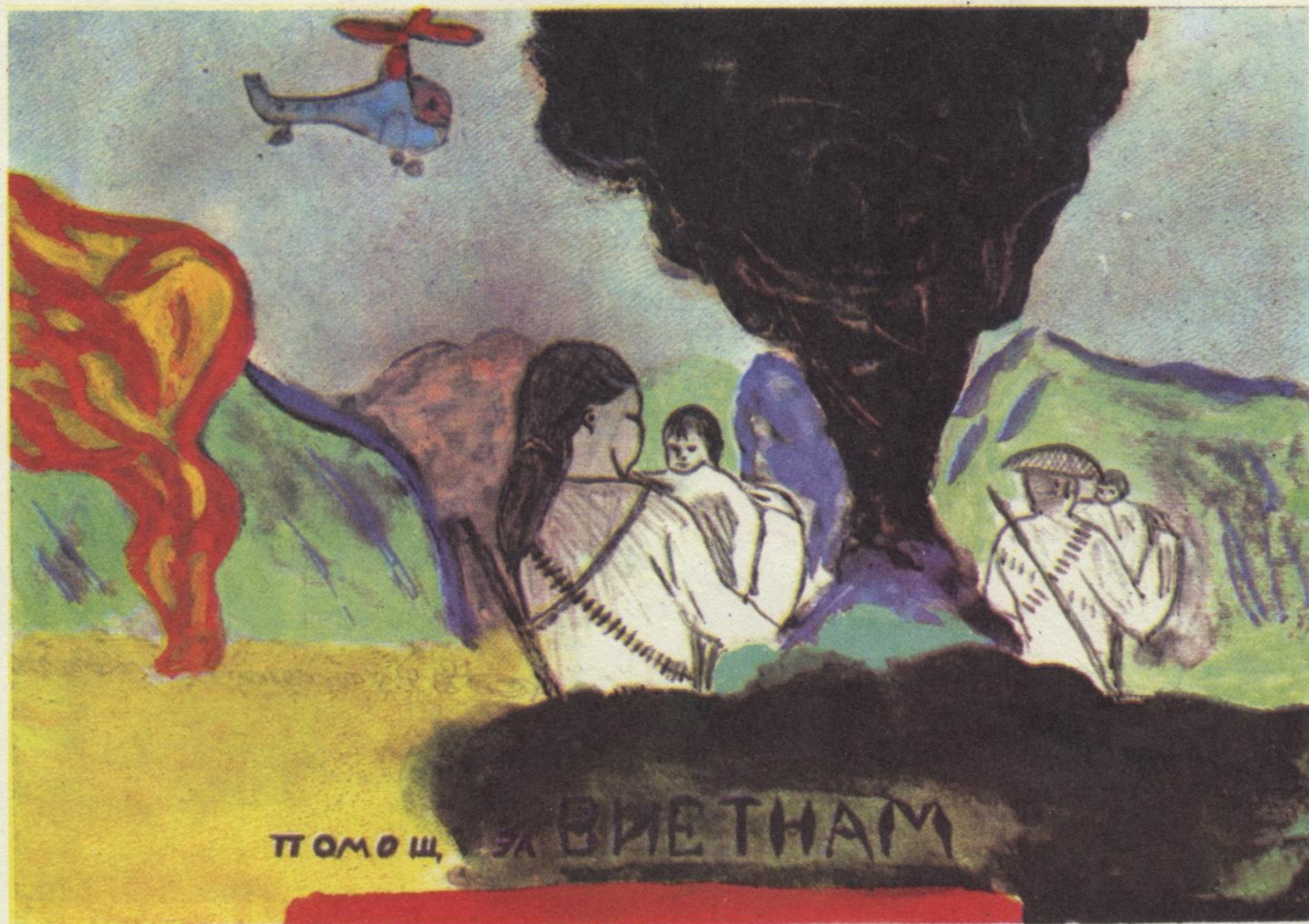

«Васил Кокорешков вместе с братом Савой носил патроны в отряд Ивана Козарева. Тайными горными тропками пробирался ребята в любую погоду к партизанам.

Васил погиб шестнадцати лет в 1944 году от ножа фашиста».

Рисунки
из детских
болгарских
журналов

„ПОМОЩЬ ВЬЕТНАМУ“

СМЕШИНКИ

- Кирча, ты стал лучше учиться!
- У нас уже третью неделю не работает телевизор.

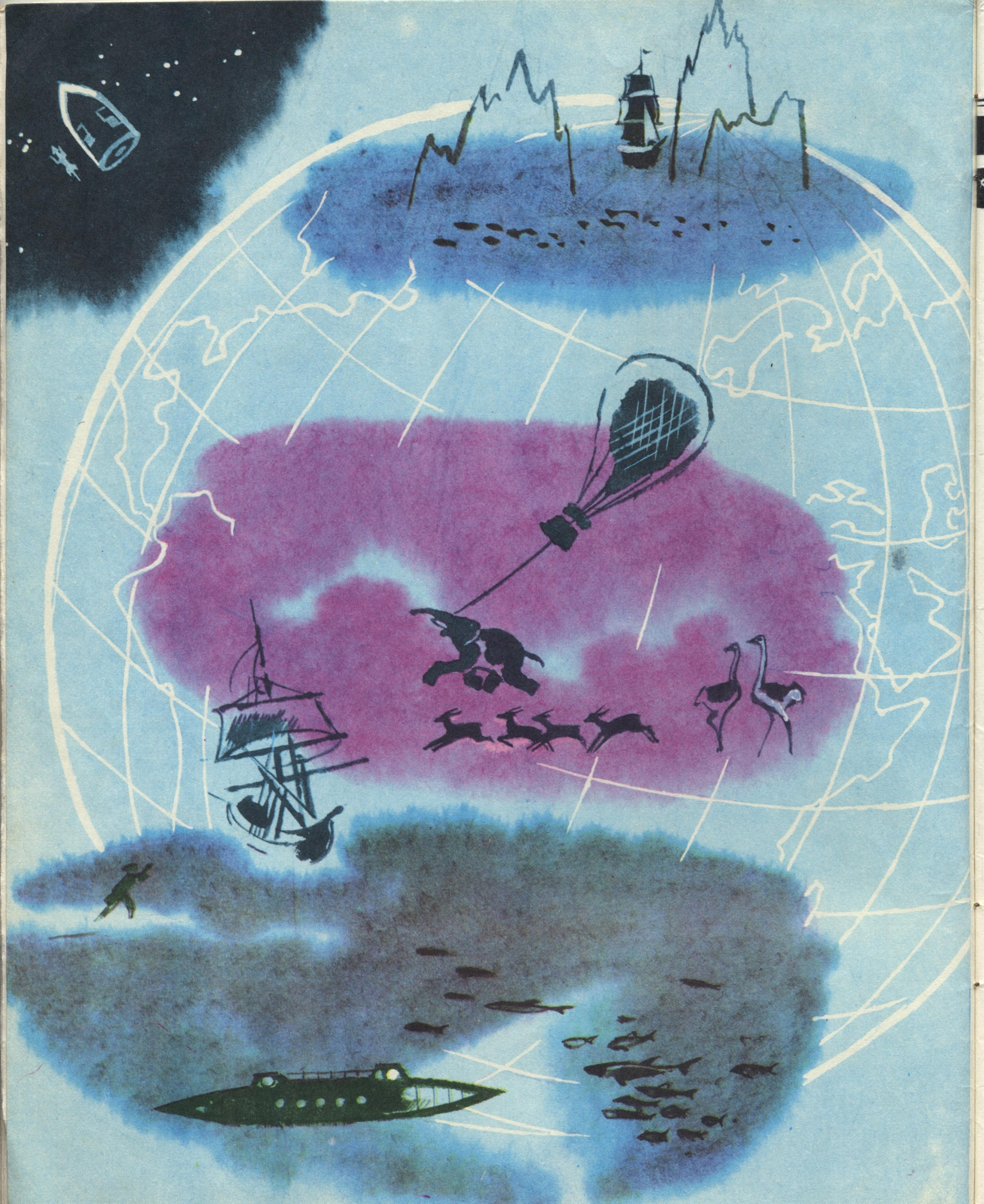
✱

- Дети, какое стихотворение вам понравилось больше всего?
- Самое короткое...

✱

- Петко, если еще раз опоздаешь, не пущу без записки от отца.
- Можно записку напишет мама? Она лучше умеет придумывать.

Рисунок Кынчо Камбурова, ученика 6 „г“ класса. Город Кюстендиль

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Уже немало лет прошло с тех пор, как другом моей школьной юности стал удивительный французский писатель Жюль Верн. Не было, кажется, ни одного уголка на нашей планете, куда бы ни привел он своих неутомимых исследователей, путешественников, энтузиастов знаний о Земле, людях, природе. С ним можно было пролететь на воздушном шаре, опуститься в вулканические подземные пещеры, отправиться пассажирами гигантского пушечного ядра в полет вокруг Луны, на подводном корабле спуститься в океанские глубины.

Во второй половине прошлого века творческие замыслы Жюль Верна и его предвидения казались современникам просто чудом. Как же страстно нужно было верить в силу знания, в отвагу и мужество человека, посвятившего себя самоотверженному труду во имя Науки, чтобы с такой убежденностью рассказать о ее будущих победных завоеваниях.

Но все эти мысли пришли ко мне много позднее.

Когда мне впервые довелось раскрыть книгу Жюль Верна, я сидел еще на школьной скамье, в младших классах, и томился над скучным учебником начальной географии. Науку о Земле преподавал нам суховатый старичок, единственным увлечением которого было вычерчивание, раскраска контурных карт и бесконечное перечисление географических названий. Мы и чертили эти карты все уроки напролет, и уже рябило у нас в глазах от их волнистых, капризно пересекаемых и в сущности мертвых линий.

И вот совершилось нечто вроде чуда. Кто-то принес в класс порядком потрепанную книгу «Дети капитана Гранта». Она пошла по рукам — и зашумел, став знакомым, почти родным, Атлантический океан, загорелись звезды южных морей, пахло зноем тропиков, засверкали снежные вершины, зашелестели пальмы коралловых островов. Вычерчивая южную оконечность американского материка, мы уже знали, что вот здесь, в пустынях и гористых равнинах Патагонии, мужественные люди с яхты «Дункан» ищут следы пропавшего без вести капитана Гранта.

В скупые контуры карт вливалась теперь самая настоящая жизнь с ее радостями, волнениями, тревогами.

Мы жадно отыскивали и читали книги любимого писателя, превратившего для нас науку о Земле в истинную поэзию. Вместе с ним побывали мы в стольких странах, видели столько разнообразия в природе, обычаях, образе жизни обитателей всех материков и морей. Любовь к путешествиям, к познанию родной планеты.

Многие наши прославленные ученые — и Ферсман, и Обручев, и Вавилов, и Карпинский — вспоминая свои юношеские годы, с признательностью называют в ряду крупных научных авторитетов и имя писателя-француза, пробудившего в них, тогда еще школьников, интерес к науке о Земле, которой впоследствии они плодотворно отдали всю свою жизнь.

Целый век прошел с тех пор, как писались первые романы Жюль Верна. Многие может показаться теперь в его книгах наивным и устаревшим.

Мы живем в такое время, когда на наших глазах совершаются подлинные чудеса науки и техники.

На воздушных лайнерах человек соперничает со скоростью звука, радиоволнами перекрыл огромные расстояния. В домах наших уже привычным стал телевизор, сделавший нас очевидцами важнейших событий в родной стране и за ее пределами.

Достижения наших замечательных ученых заставили служить делу мира и прогресса неисчисляемые силы атома. Этого даже прозорливый фантаст Жюль Верн и представить не мог, хотя многое предсказал он своим воображением из глубины прошлого XIX века.

И все же мы можем быть ему благодарны в нашу эру осуществленных чудес. Он будил в нас в наши юные годы любовь к знанию, внушал нам твердую уверенность в творческих возможностях человеческого разума. Он звал нас к смелым путешествиям, к подвигам первооткрывательства.

Из чувства благодарности к этому мудрому и человечному другу наших юношеских лет я и написал стихи, помещенные ниже. Родились они уже давно, но до сих пор остаются для меня живыми, потому что в них есть до сих пор частица моей молодости.

М. С. Семенову, Рязанский

НАД КНИГОЙ

Снова в печке огонь шевелится,
Кот клубочком свернулся в тепле,
И от лампы зеленой ложится
Ровный круг на вечернем столе.

Вот и кончены наши заботы —
Спит задачник, закрыта тетрадь.
Руки тянутся к книге. Но что ты
Будешь, мальчик, сегодня читать?

Хочешь, в дальние синие страны,
В пенье вьюги, в тропический зной
Поведут нас с тобой капитаны,
На штурвал налегая резной?

Зорек взгляд их, надежны их руки,
И мечтают они лишь о том,
Чтоб пройти им во славу науки
Неизведанным прежде путем.

Сжаты льдом, без огня и компаса,
В полумраке арктических стран
Мы спасем чудака Гаттераса,
Перейдя ледяной океан.

По пещерам, подземным озерам.
Совершим в темноте и пыли,
Сталактитов пленяясь узором,
Путешествие к центру земли.

И без помощи карт и секстанта
С полустертой запиской в руке
Капитана, несчастного Гранта,
На безвестном найдем островке.

Ты увидишь леса Ориноко,
Города обезьян и слонят,
Шар воздушный, плывя невысоко,
Ляжет тенью на озеро Чад.

А в коралловых рифах, где рыщет
«Наутилус», скиталец морей,
Мы отыщем глухое кладбище
Затонувших в бою кораблей...

Что прекрасней таких приключений,
Веселее открытий, побед,
Мудрых странствий, счастливых крушений,
Перелетов меж звезд и планет!

И, прочитанный том закрывая,
Благодарно сходя с корабля,
Ты увидишь, мой мальчик, какая,
Тайны полная, ждет нас земля!

Вел дорогой тебя неуклонной
Сквозь опасности, бури и мрак
Вдохновленный мечтою ученый,
Зоркий штурман, поэт и чудака.

Мать проводит день у профессорши Фигуровской.

Отец проводит день на работе.

А я всю стенку замазал столярным клеем, жду, когда высохнет. По этому грунту напишу картину, отгрохаю монументальную роспись. Красок больше чем достаточно. На все четыре стенки хватит.

Вернется отец — ахнет. Придут художники — ахнут. Все ахнут, все узнают! Заохают, заохают, раскроют рты и упадут!

В тарелках, в кастрюльках, в ведре разбавил краски скипидаром, каждый цвет в своей посудине. Отличная получится вещь!

Скоро ремонт, не страшно. Заклеят стенку обоями, пройдут года — и вдруг обнаружат люди великое произведение.

Пол застелил газетами, поглядываю на стенку. Главное, вперед! Как хочу, так и буду писать, без всяких педагогов и учителей. Без всяких советчиков, доброжелателей и родителей. Без всяких умниц и прорицателей. Без командиров и предсказателей.

Я уверен в себе! Я уверен!

Ошарашу всех художников этой стенкой, чтобы знали, с кем имеют дело!

Сходил на кухню, съел кусок мяса из супа.

Сейчас начнем.

Потрогал грунт. Клей высох.

Я — перед стеной.

Но разве написать мне до прихода родителей петухов и куриц, льдины и траву, цветы и мосты, Гарика и Марика, города и села, поля и аэродромы, железные дороги и нефтяные промыслы, Иркут и других?

Как написать мне весь мир до прихода родителей?

Окунаю в краску сапожную щетку.

Здесь мы синим мазнем, а тут красным: курица вам с петухом! Шикарную оранжевую линию провожу наискосок. Никто мне не мешает, сзади не торчит. Желтое накрутим, черным обведем. Расхожусь, раскручиваюсь, разворачиваюсь, не хватает мне щеток для такой стены. Сую руку в ведро, размазываю краску по стене ладонью. Другой рукой хватаю другую краску. Мажу разноцветными руками. Разбегаюсь и — бац! — тарелку с краской в

стену. Еще две тарелки — хлоп! хлоп! Летят черепки на пол, а краска летит по стене. Просто так хочется капнуть в тот угол. Просто так хочется выплеснуть охру золотистую в середину. Нельзя просто так, а мне можно. Не мажут просто так, а я делаю. Не нравится вам, а мне нравится. Не хочется вам, а мне хочется. Не интересно вам, а мне интересно. Не касается вас, а меня касается. Не имеет значения для вас, а для меня имеет. Не интересуется вас, а меня интересуется. Не трогает вас, а меня трогает. Не волнует вас, а меня волнует. Выплескиваю ведро — оп-ля! Метнулась фиолетовая дугой, как комета. Плескаю снизу вверх и сверху вниз. Взад-вперед бегаю по комнате, где бы еще шархнуть. Шархнем, сейчас шархнем! Вот этим цветом шархнем! Газеты корчатся под ногами, съезжают, виден паркет. Попадет мне за паркет. Не капать! Намазал краску из тюбика на ладонь и — хлоп по стене!

Окунул в краску тряпку, раскрутил и как шлепну! Влетела в светлое пятно, красиво. Поставил стул на стол, залез под потолок, и оттуда, сверху поливаю стену чистой изумрудной. Плеснул в потолок, чтобы он сиротливо не маячил над моей башкой. Размешиваю еще краски, атакую

стену, как великий Демпси, Карпантье, Томми Бернс атаковали своих противников на ринге. Давлю подряд все тюбики, плескаю, мажу, крашу, лью, привет опере, не волнуйтесь, родители! Две тарелки разбились, одна осталась целая. Соберу черепки, никто не вспомнит. Обыкновенные тарелки, а стена — шедевр! Неужели вы этого не понимаете? Я-то вижу! Если вы этого не считаете, то я считаю. Отличная фреска. Прекрасное произведение. Смотрю — не налюбуюсь. Оторваться не могу. Ничего лучшего я не встречал, ей-богу!

Сижу на стуле, восторженно рассматриваю свою картину и хвалю себя изо всех сил.

Кто еще так похвалит меня?

А говорят, характер у меня плохой. Замечательный у меня характер, чудесный, изумительный.

Съем еще кусок мяса. После такой работы как следует поесть полагается. Жалко, помидоры не успели. Больше всего на свете люблю я помидоры. Однажды я полтора кило съел, посыпая их крупной солью, закусывая свежим хлебом.

А Р Ф А

И

Б О К С

главы из романа

В. Голявкин

Рисунки автора

Вспомнил помидоры и пошел плясать! Плясал, плясал, до тех пор, пока дыхания хватило.

* * *

— Имей в виду, — сказал отец, чувствуя, что ему от меня ничего не добиться, — имей в виду, разговор будет серьезным и беспощадным! Он давно назрел. Что будет с тобой дальше?

Именно последних слов я и ждал. Они мне последнее время крепко надоели. В этом и заключается его беспощадный разговор, ничего себе!

— Так что же все-таки с тобой будет? — повторил он, не услышав от меня ответа.

— То же, что и со всеми, — сказал я.

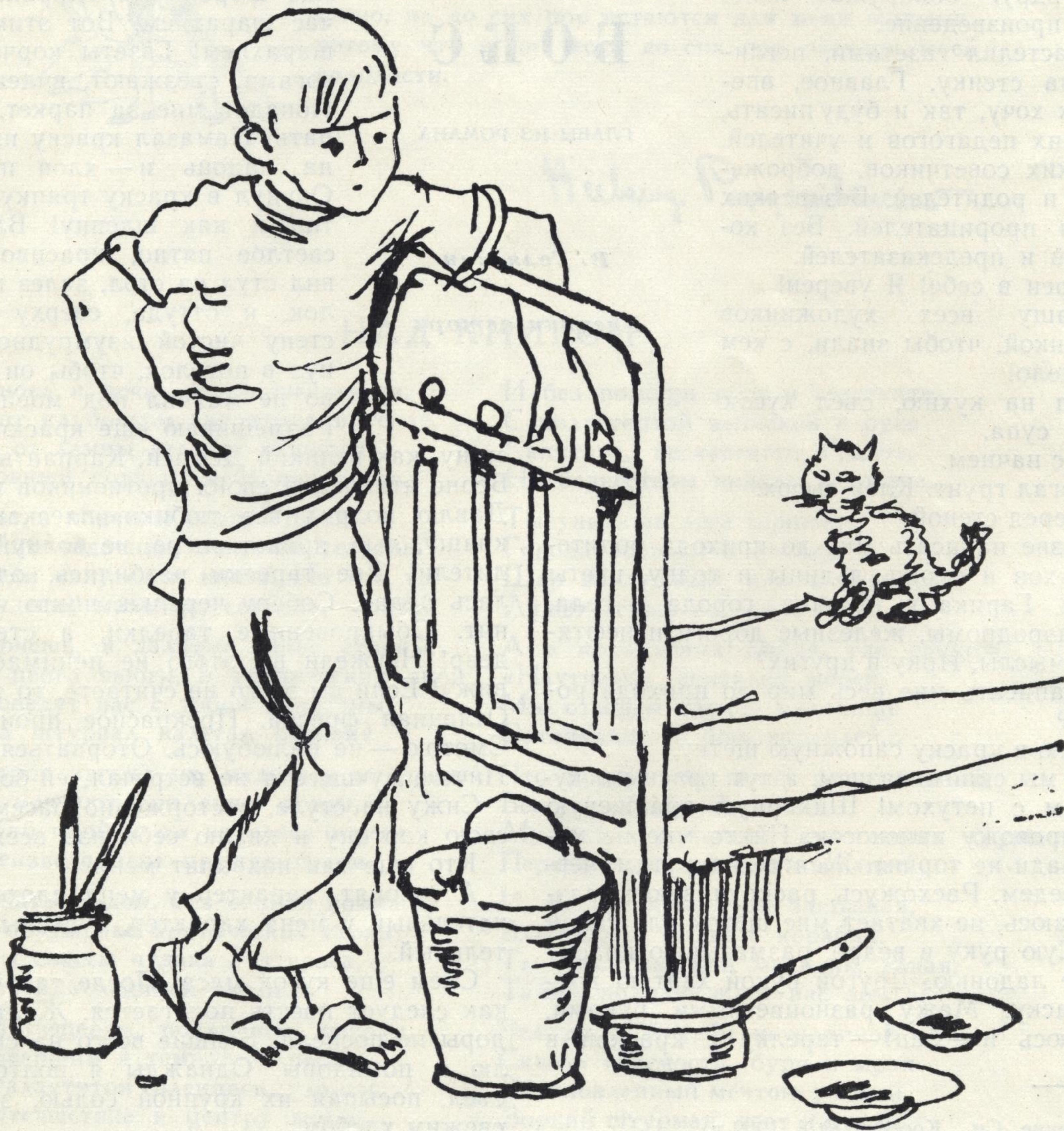
— Ты себя ко всем не причисляй!

— А я и не причисляю.

Он как будто хотел меня ударить, но сдержался.

— Со всеми не происходит того, что с тобой, — сказал он. — У всех нормальные дети, порядочные сыновья. Они не портят кровь родителям, не ходят вверх ногами, а ты ходишь вверх ногами, уже продолжительное время, да, да! Другого тут слова не подыщешь. Ничего вокруг себя не замечая, ты губишь себя и родителей. Что ты отмочил на стене, зачем? Объясни мне, по какому праву ты сделал из комнаты свинарник, превратил стенку в безобразное зрелище? Объясни мне, отчитайся, ответь за свои поступки...

— Все равно будет ремонт, — сказал я.

— Если было бы все равно, люди лазили бы в окно, — сказал он.

— Ее всю заклеят обоями, — сказал я, — стоит ли волноваться...

Отец подумал и сказал:

— Что у тебя изображено на стене? Безобразие, какое только можно себе представить! Я молчал.

— Ничего там не изображено! Ничегошеньки там нет, но у тебя хватило терпения всю ее замалевать, живого места не оставить! Чудовищный ты тип, хулиган и больше ничего! Я молчал.

— Разговор будет серьезный, имей в виду! — сказал он, не отрывая взгляда от стены.

— Не так уж это плохо нарисовано, — сказал я.

Он вскочил, подбежал к стене, ткнул в стену пальцем:

— Это?!

— А что?

— Бандит! — погрозил он мне пальцем, измазанным в краске.

Вошла мать. Перекосило ее как никогда. Ни с того ни с сего она сказала:

— Ведь я была у знаменитого Павлова, невропатолога, и он даже меня не осматривал, а сразу посоветовал не расстраиваться.

Она идет в свою комнату, скрипят пружины кровати. Оттуда я слышу:

— Павлов мне сказал: вам нельзя расстраиваться, вам нужно больше спать.

— Бессовестно ты поступаешь с матерью! — отец натягивает на голову свою неизменную брезентовую фуражку, собирается уходить.

Мне хочется остановить его, пойти с ним, но как это сделать?

* * *

— Алло!

Я чуть от радости не задохнулся, когда Иркин голос услышал.

— Здорово, что ты мне позвонила, — говорю, — ужасно здорово!

Она сразу замолчала, ждет, что я ей еще скажу.

— Ужасно рад, что ты мне позвонила! — твержу. Ничего другого мне в голову не лезло.

— Это я уже слышала, — говорит.

— Я правда рад, клянусь!

— И это все? — спрашивает она своим шипящим голосом.

— Нет, не все.

— Так что же еще?

Хотелось ей картину показать, обрадовался я, как сумасшедший.

* * *

— Какая же это картина?! — возмутилась Ирка, когда я подвел ее к стене.

Мне показалось, она меня хочет ударить по щеке.

Я отошел подальше и совсем не к месту прочел свое единственное стихотворение, сочиненное на уроке арифметики:

Рожден ли я среди людей теряться,
Спокойной жизнью наслаждаться,
Прожить бесславно свой недолгий век
И умереть как жалкий человек?

Сзади меня совсем не Иркин голос спросил: — Как фамилия?

Я обернулся.

Вот уж не ожидал я увидеть товарищей милиционеров! Как они появились? Дверь оставил раскрытой. Какая теперь разница.

— Чего вы? — сказал я. — Я ничего...

Я хотел выскочить в дверь, но меня перехватили.

— Спокойно, спокойно, — сказал старший лейтенант, — ишь ты...

— Что я сделал?! — сказал я.

— Покажите-ка вот эту книжечку, — попросил он.

На столе лежал «Суриков».

— Давайте-ка, давайте-ка ее сюда.

Он сам взял «Сурикова», повертел в руках и передал сержанту.

— А вы, барышня, что тут делаете?

— В гости пришла, — сказала Ирка.

— Погостили, а теперь домой идите.

— Ну, я пошла, — сказала Ирка.

— До свиданья... — сказал я.

— Соберите краски, — сказал старший лейтенант.

— Нету у меня никаких красок, — сказал я, — кончились у меня все краски.

— Ну и ну! — сказал он, глядя в упор на стену. — За это я бы своего сына по головке не погладил!

Сержант рассматривал стенку с интересом. Он потрогал краску, измазал палец, как мой отец.

— И на это ты все краски угробил? — спросил с недоумением старший лейтенант. — А теперь отвечать придется, ай-ай-ай! Я бы всыпал. Ну, дает! Кто у тебя родители?

Я молчал.

— Приличные, наверное, родители, а сын — вор.

— Доверху все замазал, товарищ старший лейтенант, — сказал сержант, — живого местечка не оставил, товарищ старший лейтенант.

— Воруем, значит, великие художники? «Сурикова» крадем, костюмы, краски...

— Какие костюмы?

— Ах, мы о них не слышали?

— Не знаю я ни о каких костюмах!

— «Сурикова», значит, украли, — очень хорошо!

— Зелененькой красочкой, товарищ старший лейтенант, похоже, из ковша лил.

— Распустились молодые люди.

— И потолок прихватил, — сказал сержант.

По стене скользнул солнечный зайчик и пошел плясать по краскам. Наверное, какой-нибудь мальчишка баловался зеркальцем на противоположном балконе.

— Намазюкал, аж глаза ломит, товарищ старший лейтенант, — сказал сержант.

— Ну, пошли, художник, — сказал старший лейтенант.

— А как я родителям сообщу?

— Раньше нужно было о родителях думать, молодой человек.

Кошмарики, пропало ваше чадо...

* * *

В камере я положил в угол свой пиджачок под голову и прилег. Хорошо, что пиджачок прихватил с собой на всякий случай.

Лезли в голову мысли. Самые разные, самые несуразные.

Подбальчик темненький, прохладненький подвальчик, а наверху жара. Играют двое в карты. Пьяный спит. Обстановочка, новая обстановочка. Никто на меня внимания не обращает, и то хорошо.

Встал, потянулся. Надоело лежать.

— Художника просят!

Я вскакиваю.

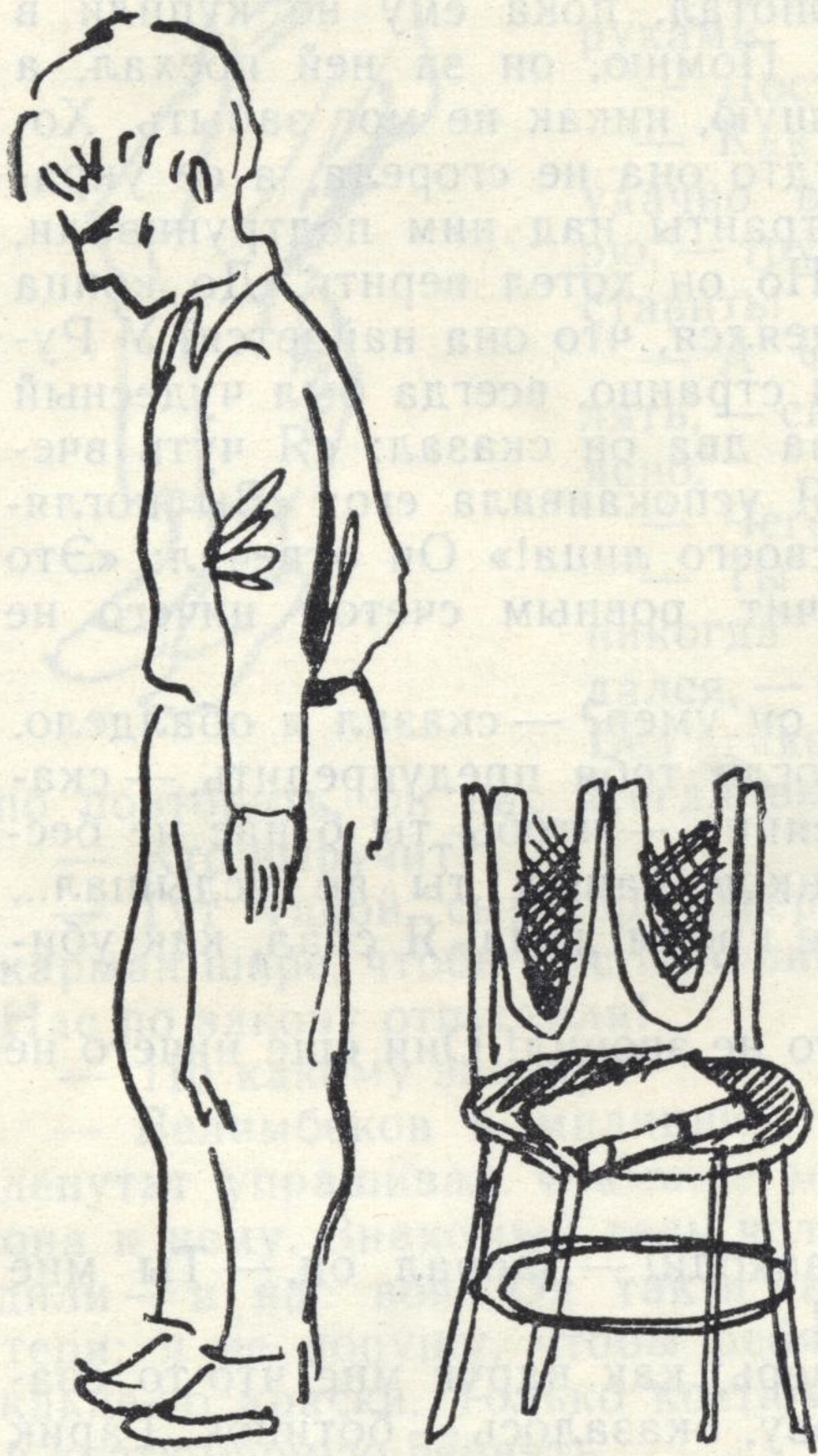
— Пиджак свой захвати!

Значит, сюда я не вернусь.

Поднимаюсь за милиционером по лестнице в дежурку.

Кого я вижу! Гарик! «Шиш, пусть поймают, ни шиша нас не поймают!» — чьи были слова? Поймали ведь, поймали! Докатились! Будут нас сейчас спрашивать, будут нас допрашивать...

Художники-грабители! Отправят нас сейчас в тюрьму, переезд на новую квартиру. Не пойду по улице под конвоем, ни за что не пойду, что хотите со мной делайте!.. Увидят меня люди, увидит меня Ирка... В тюрьму нас

отправляют, понял, Гарик? Ну и дурак же ты, Гарик, ну и дела! Сейчас нас уведут, сейчас нас упекут...

Появился начальник милиции.

Начальник поманил нас пальцем. Подойдите-ка ко мне, голубчики, поближе. Не стесняйтесь, грабить не стеснялись. Попались мне, голубчики, попались. Допрыгались, родные, доигрались.

Стоим с опущенными головами, два болвана. Добыли краски через оперу...

Зевают начальник: эх-хэ-хэ-хэ-хэ...

Смотрел, смотрел на нас, потом как заорет: — Сержант!

Сержант схватил нас за шиворот и к нему подтолкнул.

— К полу приросли с испугу, — сказал сержант, — не оторвать. Такого человека обокрали...

— Выбросьте их вон! — сказал начальник. Мы ничего не поняли.

— Проводите их на улицу, сержант, — сказал начальник. Голос у него был усталый и злой.

* * *

Я ни черта не соображал, ровным счетом ничего не понимал на этом свете. С какой стати нас отпустили?

И у Гарика вид, словно его мешком огрели. «Бежим скорей отсюда, — говорит, — пока нас снова не схватили, ошибка, наверное, произошла».

Припустили во весь дух по мостовой, едва на нас машина из-за угла не наехала. Шофер успел затормозить: «Эй, спятили вы, что ли?!» А мы и вправду спятили, любой на нашем месте спятит. Сначала схватили, потом отпустили. Поймали с вещественными доказательствами — и дуйте на все четыре стороны! Жмите, дуйте!

Дуем что есть мочи через трамвайную линию, перед носом у трамвая.

Дуем сквозным через пассаж, зигзагами сквозь прохожих.

Дуем через скверик, через заборы.

Дуем через бульвар, сшибая листья на ходу правым хуком и апперкотом (надо научиться, надо научиться бить как следует!).

Сняли туфли и помчались босиком.

Бежим, несемся, дуем, мчимся, хотя никто за нами не гонится. Оп-ля!

* * *

Дома никого. Сообщили им из милиции или нет? Или опять они ищут меня по всему городу? Я расхаживал из одной комнаты в другую, поглядывал на свою роспись. Сообщили или не сообщили? А что, если меня действительно по ошибке выпустили, а родители, явившись в милицию, все испортят? Там сразу хватятся, покорнейше вас благодарим за исправленную оплошность... Вот до чего может довести родительская забота! Ну ладно, родителей я прошу за их необдуманные действия. Мое произведение настолько прекрасно и значительно, что все остальное чепуха по сравнению с ним!

Насвистываю, размахиваю руками и вышагиваю.

Гадость. Словно я на сцене! Особенно после кинокартины так бывает: наглазеешься на киношного героя и начинаешь, как он, ходить и выпендриваться. А сам не замечаешь.

Я прошел на веранду, уже своей нормальной походкой, без кретинства, и стал вылавливать из супа мясо. В дверях щелкнул ключ, и я отпрянул от кастрюльки. Вошла мама: на ней лица не было! Так и есть, меня ищут! Я приготовился все выслушать, а она проследовала в свою комнату, держась одной рукой за голову.

Я за ней:

— А что я сделал... Я ничего не сделал...

Свинство, безусловно, повторять одно и то же всю жизнь.

Она молчала.

— Скверно, что опять у тебя голова болит! — сказал я сочувственно и глупо.

— Удивляюсь и поражаюсь, — сказала она и резко повернулась, — почему она у тебя не болит от звонков?

— Каких звонков?

— Всю ночь звонили!

— Как же мог я их слышать!

Значит, им звонили, сообщили!

— Разве ты что-нибудь слышишь!

— Почему она все-таки должна у меня болеть?

— Пали из орудий, в литавры бей...

— Какие литавры?

— Мы с отцом глаз не сомкнули...

— А что я сделал! — вырвалось у меня. — Я ничего не сделал!

— Всю ночь с отцом звонили!

Куда они еще звонить могли как не в милицию! Значит, они звонили, а не им звонили...

Она тяжело села на свою кровать. Мать уставилась на меня красными заплаканными глазами. За маминой головой на стене толпились в тесноте, но не в обиде, вырезанные из газет и журналов балерины, артисты и государственные деятели разных стран.

— Был человек и — нет человека, — вздохнула мать.

— Почему это меня нет, когда я здесь? — сказал я испуганно.

Мать завозилась, стараясь сесть удобней, и пружины застонали, заскрипели.

— ...Он позвонил нам вечером, единственным своим друзьям. Наверное, самый одинокий человек на свете, мы его понимали... Ему вдруг стало худо, и мы с отцом поехали. Исключительно деликатный, редкий музыкант, умница! Арфа Рудольфа звучала божественно. Как все выходит, как все выходит! Он был нам бесконечно рад, радовался, как ребенок... Он уважал твоего отца, сама не знаю,

за что. Он всей душой тянулся к нам. Кроме арфы, у него ничего не осталось. Он так и не сумел наладить свою жизнь, попросту не знал, как это делается...

На первых порах у него своей арфы не было, инструмент имелся только на радио. Так ее и перевозили: с радио в оперу и обратно. Неувязки с репетицией, арфа требуется на радио, а в опере спектакль, трепка нервов. Он скопил денег. Ночами рисовал какие-то морские карты, куда-то их сдавал. Выписал себе арфу, кажется, из Германии. Появились ученики. Пошло на лад до злополучного пожара. Когда горела опера, сгорела его арфа. Мы думали, он не вынесет... Зачем я все это рассказываю! Хлопотал, пока ему не купили в Москве новую. Помню, он за ней поехал, а старую, сгоревшую, никак не мог забыть. Ходили слухи, будто она не сгорела, а ее украли. Или оркестранты над ним подтрунивали, скорей всего. Но он хотел верить. До конца дней своих надеялся, что она найдется. У Рудольфа, как ни странно, всегда был чудесный цвет лица. Раза два он сказал: «Я чуть вчера не умер». Я успокаивала его: «Вы поглядите на цвет своего лица!» Он отвечал: «Это ничего не значит, ровным счетом ничего не значит...»

— Выходит, он умер? — сказал я обалдело.

— Мы не могли тебя предупредить, — сказала она рассеянно, — чтобы ты о нас не беспокоился. Звонков наших ты не услышал...

— Я был все время дома. Я спал, как убитый.

Значит, никто не звонил! Они еще ничего не знают!

* * *

— Заходи, заходи! — заорал он. — Ты мне как раз нужен!

Я открыл дверь, как вдруг мне что-то свалилось на голову, оказалось — ботинок. Гарик хохочет, подпрыгивает от удовольствия — старые шуточки. Я поднял ботинок, швырнул в него, но не попал.

— Отлично я его на веревочке подвесил? Отлично? Прямо по макушке саданул! Точь-в-точь рассчитал! Я тебя из окошка увидел, как ты шел, и засаду подготовил.

Он стал объяснять, как это делается, как ботинок над дверью подвешивается, дверь открывается и ботинок опускается на голову. Если крикнуть «огонь», можно насторожить вошедшего, и поэтому он «огонь» не крикнул. Я же говорил, на такие штуки голова у него работать не уставала. Жалко, я в него не попал этим самым ботинком.

— Когда я буду художником, — сказал

он, — я у себя в мастерской устрою пневматический тир.

— Это еще зачем?

— Придешь ко мне в гости — постреляешь. Кстати, краски у тебя все забрали?

— Все.

— Можно повторить.

— Что повторить?

— Надо тебе еще красок?

— Ну?

Он подпрыгнул к потолку с вытянутыми руками.

— Достанем.

— Как все тогда удачно вышло, — говорю, — трудно себе представить!

— А чего представлять, — сказал он, — все ясно.

— Чего ясно?

— Ты знаешь, я сам никогда бы не догадался, — сказал он. —

Без всякого риска мож-

но повторить, он нас всегда выручит.

— Кто выручит?

— Тут такой сыр-бор завертелся. Держи карман шире, чтобы нас по ошибке отпустили. Нас по закону отпустили!

— По какому закону?

— Велимбеков в милицию трезвонил, как депутат упрасивал. Мамаше моей сообщили, она к нему. Знакомый ведь человек! Все уладили — и нас вон! Он так и сказал моей матери: я не допущу, чтобы ребят засудили за какие-то краски. Только костюм мне отдайте, в костюмерную вернуть...

— Ну, и ты отдал?

— Что я, дурак? И все обошлось, шито-крыто. И костюм у меня остался. Мамаша моя к вам наведывалась, да ваших дома не оказалось. Везет тебе, братец. А то бы тебе высыпали домашние по первое число.

Мы его ограбили, а он нас по головке погладил, получается. Меня он и вовсе не знал, а пожалел. Вот это да!

— Как же ты ему костюм-то не вернул? — спрашиваю.

— А зачем?

— Ты ему серьезно не вернул? — не укладывалось у меня в мозгу. Да я бы Велимбекову свой костюм отдал, не моргнув глазом.

— А я еще повторить собирался, — сказал Гарик. — Пошебуршили бы у Велимбекова вторично.

— Как?!

— Ты на меня такими глазами не смотри! Скажи мне спасибо. Никто тебя не заставляет. Что к моему костюму привязался? Завидно тебе?

— Лезть к нему снова, ты спятил? Отдай ему костюм!

— Еще что!

И тут меня изнутри подтолкнуло. Он что-то мне еще сказал, и сразу я знакомый толчок ощутил, по всему телу, как будто ток, и правая рука — раз! — сама собой сработала.

Он отлетел далеко, сбив стул, такого я не ожидал. Буквально влипился в стену и замер на полу неподвижно.

Поразившись своему удару, я подскочил к нему и посадил его на кушетку. Он потрянул головой и посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

Но через несколько секунд он вскочил и заорал:

— Я тебе покажу! Не подходи ко мне! Не подходи!

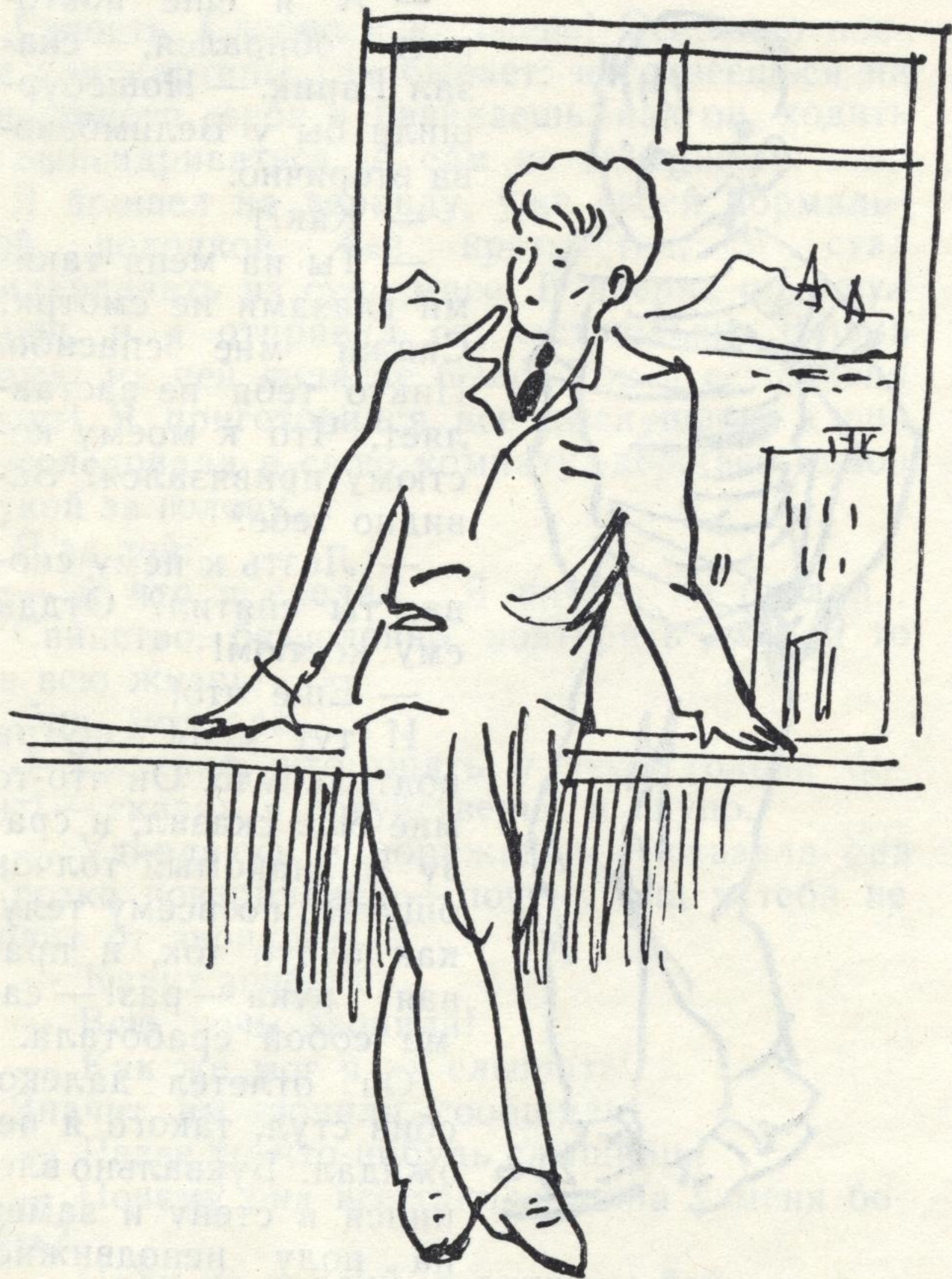
— Очнулся? — сказал я. — И ладно! Повесь над дверью свой ботинок.

Откуда у меня такой удар взялся?

У своего парадного я чуть не столкнулся с матерью Гарика. Без всякого сомнения, она выходила от нас.

* * *

Все мои старые никчемные рисунки мать отнесла к секретарю горкома комсомола, ну кто ее просил! Они ему так понравились, что он теперь собирается надо мной шефство взять. Зачем мне это нужно! Я, значит, сбился с пути истинного, и он меня на путь истинный теперь наставит. Так надо понимать? С какой стати надо мной шефство брать? В чем заключается это шефство, любопытно бы узнать? Воспитывать меня будут? Наставлять и поучать? На арфу, может быть, снова пошлют, к новому педагогу?

Мать Гарика свое дело сделала. Про кражу расписала, будь здоров! Всполошилась моя мамаша. Завертелось колесо!

Шагаю под конвоем мамочки к секретарю горкома. Насели на меня родители, спасти меня решили. Попробуй не пойд! Побеседовать со мной секретарь горкома собирается.

...Оглядываю кабинет. Секретарь горкома присел на подоконник. Парень как парень. А может, это не секретарь горкома? Нет, он. Мать ему сообщает: «Не хотел идти, еле уговорила». Я молчу. Жду, о чем он со мной будет беседовать. Пялю глаза на его значок, оторваться не могу. Мастер спорта. Вот не ожидал!

Подает мне с улыбкой руку, заметил, наверное, что я на значок загляделся, и спрашивает:

— Рисовать нигде не учился?

— Ходил, — говорю, — одно время в студию Дома пионеров, а потом надоело, я и перестал.

— Отчего же перестал?

— Я же объясняю: надоело.

— Просто так, надоело и все?

— Да, рисуют там разные чучела, ворон, я и убежал,

— Напрасно.

— Может, и напрасно.

— В художественное училище надо тебе поступать.

— Может, и надо.

— А для этого школу закончить надо.

— Надо.

— А ты?

— Что я?

— Брось дурака валять, — вмешалась мать, — с тобой серьезно разговаривают! Вы знаете, меня так косило, еле ходила, а он...

— Мать, видишь, тобой недовольна, приятель.

— А она всегда недовольна.

— С компанией какой-то связался.

— С какой компанией? Ничего с какой компанией я не связывался, врет она.

— Да уж, видно, связывался, раз так о матери заявляешь. Она, значит, врет, а ты правду говоришь. Так вот, скажи, правдивый человек, что ты считаешь в своей жизни главным?

— Я прошу тебя быть серьезным! — сказала мать.

— Главное в жизни — движение, — сказал я серьезно.

— А цель? — спросил он.

— Главное — движение, — повторил я, — главное — вперед!

— По-твоему, что главное: движение или цель?

— Вперед! — сказал я. — Вот что главное.

— Куда вперед?

— Вперед и все!

Он засмеялся.

— Но все-таки куда? Так и на стену можно лбом вперед, чудаков-людей!

— Ну вот еще, на стену, — обиделся я.

— Цель-то у тебя какая? Чем бы ты хотел заняться?

— Боксом, — сказал я, косясь на его значок.

— Это мы устроим.

— Seriously устроите?

— Не надо ему никакого бокса, — вмешалась мать.

— Я давно хотел, а пойти стеснялся...

— Черкну записку Азимову и порядок.

— Азимову напишете? Да ну! Вы с ним знакомы? — от радости я захлебнулся словами. Кто не знает Азимова! Чемпионом был, а сейчас «Спартак» тренирует.

— Ради бога, не пишите ему никакой записки, — сказала мать.

Он засмеялся, моргнул мне, мол, это наше с тобой личное, сразу меня понял.

Я хотел его про значок спросить и не решился.

— Только вот что, приятель, — сказал он, — тут нужно сочетание. Ответственность у тебя имеется?

— Какая ответственность?

— Школу будем заканчивать?

— Да успею я закончить, пусть она не волнуется.

— Кто — она?

— Ну, мать.

— Тебе ведь это нужно, а не ей, сам должен волноваться.

— Вынь руки из карманов, — сказала мать.

Я вынул.

— Со школой, значит, мы с тобой договорились, так я понял?

— Договорились.

— С сентября начнем?

— Начнем.

— И вы ему верите? — вмешалась мать.

— Вполне.

— Да если я захочу, я в два счета летом за седьмой класс сдам, не моргнув глазом!

— А скромность?

— Маяковский во весь голос так и шпарил! Во была личность!

— А вы знаете, я Маяковского не люблю, — вмешалась мать. — Грубо, понимаете ли... я его никогда не понимала, конечно, дело вкуса...

— Дело вкуса, мадам, — сказал он, неожиданно добавив «мадам».

Но матери понравилось. Она всю улыбалась.

— Я бы хотел заработать, а где, не знаю, — сказал я.

— Да, да, — добавила мать поспешно, — как бы его к делу пристроить...

— Мы с тобой так решим, — сказал он, положив мне руку на плечо, — пошлем мы тебя в пионерский лагерь художником. Будет там тебе зарплата маленькая, оформлением займешься и пейзажи попишешь. Ты, надеюсь, комсомолец?

— Да кто его в комсомол-то примет с двойками, — сказала мать.

— Что ж ты, братец, — сказал он, разводя руками, — как же так?

— Не принимают, — пробормотал я упавшим голосом, предполагая, что теперь все рухнуло, пропало. Не напишет он мне записку Азимову, раз я не комсомолец...

— Таким в комсомоле не место! — закричала мать к моему удивлению. — Заслужить надо!

— Мы ему дадим время, мамаша, дадим

ему время исправиться. Пошлем его все-таки в лагерь, поможем ему, подсобим.

— Спасибо вам, — сказала мать, — как вы с ним быстро договорились — диву даюсь!

— А в школу мы тебя в вечернюю устроим.

— А записку обещаете?

— В чем вопрос!

— Спасибо.

Так мы и расстались. В теплой и дружеской обстановке.

— Заходи, когда надо, — сказал он.

Я помахал рукой на прощание возле дверей, как боксеры на ринге, а он мне в ответ.

* * *

«Дорогие папа и мама!

Чем бы обрадовать вас в письме? Попросили меня написать в столовой клеевыми красками роспись, и я написал точную копию нашей стены. Начальник пионерлагеря возмутился, пришлось все замазать и написать пейзаж. От пейзажа он пришел в восторг и воскликнул: «Если я увижу твоих родителей, я вынесу им благодарность!» Так что вы получите благодарность, а я получу премию 12 пирожков, которые выделил мне повар. Он сказал: «Глядя на твой пейзаж из кухни, я чувствую, будто нахожусь на пляже, а не на кухне. Если ты мне, дорогой, напишешь такой вид на стене, напротив плиты, я обещаю кормить тебя всю жизнь в любой столовой, где я буду работать!» Все в полном порядке. Рисую стенгазеты и пишу пейзажи.

Происходил тут очень веселый матч. Во время родительского дня гремело радио на весь лагерь: «Товарищи родители! Кто желает участвовать в футбольном матче против своих детей, просим подавать заявки. Немедленно подавайте заявки, кто хочет сразиться со своими детьми!» Собралась родительская команда и ребячья. Я вошел в родительскую команду, сами понимаете, из детского возраста вышел. И пошло! Был футбольчик! Родительская команда выскочила на поле кто в трусах, кто в брюках, кто в чем. Все босиком. Дети кинулись в атаку с первых же минут. Родителям мешал смех, они хохотали и поэтому плохо играли и бегали. Некоторые родители, не выдержав смеха и борьбы, сошли с поля. Я тоже вышел из игры, от смеха не держался на ногах. Осталось трое чьих-то отцов. Они играли до конца. Игра закончилась со счетом 12:0 в пользу детей».

Дальше я писал, что чувствую себя хорошо, описал, как садится солнце за море и как оно восходит, и как меняется море при разной погоде.

* * *

Лето пронеслось, арбузы, дыни, помидоры, виноград и огурцы! Айва, инжир, гранаты, лучшая пора! Песок и море. Небо и земля. Разрежь головой изумрудную воду. Бей волны на тысячи мелких брызг. Ныряй, кувыр-кайся, глотай и выплевывай море. Мчи из воды на горячий песок. Жги тело солнцем. Ходи на руках по песку от радости. Болтай от восторга ногами в небе...

Лето пронеслось...

* * *

Плохо, что у меня такие широкие трусы, такие широченные трусы, совсем не боксерские! Я стою в своих жутких трусах в долгожданном зале вместе с другими ребятами, а наш тренер Ислам Исламович, пригнув голову, смотрит на нас исподлобья, как будто вот-вот бросится в бой. Он с силой бьет кулаком в ладонь.

— Кто взял мои часы? — говорит он.

Я не брал часы, но мне все равно неловко. Ведь я украл краски. И мне кажется, что он знает об этом и думает, что я украл часы.

— Дело не в часах, — говорит он хрипло. — Дело в том, что часы подарок. Мне подарили их. Вы понимаете это? Отдайте часы! В зале тихо.

— Что мне, вас обыскивать, что ли? Я ни одного не выпущу отсюда, пока часы мои не будут на столе! Вот на этом столе, вы слышите? Разойдитесь к чертовой матери и давайте совещайтесь, и чтоб часы лежали на столе!

— Да вон они у вас на месте!

И вправду, часы на столе, но их там не было, это точно. Все удивились, и Ислам Исламович удивился и говорит:

— Хм... ну, ладно. Все ясно.

А тот мальчишка, который крикнул, он издаleка крикнул, он-то никак не мог их подложить, присвистнул даже от удивления, а тренер наш взял часы, положил их в маленький кармашек брюк и говорит:

— А ну, построиться!

Когда мы построились, он сказал нам:

— Внимание, ребята. Слушайте. Я ведь прекрасно понимаю, что часы подложили, предварительно их стянув. Таким образом, среди нас, честных, затесался вор. Этого нам не хватало! Ведь мы все свои, хотя впервые собрались сегодня здесь, на первое занятие. Что получится, если мы будем тянуть друг у друга втихомолку часы, штаны, рубашки, все подряд? Что получится тогда, милые мои? Мы останемся — ну, в чем нас мама родила! Вот здесь, в этом шкафу, инвентарь. Там пер-

чатки, разные снаряды. Так, может быть, сразу и начнем, растащим все и баста? Никогда воры в этом зале не появлялись!

Он, растерянный, прошелся по залу, готовый заплакать от обиды. Тишина абсолютная.

— Убирайтесь вон! Не будет сегодня занятий! Все до одного убирайтесь, я с вами сегодня никакого дела иметь не хочу!

Посмотрел на меня и как гаркнет:

— А штанов не нашел побольше?

Я растерялся и говорю:

— А что я сделал?

— Пошире, погромადней, что ли...

— Извините, — говорю, — я в следующий раз...

— Катитесь все отсюда до среды!

Мы побежали в раздевалку за перегородку, одевались молча, настроение у всех паршивое, не смотрели друг на друга, и никто даже над моими штанами не посмеялся, а я-то боялся, что все со смеху умрут после его слов. Не до моих штанов, слишком все ошарашены часами.

Я отправился домой через бульвар, по дороге сел на каменный барьер и открыл книгу «Бокс и боксеры», с которой теперь не расставался. Открывал ее всегда наобум, на любой странице, и читал с восторгом с любого места. Так и не прочел ее с начала до конца по порядку, но зато всю в беспорядке.

«Восемнадцать лет, несмотря на то, что весил всего пятьдесят девять килограммов, он выиграл любительский чемпионат Новой Зеландии в тяжелом весе, побив четырех человек в течение одного вечера».

Я замечтался. Мне сейчас шестнадцать, а до восемнадцати пока далеко. Шифт-понч, «хитрый удар», знаменитый удар в солнечное сплетение Роберта Фитцсиммонса...

Вдруг кто-то меня взял за плечо, остороженько, я и не заметил, как он подошел. Стоит и улыбается, как с неба свалился, но я его узнал. Сегодня в зале видел среди других ребят. Трусы у него были заграничные, где он их взял? Я пытался клеймо разглядеть, что за фирма, да издали не разобрал. А в раздевалке он слишком быстро штаны натянул.

— Значит, видел? — спрашивает.

— Чего видел?

— А ну, пойдём.

— Куда?

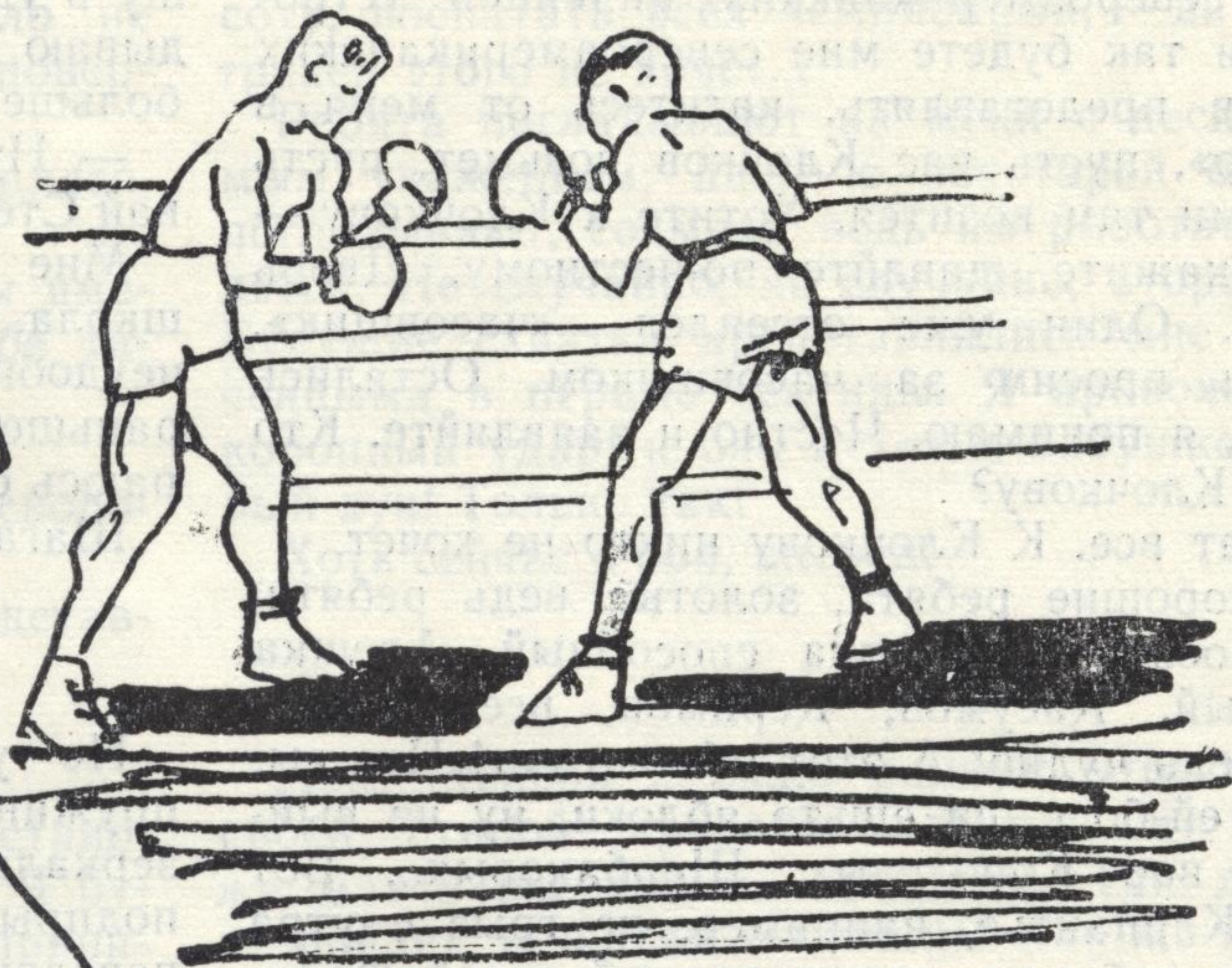
— Пройдемся.

Я соскочил с барьера.

— Не дунешь, — спрашивает, — или дунешь?

— Ты о чем?

— Не притворяйся. Ты же видел, как я часики увел. Нечего притворяться.

— Так это ты?!
— Да брось ты дурака валять!
— Да я и вправду не видел!
Он улыбаться перестал, рожу свою корчить.
— Шутишь ты или нет, не понимаю. Выходит, я тебе зря проговорился!
— Подлец ты! Вот ты кто!
— Ах, дунешь! Смотри вниз!
Я машинально глянул вниз, но в этот момент он вдруг согнулся, а потом резко выпрямился — прямо в лицо мне ударил головой. Удар пришелся в нос, ведь я нагнулся. Я чуть не сел. Вылетела из рук в кусты книга «Бокс и боксеры». Из носа кровь. А он побежал по тенистой аллее, и по спине его прыгали солнечные зайчики. Скорей всего, зайчики прыгали у меня в глазах.
В таком виде я пришел домой, не пугайся, милая мамаша!
— Спасибо ему, спасибо, — сказала мать, увидев мое лицо.
— Кому спасибо?
— Секретарю горкома комсомола.
— А он при чем?
— А по чьей милости тебе физиономию разбили, как не по его рекомендации?
— Что за чушь?!
— Мне профессорша Фигуровская предрекала! Ну разве это спорт?!
— Начались занятия, — сказал я, — вот и все.

* * *

Прижатые к стеклам лица. Удивленные широкие глаза. Люди смотрят на нас с интересом. Не сразу поймешь ведь, в чем дело! Мы прыгаем и носимся по залу, бьем по

воздуху, по грушам, по мешкам. Пыль, шарканье ног, свист скакалок.

Не знаю, как другим, а мне не очень приятно, когда на меня глаза пялят.

Я говорю:

— Не цирк ведь, Ислам Исламович.

— Работы стесняться нечего, — говорит он.

— А ну, построиться!

Скверная у него привычка заставлять нас все время строиться. Чуть что — сразу строиться. Его мы уважаем. Он прошел славный путь за белыми канатами. Он был боксер что надо! Любим мы его. Но с этим своим построением!..

Мы нехотя строимся.

На стеклянную дверь напирают. Того гляди, стекла выдавят. Давно нужно бы занавески повесить.

Наш И-И — Ислам Исламович — медленно идет к двери.

— Отойдите, граждане, — просит он, — ничего здесь нет интересного, ну что вы тут толпитесь, люди работают!

И-И с силой толкает передних. А силы у него достаточно. Толпа отступает. Он хлопает дверью. Толпа тут же опять придвигается.

— Занавеску надо, — говорю я.

— Ничего постыдного здесь нету, — говорит он.

А там всю напирают. Вышибут нашу старенькую дверь.

— Все построились? — спрашивает.

Ну, так и есть, сейчас начнет.

— Дорогие мои, дорогие мои! — говорит он. — Если так пойдет дальше, что получится? Вот ты, Степа, что ты делал, когда я вошел? Сидел яблоко ел. А Касумов, хуже того,

пляску североамериканских индейцев устроил. Если так будете мне североамериканских индейцев представлять, катитесь от меня в «Динамо», пусть вас Клочков возьмет, пусть он с вами там возится. Хотите к Клочкову — сразу скажите, давайте по-честному. Дверь открыта. Один уже отсеялся — «часовщик». Милости просим за часовщиком. Остались честные, я понимаю. Честно и заявляйте. Кто хочет к Клочкову?

Молчат все. К Клочкову никто не хочет.

— ...хорошие ребята, золотые ведь ребята, ведь способные, Степка способный, Алешка способный, Касумов, Керимов, все способные... Ведь чудно! А это яблоко ест! Что вы, ребята, ей-богу, ну ешьте яблоки, ну не выйдет из вас Королевых, Щербаковых... Вот Жорж Карпантье, например, не грыз с утра до вечера яблоки, нацисальный герой Франции... Он работал, трудился, он был великий мастер! Он не бил в ухо или в нос, бил точно. Он встречался с Джеком Демпсеем на первенство мира, а вы знаете Джека Демпсея?..

Он начинал рассказывать про Демпсея. Целый час мог рассказывать без передышки, а то и больше. Со временем он не считался. Он всегда забывал про время. Всю ночь бы с нами пробыл, да он и так с нами возился. Время он не считал, лишь бы польза. Жена позвонит ему, а он ей: «Сколько? Одиннадцать? А я думал, девять!» Вот так он не считал свое время! Он больше с часами песочными дело имел. Песок сыплется, он и смотрит, когда раунд кончится. А другие часы его не интересовали.

А те часы, что у него стянуть хотели со стола, так они и сейчас там. Лежат себе спокойненько, никто их не крадет. Только он на них редко поглядывает. А с вором в трусах заграничных я встречаюсь. Ничего, что он к нам не идет, ничего.

— Разойдитесь и займитесь снарядами. А ты ко мне.

Мой тренер надевает кожаные лапы, а я перчатки, мы оба влезает на ринг, и я ношусь вокруг него, как бешеный, и бью, стараясь попасть в середину лапы сильнее и точнее, суше и резче, пот льет с меня, но я все бью и бью в воображаемого противника прямые, свинги, хуки, апперкоты под крики мастера: «Так, хорошо!», «Очень плохо!», «Никуда не годится!» Подсек меня в подбородок ребром лапы, чтоб помнил о защите, слегка, ему казалось, а я сел. «Прости, — говорит, — слишком сильно». «Да, слишком сильно», — говорю. Вскочил, потряс башкой и лупить продолжаю. «Ну, давай, вложи ду-

шу в удар, продолжай, вложи душу!» Я вкладываю душу. Стараюсь ниже голову, чтоб больше не попалс.

— Ну все, милый, хватит, иди отдыхай, давай Степу.

Мне надо спешить. Вечерами вечерняя школа. В первые дни неудобно пропускать, неудобно опаздывать. Меня отпускают пораньше. Под душ, одеваюсь в темпе. Продираюсь сквозь толпу у дверей.

Шагаю по улице — ЧУВСТВУЮ СЕБЯ.

* * *

Не удавалось мне долгое время легкое пружинистое движение по рингу. Торчал у зеркала с утра до вечера. По улице идешь и подпрыгиваешь. По комнате, как по рингу, передвигался. Но раскованность не приходила. Все время тянуло передвигаться, расставив ноги сравнительно широко, в то время как И-И твердил: «Ноги уже!» Пусть будут ноги шире, решил я, и никто не переубедит меня в обратном. Если кому удобно «ноги уже», то пусть он так и ходит, мне так неудобно. Я понял, как мне лучше.

Я работал в спарринге с Касумовым, а И-И мне орал:

— Ноги уже!

— Я так привык! — отвечал я ему, продолжая работать.

— Не те мне попадаются!

Отстал бы от меня!

— Не заучивай неправильно, век будешь отучиваться!

Он остановил спарринг.

— Я так давно привык, — сказал я.

— Как давно? Сколько лет прошло? Сорок? Пятьсот?

— Я не могу иначе.

— Ну, кто ты такой?

— Я?

— Да, ты.

— Человек.

— Ну какой же ты человек, если не можешь ноги уже?

— А вы кто? — разозлился я.

— Сейчас увидишь, — он надел перчатки, перелез ко мне через канаты, выгнал с ринга Касумова. Драться, что ли, со мной собирается, очумел! Лицо открыто, не защищается, перчатки держит внизу, согнулся, как горилла, физиономию свою с поломанным носом выпятил и твердит:

— Ну, ну, давай, давай...

— Чего давай?

— Работай!

Попасть в него в этот момент было не трудно, и я ему прямым ткнул в лицо, повернулся и бежать.

Видели бы вы его выражение! Сморщился, не ожидал удара, злой.

— Кто ты такой?! Кто ты?! Какое ты имеешь право держать ноги шире, кто тебе такое право дал? Ты балбес!

Я снял перчатки, бросил их на ринг.

— За такие слова... Прекратите оскорблять!

А он мне опять свою физиономию подставляет:

— Ну, на, ну, дай мне еще...

Разве можно на него обижаться!

— Оскорбишь человека, так он злее становится, ух! Как тигр, как лев бросается! Я буду вас, ребята, оскорблять, но вы не принимайте близко к сердцу... Давай, давай, Касумов ждет тебя, давай! Надевай, надевай перчатки, и ноги уже...

Лезу под канат к своим перчаткам.

— Бокс!

И-И с песочными часами следит за нами.

И вдруг Касумов буквально отделился от пола, ноги его взлетели вверх. Удара я и не заметил, но он был! Второй раз за всю жизнь! Таким же ударом сбил я Гарика, без сомнения! Наверное, правой, ну да, я бил правой... каким же ударом я сбил его?

Поднимается с полу Касумов, но не сразу. Вид у него обалделый. Еще бы! Во дал! Пристали ко мне со своими ногами, при чем здесь ноги?!

Ребята ахают. Смотрят на меня, как на диковинку. Такой удар у нас еще никому не удавалось провести. Хотя на тренировках сильно бить не обязательно, ведь своего товарища, но все равно все сильно бьют, разгорячась.

— Это еще ничего не значит, — говорит И-И, делая вид, что ничего не произошло.

Касумов уже совсем оправился, сидит на скамейке очень задумчивый.

И-И гладит его по голове, как маленького:

— Ничего, ничего...

Бойтся, что сбежит Касумов. Больше всего опасается, что от него сбегут. Самая сокровенная идея у него — «Спартак» поднять на небывалую вы-

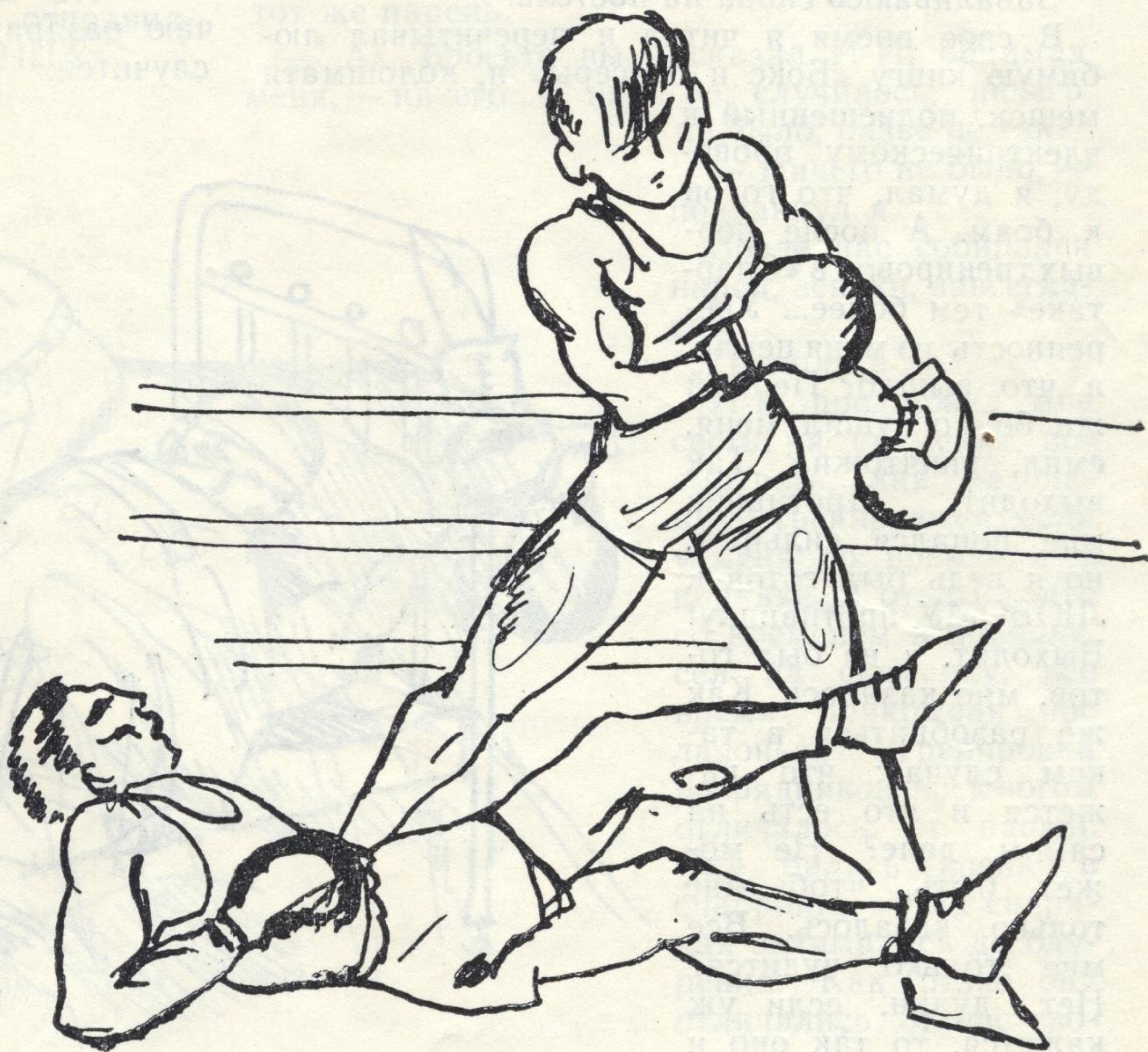
соту, воспитать всех чемпионами, — да какой тренер этого не хочет...

Ребята поглядывают на меня с нескрываемым уважением, даже с некоторой опаской поглядывают, со мной ведь им работать придется. Не случайно, не случайно, второй раз! Будущие схватки представлялись мне законченными в первые секунды. Я провожу свой коронный удар, и они летят к бабушке! Правый хук! Только так!

Хоть сейчас в бой, вперед!

* * *

Лежу теперь и охаю ранним утречком на своей старой кровати, избитый в первом же матче вчерашним 'вечерком. Так дальше не пойдет, к чертям собачьим! Как же я допустил? Где же мой удар, которым я послал его в нокдаун в первом раунде? По корпусу он мне надавал, словно кувалдой, а лицо попросту узнать нельзя, а стыдно-то как! Позорный первый бой, выдохся, как последняя собака, бил беспрерывно мимо, а он меня обрабатывал, как хотел. Избитый до такой степени, спасибо вашей тете, чтоб я еще явился! И это называется «работой»? Работайте, ребятки, друг с другом, только без меня. Оставьте меня в покое, даже дышать тяжело, ну вас всех, не выдохнуть полностью,

ой. Проваливаю, пока не поздно, из добровольного общества «Спартак». Добровольно побитый, улепетьваю добровольно... Сколько я ни вкладывал душу в удар, а вложили мне. В «Спартак» я не вернусь. Ни к Клочкову, ни к Азимову не собираюсь.

Подходит отец к моей кровати, смотрит на меня с сожалением.

— Неужели перчатками можно так украсить?

— Я и сам об этом не подозревал.

— Мягкие перчатки, а у тебя даже уши распухли.

— Выходит, жесткие.

— Мать была права.

Отец собирается на работу. Кладет в карман бутерброд, который каждый раз приносит назад.

Я, охая, встаю.

Теперь косит меня.

— В нашей семье теперь двое косых, — слышу голос отца, — очередь за мной. Косая семейка, парад косой семейки, каково?

— Не болтай глупости, — говорит мать.

— Счастливо оставаться!

Хлопает за отцом дверь.

— Меня, между прочим, совсем не косит, — слышу я голос матери, — и нечего надо мной подтрунивать. А ты сам себе заработал, ты слышишь меня?

Заваливаюсь снова на постель.

В свое время я читал и перечитывал любимую книгу «Бокс и боксеры» и, колошмата мешок, подвешенный к электрическому проводу, я думал, что готов к боям. А после первых тренировок в «Спартаке» тем более... Уверенность из меня перла, а что вышло? Первый же бой оглушил меня, смял, уничтожил. Так выходит. Противник мне попался сильный, но я ведь был готов к ЛЮБОМУ противнику! Выходит, я не был готов, мне казалось. Как же разобраться в таком случае: что кажется и что есть на самом деле? Не может быть, чтоб мне только казалось. Все мне только чудится? Нет, дудки, если уж кажется, то так оно и

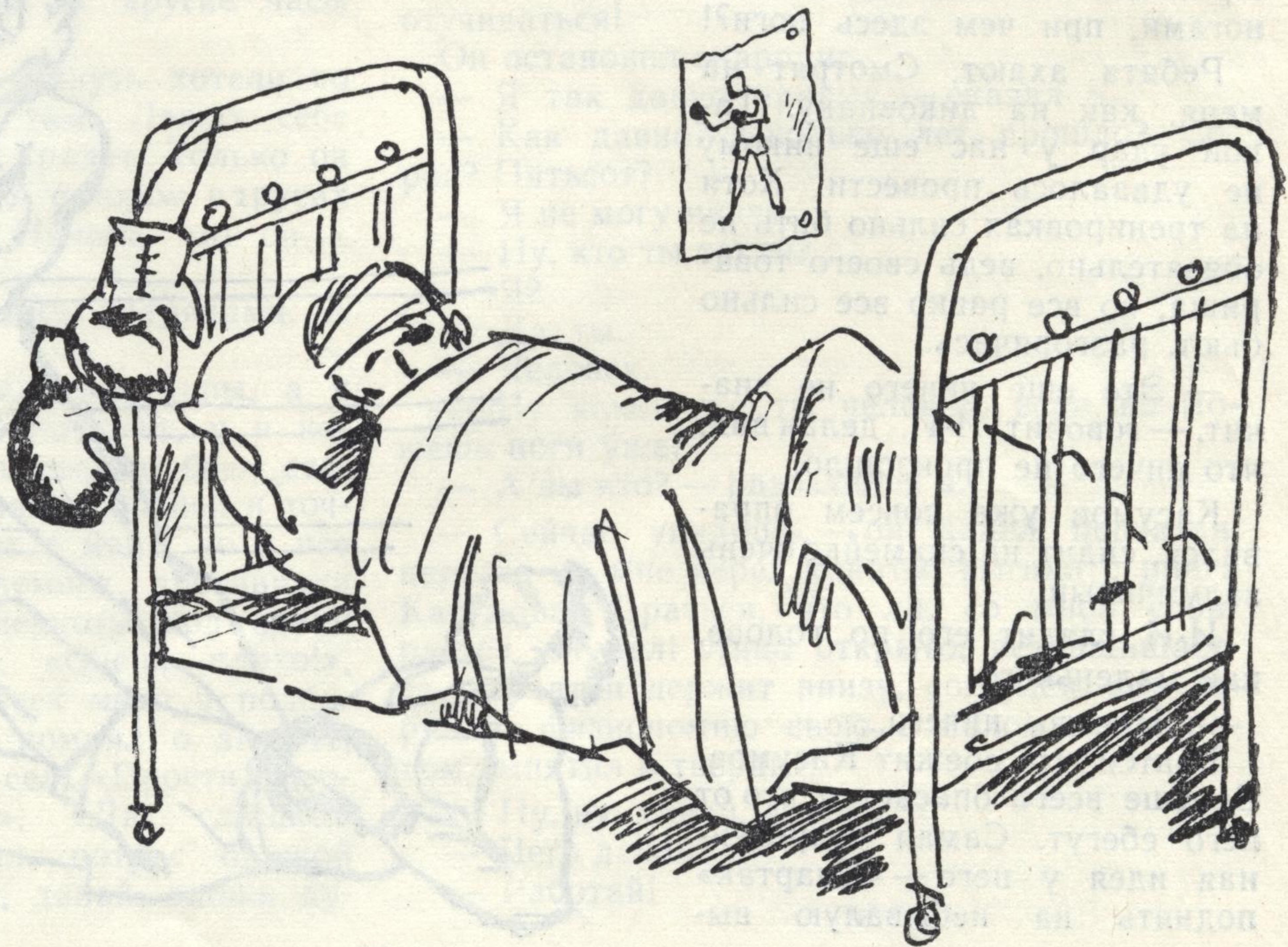
есть, загвоздка тут в другом. Ну, а если у меня неверное чутье? Кажется одно, а получается другое? Тогда непрерывное сплошное невезенье. На смех людям. Может такое быть? А почему бы и нет. Не то человек делает, не то и выходит. А кто то делает? Что значит то? Я вот сейчас чувствую, что в бокс не вернусь, ни за что не вернусь...

Рассуждая, я машинально отколупывал кусок засохшей краски, кусок моей росписи, пока он не отлетел. Под ним проглянули обои, но я скоблю ногтем дальше, словно добирюсь до клада или хочу проткнуть пальцем стену насквозь. Скоблю и скоблю без всякого смысла, просто так, и, вижу, проступают буквы. Под обоями газета, и я начинаю действовать осторожно, чтобы прочесть, что там написано. Мне вдруг показалось, что я должен непременно прочесть, что за слова под обоями, во что бы то ни стало. Обои приклеены намертво. Но уже проступило слово, полустертое, но четкое своим смыслом «бились».

Скоблю в нетерпенье и спешке. Ага! Есть!.. «бились до конца»... А дальше? Кто бился? И до какого конца? Досада! Ах, беда, испортил все, испортил, стер слова...

— Что ты делаешь со стеной? — спрашивает мать из той комнаты.

— Что можно сделать со стеной, — отвечаю раздраженно, — ничего с ней никогда не случится.

— Ах, не случится? Ты так думаешь? С ней уже случилось! Она стала непохожа на себя!

— Кто? Стена? — я смеюсь.

— Чем ты занимаешься, ответь мне!

— А ты чем занимаешься?

— Не валяй дурака, я лежу.

— И я лежу.

— Но ты еще что-то делаешь?

— Ничего.

— А со стеной что ты делаешь?

— Поддерживаю ее, мама.

— Оставь стену, ты меня слышишь?

— Я ее давно оставил. Теперь она свалится в твою комнату и будет полно мусору.

— Будешь сам мести. — Принимает все за чистую монету, ну как тут не шутить. Я люблю с матерью шутить, нести всякую чушь, пока она вдруг не скажет «не валяй дурака» или «не болтай глупости».

— Нет, правда, что ты там все-таки делал со стеной? — спрашивает она после некоторого молчания.

Я не ответил.

Полежал, подумал.

Вечером встал, стараясь не охать, к зеркалу. Руками поводил во все стороны: на спине, на груди. на руках мускулы ходят как сумасшедшие. Роба кривая, все тело болит, а мускулы так и ходят, так и ходят как сумасшедшие...

Надел белую свежую рубашку и отправился в «Спартак» БИТЬСЯ ДО КОНЦА.

* * *

И-И стоял с группой разрядников у дверей «Спартака». Сегодня день не нашей группы, но я не мог ждать. Волновался все больше, по мере того как к ним подходил. Маленький наш зал, ринг с потертыми канатами, тесная раздевалка, где мы толпились, отпуская шуточки, толкались голышом возле единственного душа, вываливались разгоряченные на улицу, расталкивая толпу у дверей, — не мог я все это забыть!

Дверь зала раскрыта.

— Пусть ветер гуляет, — слышу я голос И-И.

Ребята меня не знали, а И-И не сразу заметил. Я стоял возле них, прикрыв нос ладонью. Тронул И-И за рукав, улыбнулся ему распухшим ртом, раздутыми щеками, закрытым правым глазом, убрал ладонь с носа.

Видели бы вы его сияющее лицо!

— Я был уверен! — заорал он, радуясь, как ребенок. — Я был уверен! Он придет! Он пришел! Он будет продолжать! Неужели, думаю, не придет? Пришел, ребята! Дорогой!

Обнял меня при всех, при разрядниках, замечательный человек! В этот момент я любил его больше, чем кого бы то ни было.

— Что за птица? — спросил один из ребят.

— Он отличный парень! — сказал И-И. — Он славный малый — вот и все!

— Крепко ему где-то досталось, — сказал тот же парень.

— Ах, бросьте вы, — сказал И-И, обнимая меня, — ничего с ним не случилось, ничего не было, разве не так?

— Ничего не было, — поддакнул я.

Возле нас собирался народ, зеваки, завсегда-тай.

Прошли в зал.

И-И предложил мне сесть на скамейку, посмотреть, как разрядники тренируются, если у меня со временем в порядке. Я ответил, что со временем в порядке, сел на скамейку, все время прикрывая нос ладонью. Тренировка разрядников во многом отличалась от нашей. Они бились крепко в спарринге, и на снарядах занимались до одурения. Как резко они отличались от нас сво-

им умением. Один из ребят, щупленький, но мускулистый, подошел ко мне, сел рядом.

— Где это тебя так? — спрашивает.

— Известно где.

— Крепенько.

— Ладно, сам знаю, что крепенько, лучше тебя.

— Да ты не обижайся. Меня, знаешь, как лупят, а я ничего. Продолжаю. Бокс дело такое, если начал — никогда не бросишь, засасывает. Подумаешь бросать, а как вспомнишь прошедшее — не можешь. Не горюй. У тебя первый бой?

— Первый.

— А у меня шестнадцать.

Я посмотрел на него с уважением.

— Много выиграл? — спросил я.

— Ни одного.

Я думал, он шутит.

— Как же так?

— Удары я слабо переносу, поэтому и происходит. Частые нокдауны и все такое. Заденут вроде бы не сильно, а я готов. Но бросать не собираюсь. Хотя бы один бой выиграю, тогда, может быть, брошу. И то не уверен, вдруг наоборот потянет — рубикон перешагну. Так что ты не переживай, держись, парень!

Он мне понравился своей искренностью, откровенностью, упорством. Шестнадцать боев проиграть подряд и в то же время не отчаиваться! Есть в этом и бесспорная бесперспективность, даже сумасшествие, все равно он ни черта не добьется, раз такой слабак. Но мужественный паренек, ничего не скажешь.

— А как твоя фамилия? — спросил я, сам не знаю зачем.

— Дубровский, — сказал он, явно польщенный.

— Покажи Мамедову свой нырок, Дубровский! — позвал его И-И.

Мой утешитель сорвался с места показывать нырок Мамедову. Как видно, он был техничный паренек, умел он многое и знал, но проигрывал из-за физических данных, совершенно не выносил ударов. Симпатичный Дубровский. Чем-то он меня окончательно успокоил, даже устыдил с его необычным послужным списком.

Досидели до конца тренировки. Вышли с И-И последними.

— Почему я так ужасно проиграл? — спросил я. — Ведь я шел вперед, атака — лучшая защита, не ваши слова?

— Вперед — это еще не все. Надо и вглубь одновременно.

— Как, то-есть, вглубь?

— Соображать.

— Неужели я совсем не соображал?

— Ты прешь как бык. Бык кидается на красное, но ты же не бык! Великие боксеры боксируют, словно поют. Легкость, вот что важно! Ноги уже! Уже ноги, братец! А голову ниже! Карпантье скользил по рингу, он был легок, как бабочка, быстр, как ягуар, а удар его, резкий, как молния, поражал точно. Но он не был быком. Никто из великих боксеров не был быком. Быка можно свалить очень быстро, с его бычьими мозгами...

Мне вдруг показалось, он начнет меня оскорблять сейчас, не хотелось мне этого.

— А Дубровский здорово соображает? — спросил я.

— Дубровский неплохо соображает, даже помогает ребятам советами. Он способен уходить от ударов, но малейший удар его сваливает. Удар он не держит, боксера из него, конечно, не выйдет.

— Зачем же ему тогда боксом заниматься?

— Ему нравится.

— Мало кому что нравится!

— Мне он тоже нравится, — сказал И-И, — черт бы подрал эти данные, которых у него, к несчастью, нет...

— Парень, с которым я боксировал, очень сильно бил, — сказал я, — у меня болит все тело, клянусь вам.

Он вдруг прошептал мне в ухо:

— Этот парнишка боксирует два года, к твоему сведению.

— Как?!

— Не хотел я тебе говорить, но не выдержал.

— Это же несправедливо!

— Не было пары.

— А я при чем?

Как потом выяснилось, И-И такие встречи практиковал, чтобы закалить, умерить прыть, проверить новичка. Специально мне подстроил. Полезно это или нет, сказать трудно, но жестоко. Даже и способному новичку можно отбить навсегда охоту к боксу.

— Все-таки он меня ни разу не сбил! — воскликнул я.

— Вот видишь!

— А я его сбил в первом раунде!

* * *

Подскочила ко мне сзади на улице, потянула за рубашку, и я обернулся.

Видок мой Ирку поразил.

— Ой, мамочки, что это с тобой?

Я растерялся, прикрыл нос ладонью.

— Ой-ой! — она меня рассматривала своими большущими круглыми глазищами, а я готов был сквозь землю провалиться, очень

уж неподходящее время меня рассматривать. Дома надо сидеть с такой физиономией, а не шляться по городу, каждый будет тебя останавливать, интересоваться, надоедать.

— Работаю... — сказал я, криво улыбаясь.

— Кем же ты работаешь?

Я провел два удара по воздуху без лишних слов.

— В чем твоя работа заключается?

— Боксом занимаюсь.

— Тебя бьют? — спросила она участливо.

— Это еще почему?

— Видно по тебе.

— Со всеми бывает.

— Неужели в лицо разрешают?

— Непременно, — сказал я гордо.

— Такого и пожалуй можно.

— А чего меня жалеть, нечего меня жалеть, не терплю, когда меня жалеют.

— Ну, как хочешь.

— Как бы, интересно, ты меня пожалела?

— Сказала бы «мне тебя жалко», вот и все. Между прочим, я бы сейчас в кино пошла...

А я моментально представил, что сижу с ней рядом в темноте, целый сеанс, и у меня закружилась голова.

— Пойдем, — сказал я как можно безразличнее, — пойдем, если тебе со мной не стыдно...

С моей опухшей рожей пошла по улице, в кино, несколько не смущаясь! Я оценил, но виду не подал.

Нам повезло, мы взяли билеты и сели на последний ряд.

Потушили свет, я смело взял ее за руку

и не выпускал до конца сеанса, а она не отнимала.

Не успел зажечься свет, как она вдруг

вырвалась и выбежала из зала. Я за ней, но ее уже нигде не было.

Как понять? Сидела со мной, сама меня в кино потащила, и сразу бежать...

* * *

Пот, кровь из носа — ерунда: работать больше, бокс! Вперед и вглубь! Тренироваться, как можно больше тренироваться! Колошмачу снаряды, акцентирую удар. Разучиваю серии, ноги уже! Голову ниже, а правую выше! Защищайся, раскрепощайся! Передвигайся, передвигайся! Провести правый апперкот в солнечное сплетение после свинга: раз-два! — не легко. А правый хук в корпус после прямого совсем не идет, не проходит. Не сплю по ночам, боксирую во сне: мелькают перчатки, нокауты, нокдауны, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Бом! Бокс! Ору во сне: бокс, бокс, бокс! Только тем и занимаюсь: боксирую, читаю, тренируюсь, вырезаю из журналов Джо Луиса, Королева, Витю Меднова, Толю Булакова, залепляю стены возле своей постели.

Кто куда, а я в «Спартак».

Ушел весь в тренировки.

Слева не проходит апперкот. А дни проходят. Недели...

Ждут родители от меня толку в жизни. А я боксирую, боксирую, боксирую. Не без толку же! Погодите, увидите, вспомните меня, заветная мечта, заветное, самое заветное! Отец уже мною гордится (а ну-ка, покажись, сынок, каков ты?), не то еще впереди, не прекращать тренировки!

* * *

Зал полон. Висят на решетках окон, сидят на подоконниках, теснятся у дверей. Юношеские соревнования «Открытый ринг» вот-вот начнутся. Рвусь в бой. Здесь я встречу с равным противником. Настроение боевое.

Кто он?

— Нет у тебя противника, — сообщает И-И.

Вот новость! Вылетел по жеребьевке, оказался без партнера. Трое в моем весе, третий лишний...

— Одевайся, раз так вышло.

— Не буду одеваться!

— Ну, ходи без штанов.

Стою в трусах с забинтованными кулаками, намерен надеть перчатки, а драться не с кем. До чего обидно!

— Почему именно я лишний, можете объяснить?

— Не ты один.

— Кто еще?

— Средневес.

— Где он?

Кинулся его искать, единственная надежда. Сидит, грустит, так же, как и я, без противника. Умоляю слезно:

— Давай, друг, поработаем, хоть я и полусредневес. Упросим судей, главного судью упросим, чем мы не противники?

Хочется мне подраться, и ему хочется, войдите в наше положение, товарищи судьи!

— Нет вам партнеров, вам же объяснили!

— А разве мы не партнеры?

— Какие же вы партнеры?

— Разве мы не пара?

— Какая же вы пара?

— Но мы согласны.

— Отстаньте, ребята, нечего голову морочить!

Напрасный разговор. Никто нас понять не хочет. Никто в наше положение войти не хочет. Никто нам посочувствовать не хочет. Непонятые мы и отвергнутые. Выходят на ринг пары, а мы не пара. Не дают судьи нам подраться!

Прищурившись, смотрит на меня Азимов.

— Найдем, найдем тебе партнера, раз ты так стремишься, только не сейчас.

Молча оделись, вышли на улицу со средневесом, одинокие, с одинаковой сегодняшней судьбой, неполноценная пара, вовсе не пара, а недоразумение...

Дошли до угла, пожали друг другу руки и разошлись.

* * *

— Может, мне пока не ехать с разрядниками на соревнования, — спросил я И-И, — не так давно меня избили, как бы не повторилось.

— Когда это было, сто лет назад!

— Может, обождать?

— А ждать чего?

— Ну, потренироваться, подготовиться как следует, наверняка.

— Вот и потренируешься. В Кировабаде, знаешь, какие парни? Воздух там чистый, дышат ребята, как моторы, на винограде выращенные молодцы. Буйволиная закваска, только техники маловато. Имей в виду: если двинут, пропустишь удар — улетишь на небо, на облака к богу, и останешься там отдыхать.

Смеется.

— Это мы еще посмотрим!

— Ого! Мне уже нравится! Этого я и ждал! Нечего бояться. Ты же не мешок, набитый опилками, а человек, не могут тебя безнака-

занно бить, ни в коем случае. Защищайся и сам нападай, и порядок.

— Легко сказать.

— Пойми, нету у меня разрядников в твоём весе, нету! Неполная команда, потеря очков. Поработаешь раз-два и порядочек, а может, и заденешь удачно — совсем хорошо. Со средневесом, помнишь, рвался, а теперь назад?

По всему, он не очень-то в меня верил, но другого выхода у него не было.

— Там меня подвели, теперь тут...

— Я подвел?

— А то кто? С разрядником я проиграл жестоко на ваших глазах, и опять... я не трушу, но не хочется мне проигрывать, идти по стопам Дубровского, а начало похоже. Мало шансов победить.

— А закалка, опыт?

— Весь дух из тебя вышибут, какая уж тут закалка!

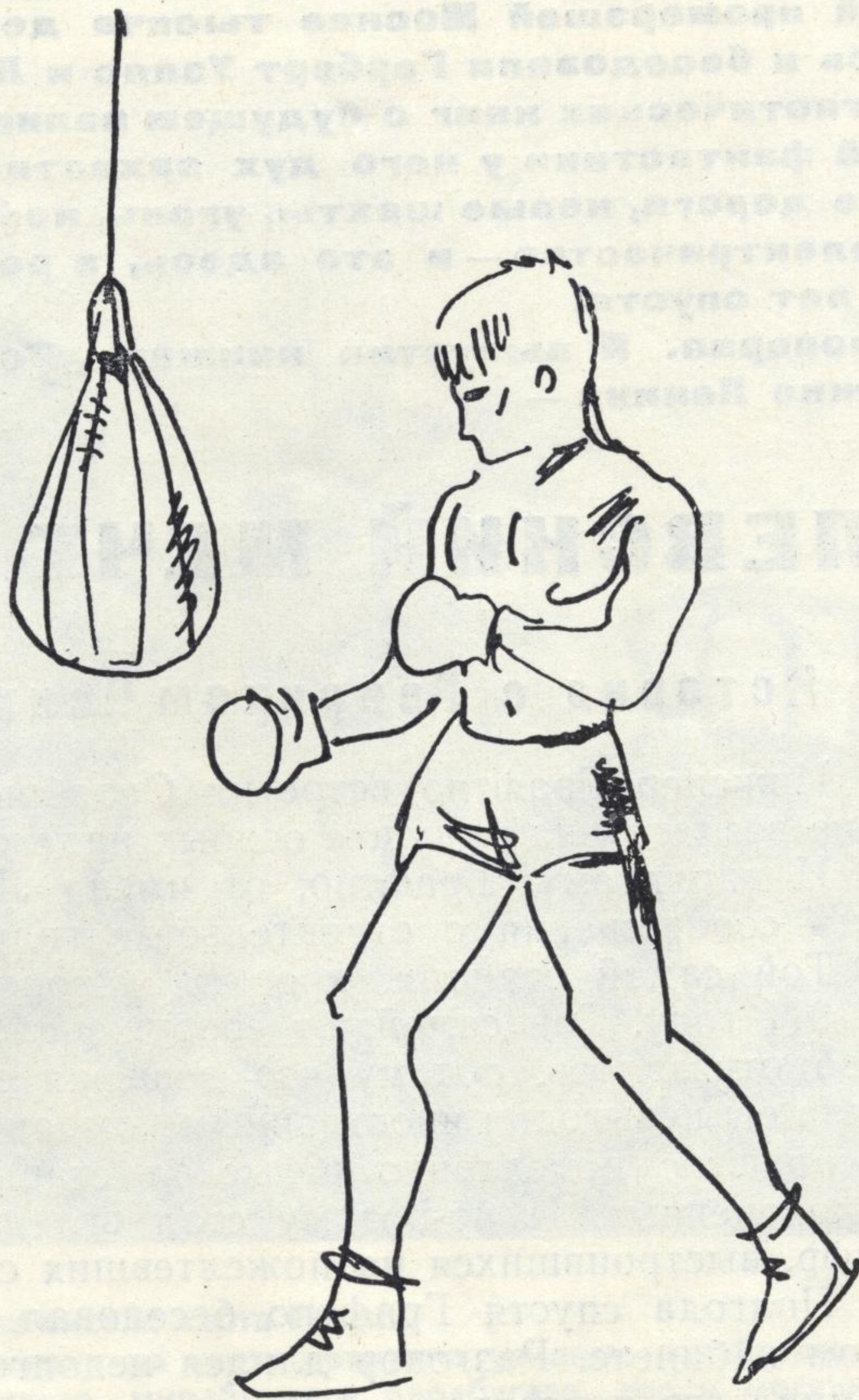
— Настоящий боксер должен отдавать удары, а не получать.

По-честному, ехать, вообще-то, я собрался, для себя решил, но поговорить хотелось, а он нервничал. Еще бы! Команда разваливается, отсутствует средневес, а кировабадцы состав выставили полностью. Давай, Вовка, или нам труба.

— Рокки Марчиано, — начал он мне в ухо, — никого на свете не боялся, никого на свете! Его руки прозвали «пропеллерами». О нем говорили: подставить себя под его удары, все равно что сунуть голову под вращающийся пропеллер самолета!

— При чем здесь Марчиано?

— Подставить под твою правую... ты понял меня?

— Чего подставить? — делал я вид, будто не понимаю.

— Голову! Чего же еще?

— Кто же мне ее, интересно, подставит, скажите на милость?

Он меня уговаривал изо всех сил.

— Нет, я не могу, я не могу, — заволновался он, — меня с ума сведут, не те мне попадают! Ты только о себе думаешь! Ты должен болеть за команду!

— Кто вам сказал, что я не еду? — сказал я.

— А ты не говорил?

— Ничего подобного.

— Правда?! — он кинулся меня обнимать. — Полную команду выставим, боевой состав, «Спартак» родной, бакинский, славные ребята, талантливая молодежь...

...«Талантливая молодежь» собралась на вокзале. Полная команда,

благодаря мне. Впервые еду один, не считая военного времени, когда я сбегал на фронт и меня возвращали. Ответственные для меня соревнования, не хочется проигрывать, буду стараться. Все, что накопил — выложу. Впервые легально оставил школу, законно пропускаю занятия, предъявив бланк с эмблемой физкультурного ордена Ленина общества «Спартак». Впервые сказал мне директор: «Милости просим, желаю удач, забей голов побольше». Он спутал бокс с футболом. «Забью, — сказал я, — так и быть». Укатываю впервые довольный и гордый доверием, не пустая личность на этом свете, талантливая молодежь.

Гудки и свистки паровозов. Столпились вокруг И-И.

— Все собрались?

Пересчитали — все.

— Айда в вагон!

Окончание следует

В голодной промерзшей Москве тысяча девятьсот двадцатого года встретились и беседовали Герберт Уэллс и Ленин. Много фантастических книг о будущем написал к тому времени Уэллс. Но от такой фантастики у него дух захватило: новые заводы и фабрики, новые дороги, новые шахты, уголь, нефть, электричество, электричество, электричество — и это здесь, в разоренной стране, и всего несколько лет спустя! Уэллс не поверил. И выпустил книжку „Россия во мгле“. И назвал в этой книжке Ленина —

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

История с Генрихом Осиповичем Графтио

Инженер Графтио встретил Октябрь уже немолодым человеком и не возлагал на будущее особых надежд.

И вдруг ему, Графтио, от имени Ленина предложили подготовить соображения о строительстве гидростанции на реке Волхове.

Той самой станции, проекты которой Графтио разработал еще в 1911 году. Той самой, от сооружения которой царское правительство отказалось, потому что дешевая энергия Волховской станции была бы невыгодна иностранным компаниям.

Графтио немедленно разыскал старые папки, казалось, навсегда похороненные. И по-новому стал вглядываться в чертежи, в ряды цифр, выстроившихся на пожелтевших страницах.

Полгода спустя Графтио беседовал с Лениным в его кремлевском кабинете. Разговор длился недолго, но будущий академик запомнил его навсегда.

«Я впервые увидел тогда гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного», — записал Графтио.

Интервенция помешала закончить строительство в срок, и работать Волховская станция начала уже в дни, когда Ленина не было. До сих пор ГЭС дает стране ток — вместе с многими своими собратьями, неизмеримо более могучими электростанциями.

История с Курской магнитной аномалией

В апреле 1922 года Ленин приехал в Московский биофизический институт.

Он приехал, чтобы ему сделали рентгеновский снимок — после покушения в плече Ленина осталась пуля. Заодно он намеревался осмотреть институт, созданный уже при Советской власти.

Однако Ленин так и не прошел по институту. Он надолго задержался в кабинете, где хранились материалы, связанные с изучением недр близ города Курска.

Директор института профессор Лазарев вместе с горным инженером Губкиным занимался геологической разведкой Курского месторождения. И вот теперь он рад был случаю рассказать Владимиру Ильичу о том, как подвигаются дела.

Напрасно нарком здравоохранения Семашко — близкий друг Ленина — пытался прервать беседу, опасаясь, что Владимир Ильич утомится.

Лазарев говорил о новых способах разведки, о применении чувствительнейших приборов и аппаратов. Ленин жадно слушал.

Зимой 1919 года в Петрограде разобрали на дрова деревянные постройки. В провалах между каменными зданиями оставались лишь фундаменты.

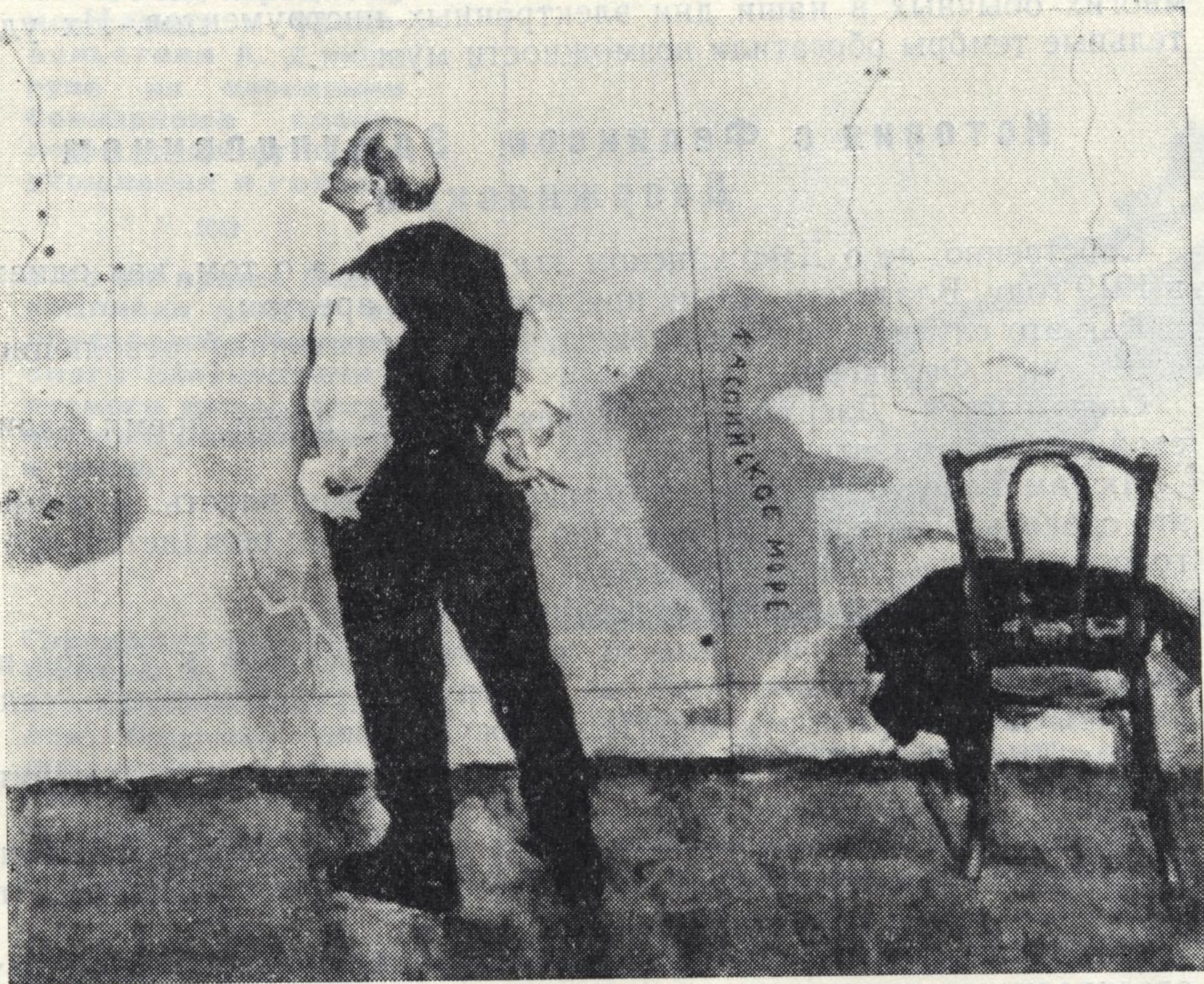
НО

В те же дни в Петрограде открывался институт, который позже назвали физико-техническим. В этом институте были сделаны многие важные открытия по строению атомного ядра.

НО

Тогда же организуется под руководством А. М. Горького издательство „Всемирная литература“, которое, по мысли Ленина, должно выпустить серию произведений всех классиков мира, от древности до наших дней.

В 1919 году дневной паек москвича равнялся „осьмушке“, то есть пятидесяти граммам хлеба, смешанного с отрубями.

В кабинете Владимира Ильича висела карта России.

Даже при самом беглом взгляде на карту нетрудно увидеть, как богата страна: руды на Урале, нефть на Кавказе, мирабилит в Карабугазе, лес и могучие реки в средней полосе и в Сибири.

А что таят горы Алтая и Памира, степи и пустыни Средней Азии?!

Настало время распорядиться всем этим по-хозяйски. Разведать, изучить, определить, подсчитать.

Под пером Владимира Ильича уже в 1918 году сложился план работ Академии наук. Великая задача была поручена ученым и инженерам.

М. Божий «Ленин у карты ГОЭЛРО». Фрагмент.

Транспорт так настолько пришел в упадок за время первой мировой и гражданской войн, что возникла мысль доставлять закавказскую нефть на верблюдах. Однако и это не очень удалось, потому что стада верблюдов вымирали от голода.

НО

В то же время создавалась новая, небывалая для царской России отрасль промышленности — торфяная.

Страна испытывала такой огромный недостаток в обуви, что некоторые бойцы Красной Армии даже на парад выходили в лаптях.

НО

Уже тогда предпринимались первые шаги к разработке северных месторождений угля в Воркуте и нефти в Ухте.

Чтобы осветить во время заседания VIII Всероссийского съезда Советов электрифицированную карту будущих строек, пришлось выключить на несколько часов все освещение столицы.

НО

Уже при испытании советского радиоприемника был установлен мировой рекорд дальности связи: Москва — Берлин!

Ему было радостно, что бурение начато и первый керн будет вот-вот.

Однако он не дождался первого керна.

Не довелось узнать ему, что месторождение, которым он постоянно интересовался, действительно очень богатое и его нижние слои содержат много железа.

История с Львом Сергеевичем Терменом

В начале 1922 года в кабинете Ленина происходил концерт. Физик Л. С. Термен, стоя возле своей установки, подобно дирижеру, простирая руки, не касаясь ни струн, ни клавиш, — а инструмент звучал, невиданный, электромузыкальный.

Ленин наблюдал с интересом. Потом сам попробовал сыграть. Начал с помощью изобретателя, а закончил мелодию почти самостоятельно.

— Я всегда говорил, что электричество может творить чудеса, — сказал Ленин. — Надо это всячески пропагандировать.

14 января 1919 года газета „Правда“ объявила, что вынуждена выйти в половинном размере из-за недостатка электрического тока.

НО

В это время уже развернулось строительство Каширской электростанции, первой из двадцати, намеченных в плане электрификации.

В перерывах между боями неграмотных красноармейцев учили писать так: разравнивали площадку, смачивали водой и острыми шашками на мокром песке выводили буквы.

НО

Великим почином, фактическим началом коммунизма справедливо назвал Ленин вошедшие именно в те дни в нашу жизнь добровольные трудовые субботники.

«Терменвокс», то есть «Голос Термена», стал родоначальником многих обычных в наши дни электронных инструментов. Их удивительные тембры обогатили возможности музыки.

История с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским

Собственно, не о Дзержинском эта история, а о том, как однажды, в 1919 году, Владимир Ильич пригрозил ему арестом.

Как это случилось? Чем про штрафился испытанный революционер, «железный Феликс»?

Оказывается, Дзержинский никак не мог найти время записать свой голос на пластинку.

Людам надо разъяснить, что такое Советская власть. А попробуй это сделать, если газет мало, радио только-только рождается, громкоговорители еще не изобретены.

Зато граммофоны даже и в деревне не редкость.

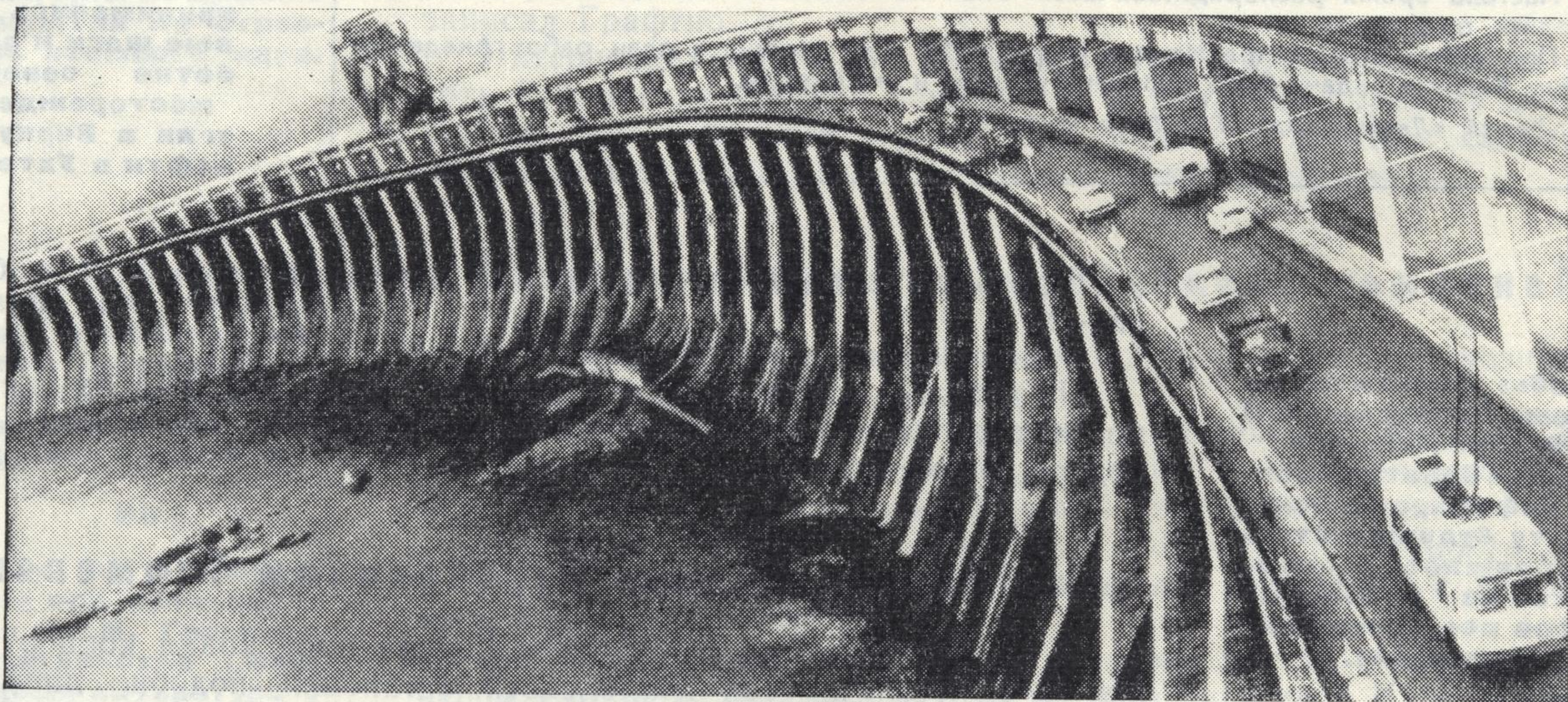
Вот и хорошо. Значит, вместо жестоких романсов и глупой перебранки клоунов Бима и Бома из раструбов «музыкальных машин» должны звучать речи руководителей государства.

Сам Владимир Ильич наговорил целых тринадцать трехминутных речей.

Он необычайно серьезно относился к трудоемкой процедуре записи. С часами в руке высчитывал темп, в котором нужно говорить, чтобы уложиться точка в точку.

Он требовал, чтобы Калинин, Луначарский, Дзержинский и другие следовали его примеру.

И когда Феликс Эдмундович узнал, что Ленин полушутя, полусерьезно грозит ему наказанием, он, конечно, поспешил исправить свою ошибку.

Начало 1920 года. Ленин изучает программу деятельности государственной комиссии по электрификации России.

Фразу за фразой обдумывает Владимир Ильич.

Прочел: «В Сибири принимается только западная ее часть...» и задержался. Это верно, еще нельзя охватить экономику всей Сибири, огромные пространства ее восточной части почти не изучены.

И все же Владимир Ильич вносит поправку. Самую маленькую. Всего одно короткое слово: «Пока». Он уверен, что и для всей Сибири придет время.

В 1918 году народному комиссару продовольствия А. Д. Цюрупу на заседании Совнаркома сделалось дурно от переутомления и голода.

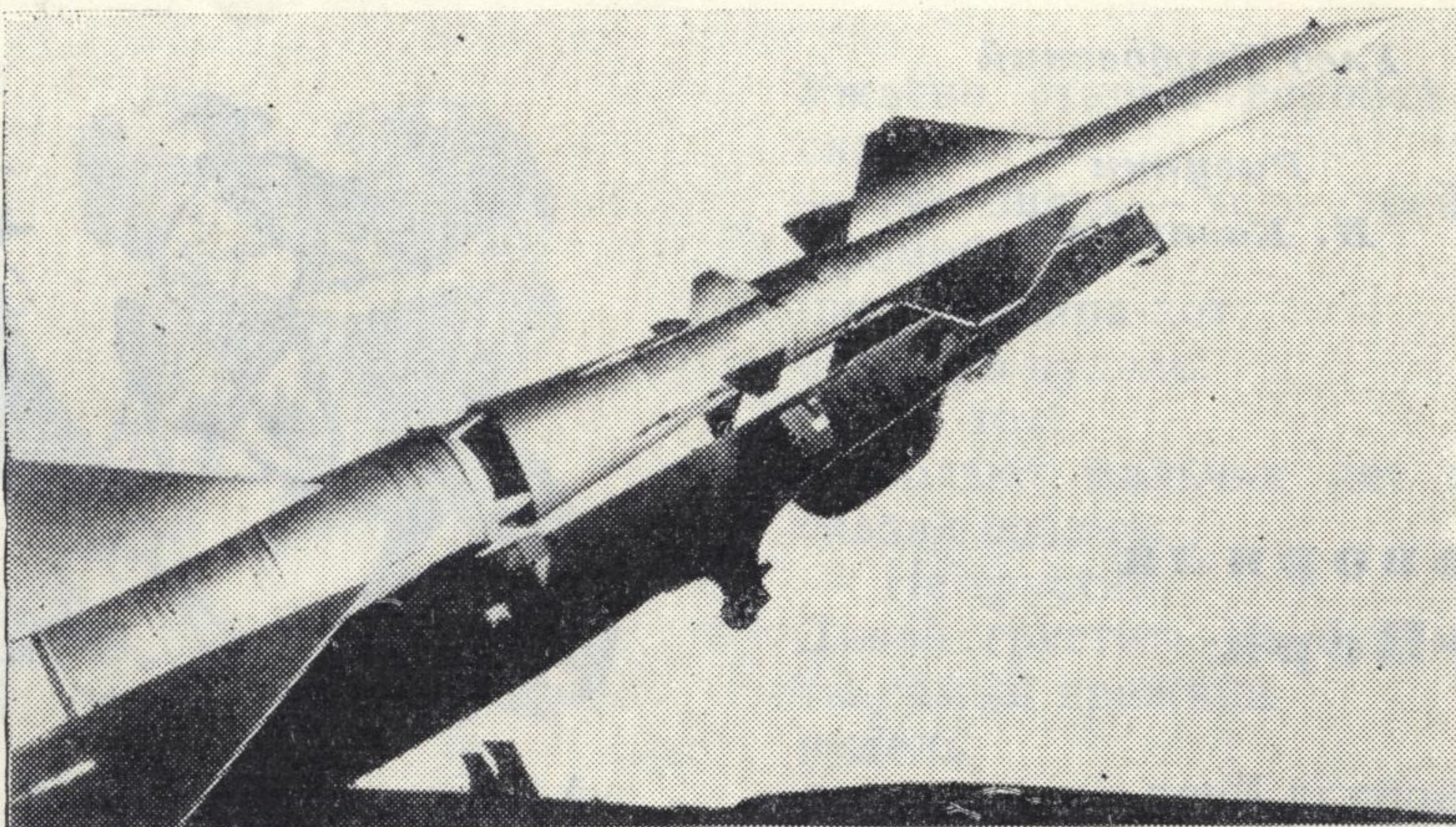
НО

В то же время Ленин подписал декрет об образовании Ильменского заповедника — первого минералогического заповедника в мире.

Городской транспорт Москвы к 1920 году пришел в полный упадок. Поэтому большим праздником для ребят стала поездка на трамвае по городу, устроенная 1 Мая.

НО

Тогда же инженер Я. М. Гаккель разработал совсем новый тип локомотива — тепловоз.

«...Когда мы далеко зашли в лес, он замолчал, а потом стал говорить... о том, что изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой могучей, что всякое нападение на нее станет невозможным.

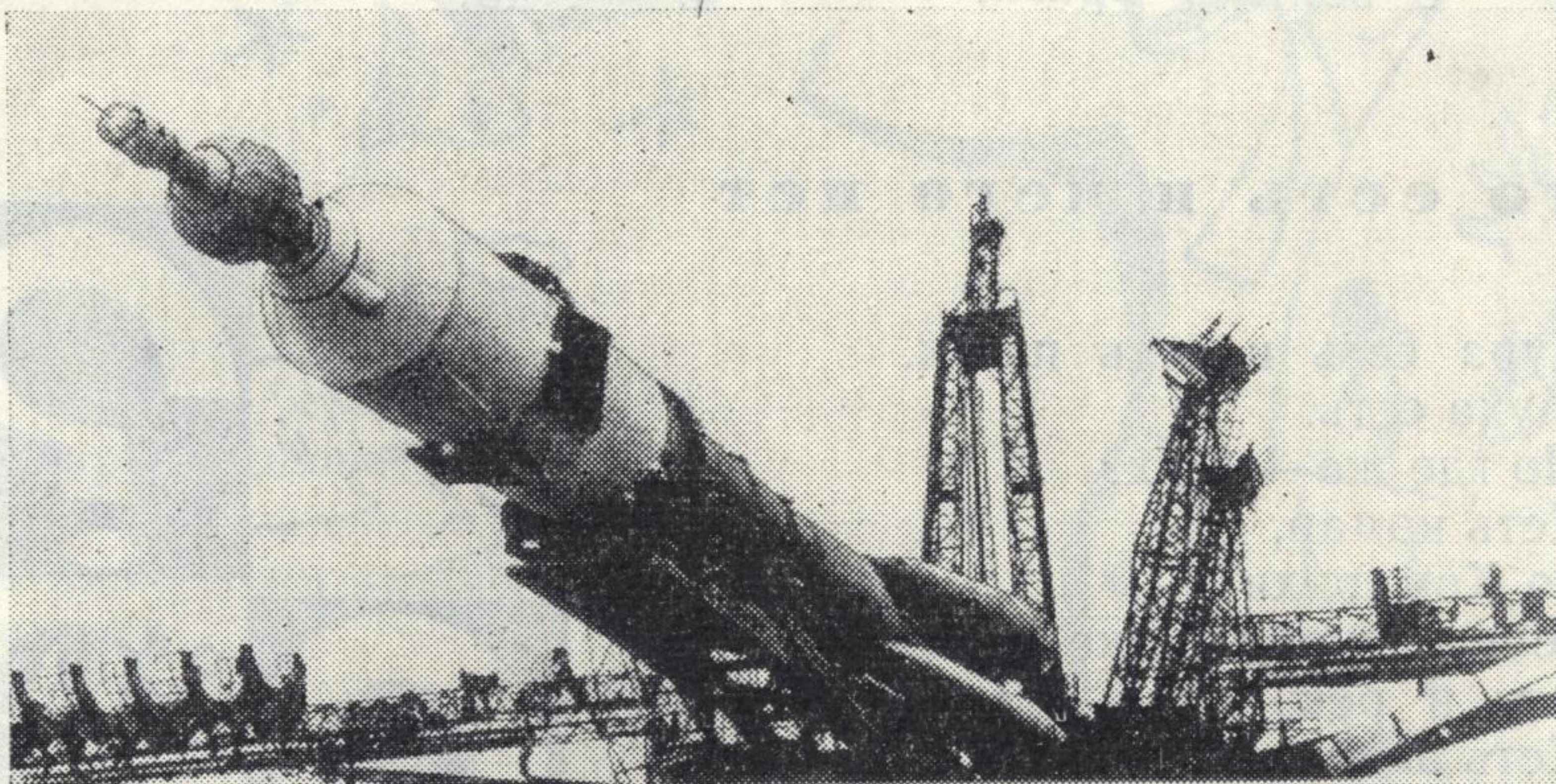
...Ильич говорил все тише и тише, почти шепотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом заветном».

(Из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской)

«Звучащие речи» большими тиражами расходились по стране. Мы благодарны им и сейчас: те давние кустарные записи сохранили для нас живой голос Ленина и его сотрудников.

Людам свойственно мечтать. Иных мечта уводит от жизни в мир несбыточного. Другим указывает путь к заветной цели. Уэллс не ошибся: Ленин был мечтателем. Он мечтал о коммунизме, о новом обществе, где человек не будет угнетать человека и где все, что придумано и создано людьми за десятки веков, будет служить им самим — людям труда. И со всей страстью отдавался он делу осуществления этой своей мечты. И не существовало тут для него больших дел и маленьких, важных и неважных, — все значительно, если хотя бы на шаг приближает нас к славному будущему.

Н. Владимирская

В 1920 году на губернской конференции изобретателей молодой инженер Фридрих Артурович Цандер увлек аудиторию проектом полета на Марс. Перенести туда людей, по мнению докладчика, должна была ракета, конструкцию которой изобретатель разрабатывал ночами, после смены на заводе.

К удивлению Цандера, вскоре его пригласили к Ленину.

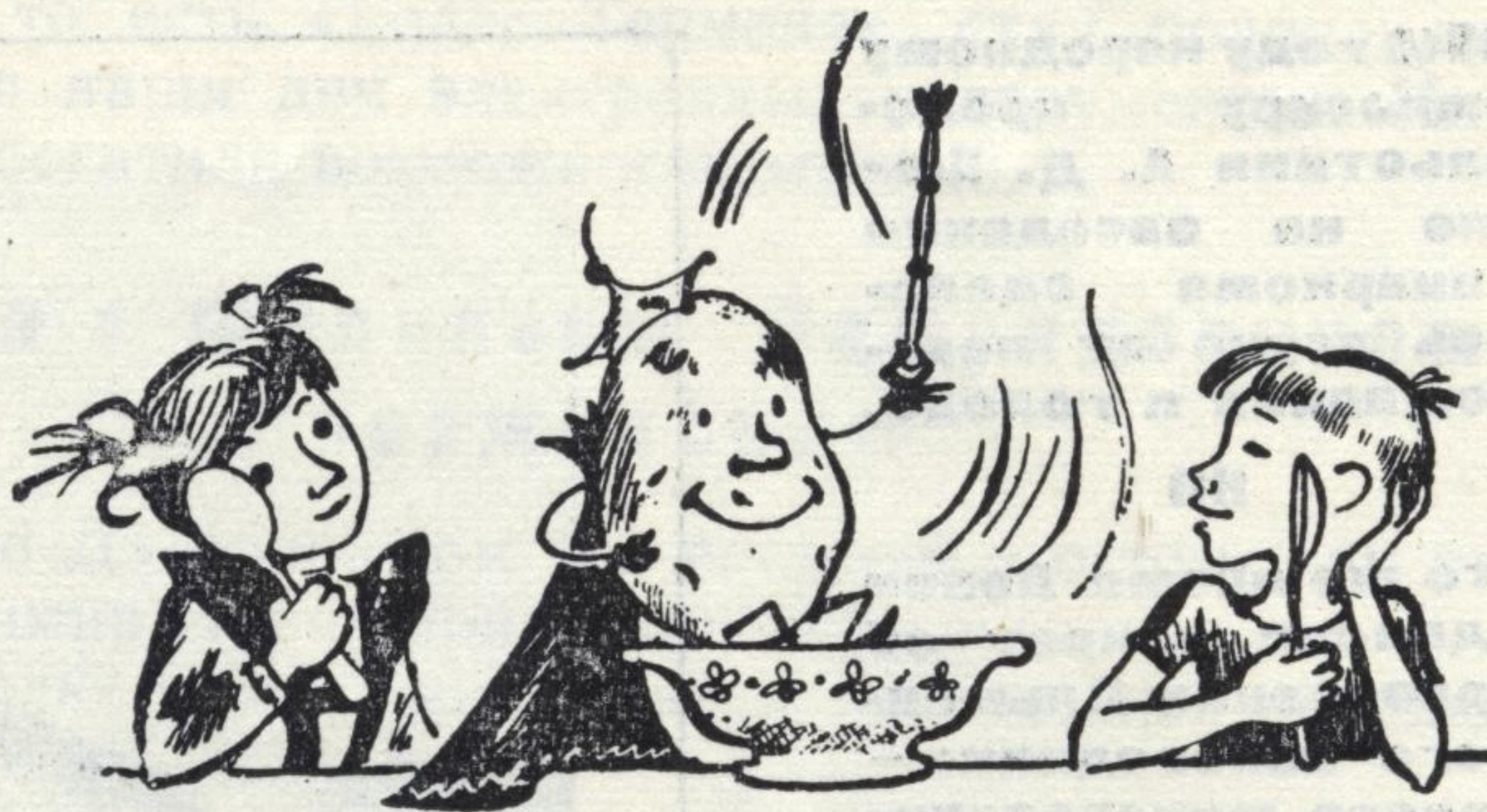
Смущение гостя исчезло быстро, — просто и душевно проходила беседа. И, как признался потом Цандер, он даже злоупотребил временем Владимира Ильича.

— Вы полетите первым? — спросил Ленин.

И в ответ на согласие крепко пожал изобретателю руку.

Глеб Горбовский

Рисунки
Н. Казаковой

Говорила Вера

Говорила Вера
с Васей
(оба были в первом классе):
— Ты скажи,
по крайней мере,
есть картошка на Венере?
Не ответил хитрый Вася.
Сам спросил:
— А вот на Марсе
есть бананы,
или — нет?
Вера думает
в ответ...
...Часто думали ребята.
Думать — это очень надо!
Надо думать каждый день,
даже если думать — лень!

О картошке

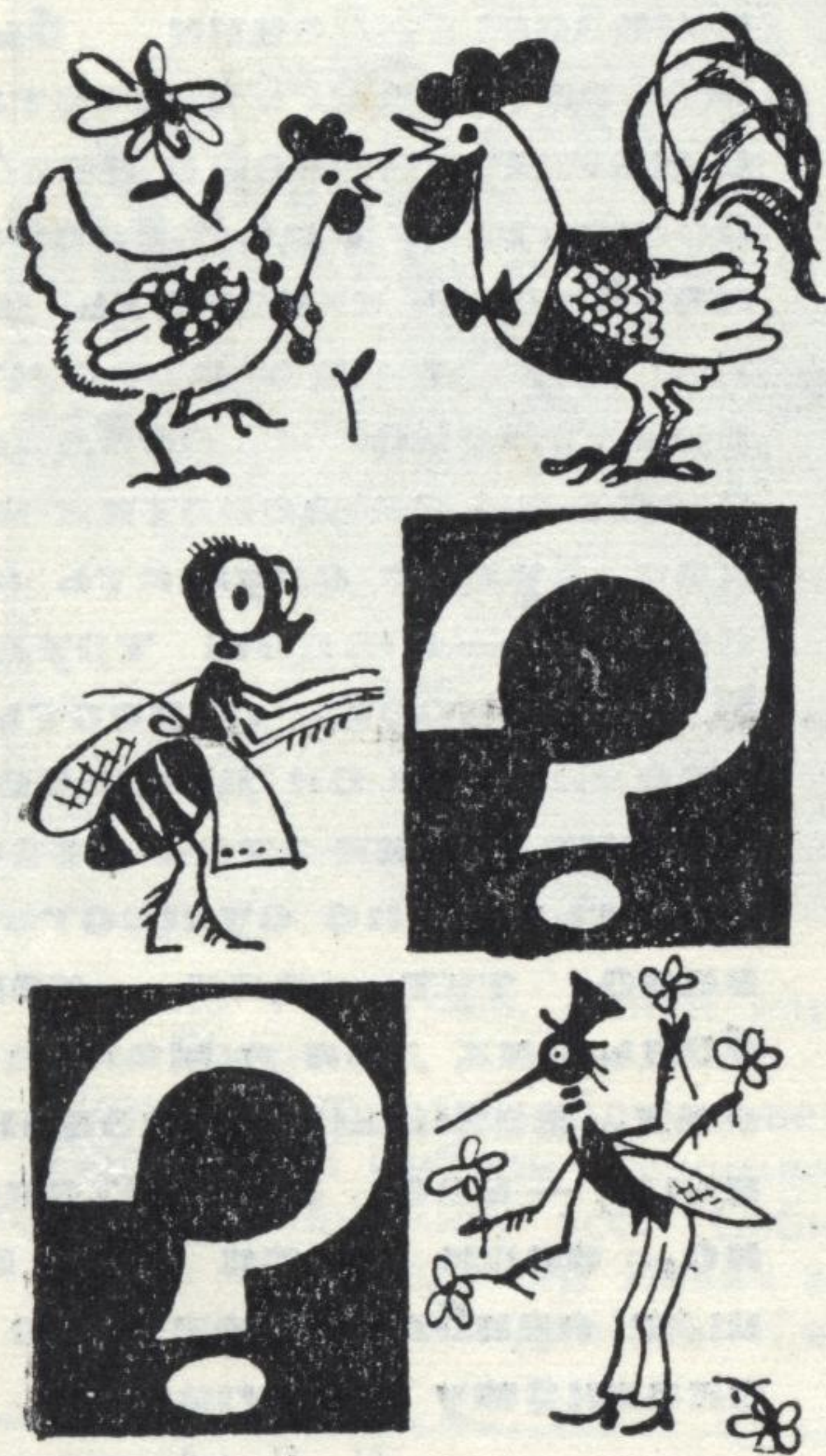
А самая главная пища
какая?
Ты думаешь —
рыба,
пельмени,
какао?
Печенка,
сгущенка?
Компот,
винегрет?
Нет!
А ты не спеши,
ты подумай немножко...
Конечно, дурашка,
конечно, — картошка!

исчезли сгущенка,
компот, пироги.
И хлеба осталось
на каждого — крошка...
Людей выручала —
простая картошка.
Вон там в огороде,
где дремлет скамейка,
живет под землю
большая семейка.
...Копай осторожней картошку,
лопата.
Картошка — она ведь живая,
ребята.
Картошка не пища, картошка
не блюдо.
Картошка — она ведь не овощ,
а — чудо!

...Когда налетели
с войною враги,

Что есть и чего нет

Кура есть и есть петух.
Муха есть.
Но где же — Мух?
Есть комар,
но Комарихи
не встречали даже психи.
Вот в реке вода плывет.
Есть вода.
Но где же — Вод?
А на дне воды,
меж глыб
Рыба есть...
Но где же — Рыб?
...Ну, а самое смешное —
это ножницы!
Их — двое.
Двое их.
И все ж — одни...
Очень странные они.

Как подстригали пуделя

Вчера остригли пуделя.
Он стал
ушастым,
худеньким.
Все говорили в домике:
он стал —
не нашим,
новеньким!
Он стал смешным,
дурашливым...
Сосед сказал:
— Да ваш ли он?

Ужасно старый воробей
сказал:
— Не знаю, — хоть убей!
Хромой
ничей задира-кот
сказал о пуделе:
— Не тот!
И только мальчик лет пяти
сказал собаке:
— Не грусти!
Давай грустить не будем...
ты самый прежний
пудель.

Что знал подсвечник

Я старый подсвечник.
А вы — ротозеи.
Вы мимо меня прошагали
в музее.
...Сто пятнадцать лет назад,
или чуть поменьше
(ты еще и в детский сад
не ходил, конечно) —
жил на свете
тихий дед
с добрыми глазами,
дед, по имени — Поэт.
Шевелил усами.
За столом, где он молчал,
возле теплой печки,
полыхали по ночам
восковые свечки...

Написал Поэт стишок:
вся бумага в пятнах.
Получилось хорошо,
только — непонятно:
«Ходит дождик по дороге...»
(У дождя нашел он — ноги!)
«Ветер гладит все вокруг...»
Знать, у ветра есть — утюг!
«Ночь спустилась...»
Ну и шутит!..
Или ночь — на парашюте?!
«Вышла бледная Луна...»
Может, пудрится она?..
Написал Поэт. Зевнул.
Лег в кроватку и уснул.
А подсвечник спит в музее.
На него — Луна gazeет.

ЛУГОВОЙ ПАТРУЛЬ

Михаил Мохов

Рисунки Ю. Савкевич

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОВОРИТ ПО ТЕЛЕФОНУ, А СИМА ПАХТУСОВ СТРОГАЕТ ПАЛОЧКУ

Сима Пахтусов неспроста сидел на скамеечке возле правления колхоза. Это был его наблюдательный пункт.

Он строгал ножом палочку и прислушивался. Нож был охотничий, шесть предметов, хорошая штука. Подарок отца. Сима — вылитый отец: белобрысый ежик, выгоревшие белесые брови, ярко-зеленые глаза. Имя тоже отцовское — Зосима.

Прислушивался Сима к тому, что кричал в телефонную трубку председатель колхоза. Слышно было каждое слово.

— Конечно, не докажешь! Конечно, на словах не докажешь, надо поймать за руку! А у меня людей нехватка и самого на курсы забирают. Но ведь губят луга, дьяволы! Ре-

жут колеями! Машина за машиной, движение, как в Москве...

Дальше Сима не слушал. Он встал, спрятал нож и зашагал по улице, очень довольный.

Чем старательнее он обдумывал то, что услышал, тем быстрее шел. Додумав, прищелкнул пальцами и бросился бегом, но тут же остро кольнуло в боку, и Сима остановился. Вот ведь напасть какая!

Еще в апреле Симу возили в больницу, и врач запретил ему есть селедку и сказал, что летом нужно отдохнуть и попить лекарство. Никаких сенокосов, не говоря уже о футболе.

А сидеть сложа руки Сима не собирался.

НА ПОВЕТИ

Собрались вчетвером. Петя Карандашов, как только все устроились на остатках прошлогоднего сена, сделал страшные глаза и заговорил:

— Слыхали? В Малиновке корову закрыло.

— Как закрыло? — спросил конюхов сын Васька.

— Замолкни, — сердито сказал Сима. — Тоже еще, до пятого класса дорос, а в чертей верит. Ну-ка, слушайте.

Говорил Сима недолго. Когда кончил, Васька незаметно расправил плечи и важно проговорил:

— Охрана! Мы будем охранники.

— Не охрана, а патруль, — поправил Сима. — Луговой патруль.

Петя пришел в восторг. Он всегда приходил в восторг очень быстро.

— Кто поедет по лугу, мы из пулемета: та-та-та! Гранатами по машине! Бах — и кверху колесами!

— Замолол, — спокойно отозвался Сима. —

У меня вон отец тоже шофер, так ты и его, что ли, гранатой?

Симиная сестренка Надя все время помалкивала. Говорить она стеснялась, хотя девчонка была храбрая, первая ныряльщица. Напоследок Надя спросила:

— Повязки надо шить? Мы сошьем с девочками.

НИЧЕГО НЕ ВЫХОДИТ

Мрачные, молчаливые сидели на высоком угоре. Смотрели, как ползет по темной Двине желтенький катер-молоковоз.

— Они не останавливаются, — не поднимая головы, сказала Надя. — Хоть уцепись за машину, все равно не остановятся.

— Уцепись! Даже и не думайте цепляться. Разобьетесь, потом отвечай за вас, — рассердился Сима.

Опять молча смотрели на зеленую ленту луга вдоль Двины. Ни холмика на лугу, ни кустика, — можно бежать с закрытыми глазами, пока не свалишься от усталости. Зеленая луговая река течет рядом с Двиной, и река эта — молочная, потому что у коровы молоко на языке. Не только в сказках бьют молочные реки.

Кто-то сказал тихонько:

— Чего зря ходить-то. Не послушают нас.

— Я завтра не приду, — объявил Васька.

— Придешь, — ответил Сима. — Если ничего не придумаю, тогда бросим это. Бегите домой.

Он еще долго сидел на угоре. Будто кинофильм вспоминал: через луг, срезая угол, мчится, подпрыгивает машина. Два длинных черных шрама остаются на зеленом теле луга. Бегут наперерез, машут руками маленькие фигурки, а потом грозят кулаками вслед машине и плетутся обратно...

Солнце ушло за горизонт. Сима не двигался. Сидел, обдумывал, все больше злился. Хмурил белесые брови — в точности, как отец.

ЛЕХА МЕШАЕТ НАМ ЖИТЬ

На завтра Сима пришел на луг злой, невыспавшийся. Показал на старенький фотоаппарат на ремне через плечо:

— Попробуем вот эту штуку.

— Заряженный?

— А ты думал.

Рассыпались вдоль дороги. Сима стал у поворота, где мелиораторы наворотили валы земли и корневищ. Здесь чаще всего сворачивала с разбитой дороги машина и бежала, как удирающий вор, по лугу.

Прошли свои, колхозные грузовики. Эти лугов не задевали, видели знакомый патруль. Прокатил маленький трактор «Беларусь» со своей высокой нескладной кабиной.

Показалась чужая машина. Ребята поняли, водитель навеселе: колеса виляли по дороге, скорости переключались рывком.

— Леха катит.

Рыжий, вечно небритый Леха, шофер «Сельхозтехники», не раз лишался водительских прав за свои бесчисленные нарушения.

И на этот раз он свернул на луг, прибавил газу. В стороне мелькнуло мальчишеское лицо, наполовину заслоненное фотоаппаратом. Фотографироваться Леха не любил. Его физиономия и так частенько красовалась на щите, выставленном в районном центре. Ничего хорошего и на этот раз не жди!

Завизжали тормоза. Леха спрыгнул на луг.

— А ну, стой.

Сима метнулся в сторону. Добежал до большого, в человеческий рост, розового валуна. Еще немного, и Леха отстанет, — где ему, пьяному.

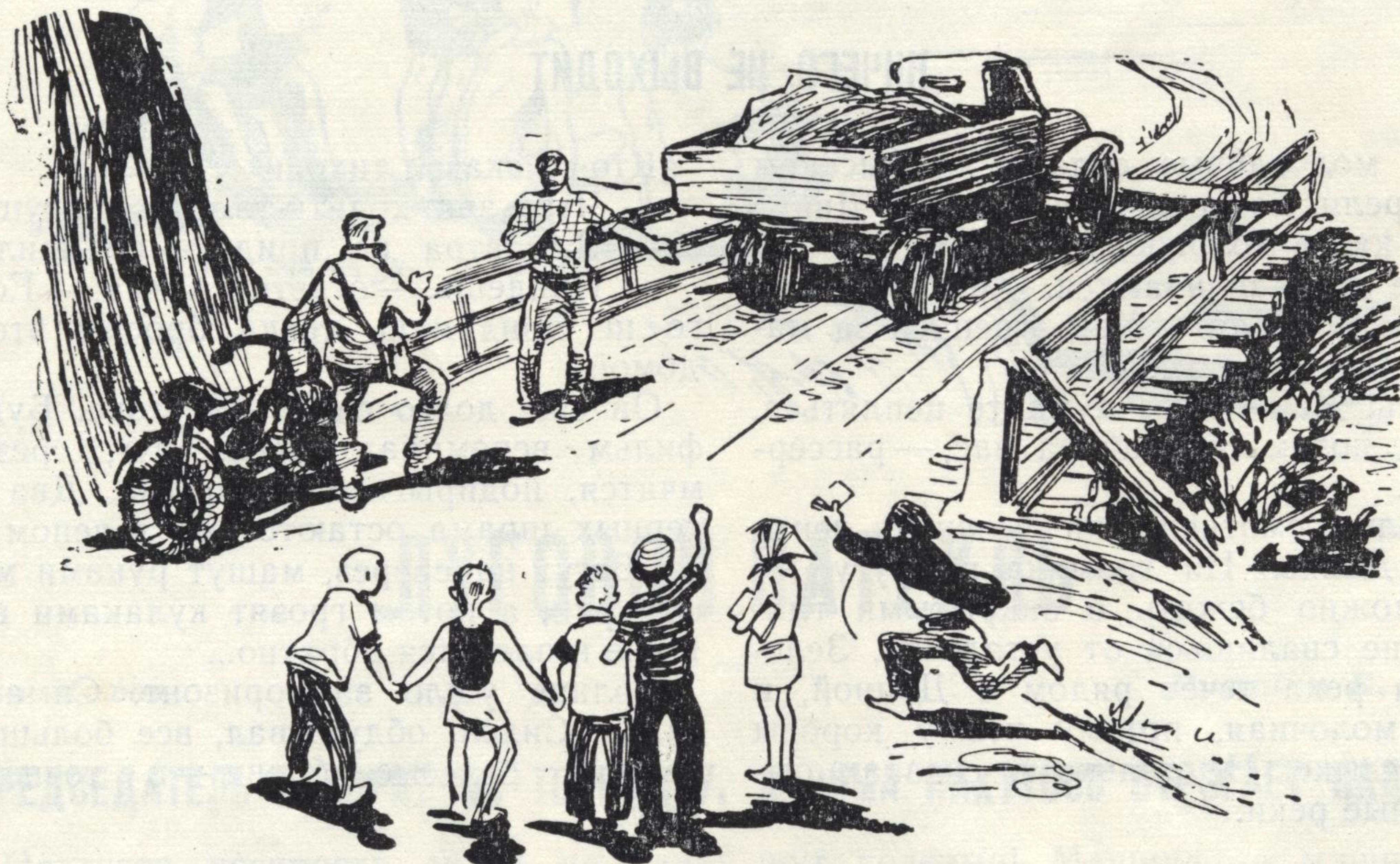
Но иглой кольнуло в боку, в глазах потемнело. Сильная рука схватила за шиворот, другая рванула фотоаппарат, — лопнул ремень. Леха с треском отодрал заднюю стенку аппарата, пальцем выколупал пленку — на, паскуда! — и, не оглядываясь, побежал к машине. Почему-то отчаянно закричали ребята со всех концов луга, но Леха за шумом мотора уже ничего не слышал.

ПО ПРАВИЛАМ НАУКИ

Галушин приехал. Сима тут же оказался в новом доме с голубыми наличниками.

В избе пахло пеленками. Галушин вышел из-за перегородки с младенцем на руках. Он кивнул Симе, но не улыбнулся, и младенец тоже глядел на Симу серьезно, не улыбаясь.

Надо взяться за водителей, сначала похорошему объяснить и раз, и два, а потом и спросить строго. Дежурить на лугах придется вам, ребятам. Сам знаешь, больше некому. Но действовать сообща — и по всем правилам науки.

— Садись, рассказывай. Не болит голова?

Сима рассказывал, а Галушин тихонько покачивал младенца и внимательно вслушивался. Помолчал, подумал. Лицо с редкими оспинками просветлело.

— Что ж, надо вас поддержать. Завтра у нас партбюро, обсудим это дело. Луга не один наш колхоз имеет, — видимо, такой вопрос заинтересует и районную газету, и ра-

Младенец сморщился и закричал, но не заплакал. Галушин взглянул на ходики и ловко сунул в рот младенцу соску, надетую на бутылочку с молоком. Потом придвинул карандаш и бумагу.

— Садись поближе, обмозгуем. Значит, так. Главное — уберечь Матвеевский луг, культурное пастбище. Вот здесь луг, здесь мост...

ЛЕХА ГОРИТ

В кустах возле моста сидели ребята, — красные повязки на рукавах.

Надя увидела первая, схватила за руку Ваську:

— Глядите, махают!

Далеко на гребне угора кто-то махал красным флажком. Очередная Симиная выдумка. Донесся слабый шум мотора.

— Нарушение!

— Живо, ребята! Тащи перекладину!

На руках ребят выплыл из кустов длинный сосновый брус и лег поперек моста, с

перил на перила. Концы бруса вошли в свежесрубленные пазы. Каждый конец примотали к перилам цепью и навесили два больших замка.

— Бежим!

...Как всегда, Леха спешил, — вино требовало заработка, надо было торопиться. Машина едва не врезалась в брус и круто затормозила на середине моста.

Леха вылез из кабины, осмотрел неожиданную преграду, выругался. В этот момент над его головой кто-то кашлянул. Леха вздрогнул,

поднял голову и увидел над собой, на крутом склоне угора, в просвете кустов девчонку в синем выгоревшем платье.

Девчонка деловито расправила листок бумаги и без запинки, без всякого выражения, ровно отбарабанила:

— Товарищ водитель! Вы нарушили правила движения! Повредили колхозный луг! Через несколько минут прибудет комиссия! Для составления акта! Вам предлагается! Остаться на месте!

Девчонку как ветром сдуло. Леха бросился к машине, отыскал зубило, молоток. Звонкие удары слышались на мосту. Леха рубил цепь.

Из кустов высыпали ребята. Охватили мост кольцом, и Леха чуть не оглох от крика:

— Ответишь за цепь!

— Луговой вредитель!

— Лешак рыжий!

Леха бил молотком все чаще — и вдруг выпрямился и бросил зубило. К мосту подкатил мотоцикл с коляской.

Приехали — Галушин, колхозный бухгалтер и доярка Анфиса Журавлева. У Галушина с Лехой произошел разговор.

— Не имеете права машину останавливать.

— Имею. Как общественный инспектор ГАИ. Есть удостоверение.

— Шлагбаум незаконный.

— Согласовано с милицией.

— У меня груз срочный. Пропустите!

— Придется задержаться минут на двадцать. Раньше фотографии не успеют.

— Какие еще фотографии?

— Вашу машину сняли на лугу. Приложим снимок к акту.

— Я вашего акта подписывать не буду. Мало ли по какой траве машина могла идти. Не докажете.

— Докажем. Смотрите.

Галушин поднял шепку, подошел к машине и поскреб передний скат. Обнаружились пятнышки веселой голубой краски.

— Ну и что?

— А вот что, — Галушин достал из полевой сумки маленький серый мешочек и положил на ладонь. — Своего рода мина. Внутри масляная краска, снаружи полиэтиленовая пленка. Кладется в траву, на твердое. Колесо давит эту штуку и получает метку. А потом сличаем краску на колесе с нашим образцом, — краска-то свеженькая. У нас таких штук расставлены сотни и сотни, — вот им спасибо. — Галушин кивнул на ребят, и те дружно загалдели:

— Он цепь рубил! Зубилом! Удрать хотел!

— Симку о камень ушиб!

— Луга портит. Оштрафуйте его, дядя Володя!

Из кустов вынырнул мальчуган в кепке, надетой задом наперед. В вытянутой руке он держал серую мокрую фотографию.

— Качество неважное, — усмехнулся Галушин, разглядывая снимок. — Но все, что нужно, видно. Номер машины есть. Вот наши патрули бегут, руками машут. Ну как, подпишите акт?

НОЧЬЮ НА ЛУГУ

Грузовая машина шла вдоль высокого угора, светила фарами. Вел машину немолодой рассудительный шофер, попыхивал папиросой «Беломорканал» и, чтобы не задремать, говорил пассажиру все, что в голову взбредет.

— Теперь недалеко, километров двадцать пять, — и будет наше районное село. Вот мостик проехали. Это земли колхоза «Победа». Как кончатся, опять мостик будет. Дорога тут неважная, раньше все, бывало, по лугам углы срезали, а теперь ни-ни.

— Что же так? — сонно спросил пассажир.

— У них луга сильно охраняются. Ребятишки, и те приспособлены, — дежурства, патрули, флагами сигналият. Шлагбаум на мосту. Прискачет комиссия на мотоцикле — и будь здоров, штраф. Вот тут с километр выга-

дывали, где мы сейчас едем. Разве попробовать? Вроде никого нет, спят, верно.

Машина сползла с дороги, но тут же резко остановилась, дернулась и попятилась на дорогу.

— А, черт! Так и есть.

Шофер вылез из машины, и пассажир услышал, как он разговаривает в темноте:

— Ты гляди, малый, не подумай чего. Камешек я объезжал, не рассчитал маленько, съехал с дороги. Так что все нормально, слышишь? Ну, привет.

Машина давно проехала, а шестиклассник Валерка Сидоров все не мог понять, о чем с ним говорил незнакомый шофер, — даже в чем-то оправдывался. Валерка все лето не был дома, шел с ночного парохода и еще ничего не знал о луговом патруле.

В большом московском доме по Воротниковскому переулку горят старинные карсельские лампы. Хозяин дома Павел Войнович Нащокин и Александр Сергеевич Пушкин удобно устроились на диване.

У ног друзей дымятся трубки. Идет оживленная беседа. О чем друзья говорят? Может быть, о том, что успел Пушкин найти в историческом архиве. Он решил написать историю Пугачевского восстания и вот уже несколько дней роется в старых документах. Нащокин весело и непринужденно рассказывает другу последние московские новости. Он делает это

превосходно. Рассказ Нащокина о дворянине Островском так понравился Пушкину, что он написал повесть «Дубровский».

В углу комнаты стоит маленький домик. Он — словно зеркальное отражение квартиры Нащокиных. Все в нем сделано лучшими мастерами-макетчиками. Крохотные ботфорты шил лучший московский портной, дуэльные пистолеты выполнял мастер-оружейник. Они могут стрелять.

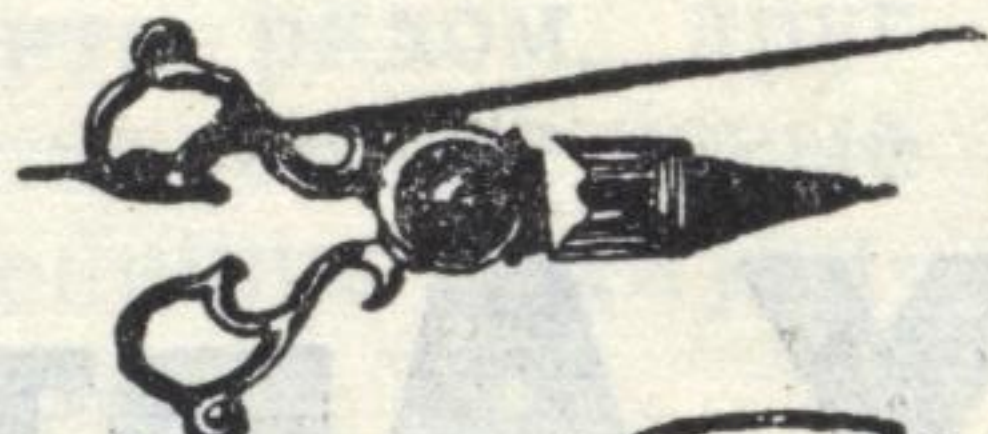
Висят на стенах крохотные копии с картин известных голландских и французских мастеров.

Стоят рядом длинные курительные трубки. Накрыт обеденный стол.

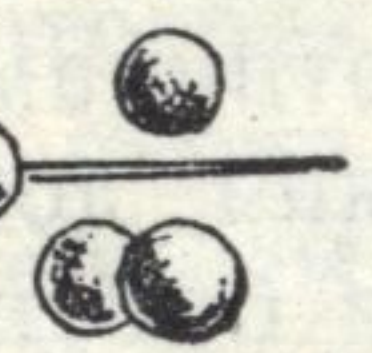
Друзья склоняются над игрушечным столиком и переставляют посуду. Вера Александровна, жена Нащокина, подходит к игрушечному рояльчику и нажимает вязальной спицей одну за другой клавиши. И клавиши отзываются легкими высокими звуками. Пушкин улыбается. Говорит про свою пятилетнюю дочь: «Вот бы Маша порадовалась... Не хватает только живых человечков». А уезжая от Нащокиных, как воспоминание об удивительной игрушке.

НА-
ЩО-
КИН-
СКИЙ

ДО-
МИК

он оставит стихотворение «Новоселье»...

У Нащокина Пушкин останавливался всякий раз, когда приезжал в Москву.

Радужный и остроумный Нащокин дружил со многими писателями. Гоголь набросал портрет Павла Войновича в «Мертвых душах» (помещик Хлобуев).

Вскоре после смерти Пушкина Нащокин, страстный игрок в карты, разорился. Он был вынужден заложить домик.

Домик попал в магазин редкостей в Москве, откуда его передали в

один из московских приютов. Потом он оказался в антикварном магазине в Киеве. Здесь квартиру увидели американцы и захотели увезти за границу. Но хозяин магазина, понимавший, какую ценность для русской истории имел домик, наотрез отказался его продать.

Свыше семидесяти лет домик так и не мог найти достойного пристанища. Он переходил из рук в руки, убранство его растаскивали. А от настоящей квартиры Нащокина вообще ничего не осталось.

После революции нащокинский домик занял место в Государственном

историческом музее в Москве. Художники-реставраторы восстановили разрушенное временем, а научные сотрудники терпеливо разыскивали недостающее.

Несколько лет назад в домик вернулись ящичек из-под акварельных красок, щипчики для орехов и сахара.

Теперь в игрушечной квартире более шестисот всевозможных предметов.

Нащокинский домик находится сейчас в городе Пушкине, во всеоюзном музее поэта.

Ю. Раков

Рисунок К. Савастьянова

У АРТЕКА НА НОСУ

ПИОНЕРСКИЕ БЫЛИ

Л. Подвойский

Болезнь ходила за мной как тень. Все лето двадцать третьего, осень и зиму двадцать четвертого года я прожил в Крыму. По несколько месяцев лечился в единственном тогда детском санатории имени профессора Боброва. Печально смотрел я через каменную ограду на запретное море, недоступный Ай-Петри. И, признаться, хорошо наблюдаемые из санатория скалы Диво и Монах в Симеизе порядком надоели мне.

— Ты счастливее, хлопчик! Ходить можешь. Болезнь, она входит пудами и выходит золотниками, — говорила ночная няня, добрая пожилая хохлушка бабушка Фаня.

Ребята, больные костным туберкулезом, лежали в кроватях годами. Мой приятель Петька Сизов провел в гипсе всю империалистическую войну и гражданскую и на моих глазах пятнадцати лет от роду вновь стал учиться ходить. С моим приездом он впервые увидел «живого пионера».

— Пиши про горн и костры в лагере, про ночные тревоги, военные игры и походы, — просил он меня как редактор рукописной газеты. Газету не вешали, она передавалась по палатам: с кровати на кровать.

До дружбы с Петькой мне казалось, что все горбуны злые и грубые люди. Маленького роста Сизов с большим некрасивым горбом на спине оказался мальчиком деликатным и добрым.

Сочинял стихи:

*Ленин болен. Ленин милый.
Вся страна за ним следила...
И объят огромным горем
Весь наш детский санаторий.*

Мы обещали товарищу Ленину победить свои болезни, как классовых врагов. После двух войн, голода и разрухи забота о здоровье трудящихся стала главным вопросом в республике Советов.

«За это время я написал много брошюр по физической культуре, — писал мне в 1923 году отец большевик. Посылаю их тебе. Я считаю, что для фи-

*Леву Подвойского
приняли в пионеры*

зической культуры прежде всего надо научить разумно пользоваться чистым воздухом, солнцем и водой, а затем пищей и одеждой. Сейчас проповедую в своих брошюрах, чтобы весь рабочий класс поставил себя летом на текущий ремонт... Укрепляйся, как укрепляются все пионеры. Твой папа».

В первую очередь на «текущий ремонт» большевики старались «поставить» детей. Из задымленных фабричных городов в палатки или на дачу стали выезжать пионеры.

— Солнце — лучший пролетарский врач, — убеждал пионеров отец.

— Он кто по специальности, доктор? — спрашивал Петягорбун.

— Нет. Солдат революции, — отвечал я. — Так было написано в графе «род занятий» в партбилете отца, выданном ему еще Краснопресненским райкомом РКП(б) в 1920 году.

— Почему он занимается физической культурой рабочих и крестьян? — продолжал спрашивать Петя.

— По поручению В. И. Ленина. В смычке с главдокторами республики. (Главдокторами тогда называли наркомздрава Н. А. Семашко и председателя Красного Креста З. П. Соловьева).

Зиновий Петрович, высокий, в военной форме мужчина, часто приезжал в Бобровский санаторий.

Отец говорил, что Соловьев сам очень болен, должен бы лечиться в Крыму.

— Папа, как ты считаешь: может большевик хоть один день прожить без дела для рабочего класса? — как-то спросил я отца.

— Правильный вопрос, — усмехнулся он. Наверное, потому, что Соловьев большевик, вместо лечения он старается как можно быстрее создать на Черном море здравницу для рабочих и крестьян не хуже, чем в Италии. И думает, как бы сделать так, чтобы и у нас в СССР курорты работали круглый год, а не только летом.

Крым к осени тогда пустел. Заколачивались дачи. Передавали ходить катера. Дожди, туманы и мокрый снег, как шторы, закрывали чудесные крымские пейзажи. Только в Бобровском санатории смуглый доктор Петр Васильевич, похожий, по мнению Петьки, на татарина, приказывал няням в солнечные дни настезь распахивать окна...

— Марш, марш на двор. Ходи, гуляй, — кричал он строгим голосом, и острая седая борода сердито подпрыгивала на каждом слове.

Мы с Петькой любили уголок возле изолятора.

Однажды Петя читал здесь свои стихи:

*Синее море. Белая кровать.
Воздух чист. Без пыли и дыма.
Годами лежать. Годами мечтать.
Надо, надо детям отдать
Лучшие богатства Крыма!*

— Правильно. Поразительно правильно, уважаемый юный поэт! — неожиданно услышали мы голос З. П. Соловьева. Он и доктор Изирин незаметно подошли к нам.

— Этим летом, — продолжал Соловьев, — я ходил по тропам Крыма и думал, где организовать Всесоюзный пионерский лагерь. Советовался с докторами. Лучшее место мы определили под Медведь-горой в Гурзуфе. Как ваше мнение, уважаемый юный поэт?

— Не знаю, — смутился застенчивый Петя. — Я нигде, кроме санатория, не бывал в Крыму. Я только-только начал ходить.

Мне были знакомы места в Гурзуфе. В версте от поселка находилась бывшая гостиница «Суук-Су». В двадцатых годах здесь открылся санаторий ВЦИКа. На «текущий ремонт» прибывали старые большевики. Иногда чуть не прямо из тюрем в «Суук-Су» приезжали иностранные рабочие-коммунисты. Они восхищались красотой Ай-Долларов, пушкинским гротом.

— Он такой же изумрудный, как лазоревый грот на Капри, — услышал я, как говорил З. П. Соловьеву наркомпрос А. В. Луначарский во время прогулки по парку «Суук-Су».

— Неужели такое место в Крыму отдадут пионерам?! А как же «Суук-Су»? — спрашивал я отца, когда он в декабре 1924 года по дороге из Николаева в Москву заехал за мной в санаторий.

— Будут жить рядом, друг к другу в гости ходить: юные ленинцы и ленинцы-коммунисты, — сказал отец.

16 июня 1925 года у подножия горы Аю-Даг З. П. Соловьев вместе с представителями ЦК комсомола открыл лагерь Артек. На пустынном месте под Медведь-горой в брезентовых палатках поселились тридцать новоселов-пионеров. Первым вожатым Артека был Игорь Селянин. Он очень любил море, прекрасно плавал, ходил, как многие комсомольцы двадцатых годов, в тельняшке.

Потом в Москве в 1926 году он стал секретарем комсомольской ячейки, принимавшей пионеров нашего отряда в комсомол.

— С самого начала Артек подружился с «Суук-Су», — рассказывал Игорь. Старые большевики и иностранные коммунисты без отказа выступали в Артеке на линейках и кострах.

Игорь показывал фотографии. На одной из них перед небольшим пионерским строем выступала пламенная Клара Цеткин.

— У костра в Артеке будут собираться дети рабочих и крестьян всего мира! — предсказывала Клара Цеткин. Тут будут петь революционные песни всех стран!

Много песен мне, пионеру и пионерскому работнику, довелось слышать в Артеке. На наших глазах он рос, как Илья Муромец. Скоро обогнал «Суук-Су». Ему стало тесно. И вот уже появилась веселая чапушка:

*У Артека на носу,
Приютился «Суук-Су».*

— Ну что же, если так, придется и «Суук-Су» отдать пионерам, — решили старые большевики, никогда и ничего не жалевшие для детей.

Святельный князь и три Федора

РАССКАЗ

Борис Раевский

Рисунки Т. Ксенофонтова

Князь Святополк-Мирский был умен и европейски образован. Студенческие годы он провел в Сорбонне. Не мудрено, что по-французски говорил, пожалуй, даже лучше, чем по-русски. Свободно владел князь и еще четырьмя языками. В юности он легко и с блеском писал стихи. Говаривали даже, что один из его сонетов похвалил сам Майков.

Когда пожилой уже князь — богатый и родовитый — стал губернатором Екатеринослава, он сразу заявил, что он «за культуру, за цивилизацию, за святые идеалы и прогресс».

Князь был высок ростом и «в теле». Когда знакомые хотели ему угодить, говорили: «вылитый Петр». И это нравилось князю.

Может быть, потому и усы он себе завел. Правда, усы были не такие длинные и не торчали, как у знаменитого императора, но все же...

После завтрака князь всегда проходил в домашнюю библиотеку и неторопливо, со вкусом, выкуривал свою первую за день сигару, князь очень следил за своим здоровьем и разрешал себе в день всего четыре сигары. Курил, просматривал газеты и недовольно покачивал головой.

Вот опять! Казаки разогнали манифестацию. Семеро студентов ранены.

— Нагайка — не метод! — убежденно повторял князь.

А когда в одной заводской лавке рабочим сбыли лежалую колбасу и двенадцать человек отравилось, князь даже рассердился.

— Дикость! — он швырнул газету. — Извечная наша российская дикость!

Князя Святополк-Мирского недаром звали «европейцем». Он подумал-подумал и придумал.

«Рабочий союз»! Объединение рабочих под его, Святополк-Мирского, руководством.

Союз во имя культуры! Во имя просвещения!

Открыть новые воскресные школы, библиотеки, пусть будут лекции с туманными картинами и оркестр балалаечников, и даже театральные кружки. И все это — для рабочих. Во славу цивилизации, но без политики!

В этом и была вся соль. Без политики! Отвлечь рабочих от гнусных манифестаций и запретных сборищ. Пусть в свободный час читают книжки, разыгрывают пьески, тренькают на балалайке.

Ну, а уж о будущих «народных библиотеках» князь позаботится. Сочинения там будут только нравственные. И учителей в школы возьмем только благонамеренных.

Целую неделю князь обдумывал свою идею. Домочадцы подолгу теперь слышали его грузные шаги у себя над головой. Это князь расхаживал по библиотеке, она была во втором этаже. Ходил и думал. И, наконец, твердо решил: «Рабочий союз» — это весьма неплохо.

Святополк-Мирский хоть и весил шесть пудов с гаком, и немолод был, но энергичен. Тотчас приказал он подать лошадей и самолично поехал к госпоже Журавской.

Адвокат Журавский — самый известный адвокат в Екатеринославе — занимал целый этаж большого дома в центре города.

Его жена, немолодая, хрупкая, с болезненным выражением рано сморщившегося лица, не имела детей. И очень переживала это. Все знакомые знали: в доме адвоката о детях не говорят. Ни о своих, ни о чужих. Будто вообще на земле детей не существует.

Журавская любила повторять, что всю свою жизнь она отдала «многострадающему нашему народу». «Просвещение народа — вот моя жизнь!» — с гордостью говорила она.

И действительно, богатая и образованная, она бесплатно руководила воскресными школами, сама организовала две «народные библиотеки».

Высокого гостя Журавская встретила любезно и с почтением. Ей очень польстил визит губернатора.

Князь быстро очаровал собеседницу широтой взглядов, интеллигентностью. Но главное — он предложил открыть сразу три новых школы. И пусть Журавская не скупится. Все расходы будут немедленно оплачены.

Лишь в конце визита князь заговорил о «Рабочем союзе». Рассказал подробно, с увлечением.

— Вы можете оказать мне огромную услугу, — приятно улыбаясь, сказал князь. — Всем известно: никто лучше вас не знает господ пролетариев. О, нет, нет, не скромничайте! Сие именно так. Если бы вы изволили подобрать для нашего «Союза» честных, простых, скромных тружеников! Истинно русских людей. Всяким смутьянам и крикунам в «Союз» хода нет. Этим вы оказали бы неоценимую пользу делу.

— О, я охотно! — Журавская вся расцвела от похвалы.

Прямо от нее князь приказал везти себя к Бушу, богачу-пивовару.

Разговор с Бушем был короток.

Деловой толстячок-пивовар сразу ухватил выгоду хитроумного плана и согласился пожертвовать «Союзу» две тысячи.

— На зубок! — засмеялся он. — Новорожденному!

Кроме того, Буш охотно предоставил свой огромный каменный дом для первого торжественного собрания «Союза».

— Мои слуги примут всех приглашенных. Встретят самым радушным образом, — пообещал он губернатору. — Будто это не рабочие, хамы, а, по меньшей мере, графы пожаловали. Ну, и пиво — всем вдоволь. Разумеется, бесплатно.

— Все это превосходно, — сказал князь. — Но прошу вас, передайте всем нашим заводчикам и купцам: пусть поддержат «Союз». И не скупятся!

Вскоре по Екатеринославу поползли слухи. Новый «Рабочий союз»... Нечто грандиозное! Свои школы, библиотеки, оркестры... Уже собрано от благотворителей чуть не сто пятьдесят тысяч! А во главе «Союза» — сам губернатор!

Журавская исподволь составляла списки «надежных» мастеровых. Каждому такому «надежному» вручался отпечатанный в типографии пригласительный билет. На квадратике толстой меловой бумаги, наверху, под красивой виньеткой, крупные буквы:

«Наш добрый друг!»

И внизу чуть помельче:

«Приглашаем тебя стать членом своего родного «Рабочего союза». Первое собрание имеет быть в доме Буша, что по Малой Садовой...»

Бабушкин, узнав о затее князя, насторожился.

Да, хитро задумано!

Вроде бы о благе рабочих печется его сиятельство. И какую уйму деньжищ тратит! Благодетель и только!

Попробуй растолкуй каждому мастеровому, что это — обман. Тонкий обман! Скажут: сам ведь ты всегда призывал учиться и книги читать. А теперь — на попятный?

Слесарь Матюха, друг Бабушкина, пришел к нему хмурый. Протянул белый квадратик.

— Вот, любуйся!

— Я уже видел, — Бабушкин мельком глянул на пригласительный билет. — Неужто тебе дали? В благонамеренные, значит, попал?

Матюха усмехнулся.

— Куда мне! Не заслужил! Это я у одного парня взял. Так, на время...

Они задумались. Что же предпринять?

— Из наших кто-нибудь приглашен? — спросил Бабушкин.

Матюха отрицательно мотнул головой.

— Никто? Совсем?

Матюха снова мотнул головой. Он сердито курил, нешадно дымя.

— А у Буша, говорят, целый пир затеяли, — сказал он. — Одного пива — десять бочек! Да раков, говорят, две тыщи заказано. Расщедрился старик.

— И многие пойдут?

— А конечно! Все, кто приглашен, все и пойдут. А чего им не идти?

Бабушкин задумался.

И впрямь — отчего не пойти? Приглашают с умом — только «надежных». Темных, недавно прибывших из деревни. Или хозяйских подлипал.

Отчего не пойти? Посидеть в богатом, светлом и красивом барском доме. На мягких креслах. В уютных гостиных. Честь какая! Сам губернатор там будет! И к тому ж — пиво даровое...

Как же бороться с таким «Рабочим союзом»?

— А может — сходку устроить? — в раздумье предложил Матюха. — И на сходке все растолковать?..

— Так тебе и поверят, — покачал головой Бабушкин. — И что ты скажешь? Обман? А доказательства?

Матюха задумался.

— Да, не годится, — согласился он. — И не пойдут эти... «надежные»... к нам на сходку.

Со злости он еще гуще задымил.

Бабушкин и Матюха в тот вечер долго ломали головы, стараясь что-то изобрести. Но так и расстались, ничего не придумав. Это было во вторник, а собрание у Буша назначено на пятницу. Значит, оставалось всего три дня.

Всю среду Бабушкин раздумывал: что же делать?

Может, раздобыть как-нибудь пригласительный билет и самому пойти к Бушу? И выступить там. Да, прямо там, на собрании. Вот будет номер!

Но, пораздумав, Бабушкин отверг этот план.

Во-первых, ему, наверно, и слова там не дадут.

А во-вторых, губернатор и полицмейстер знают, что он сидел в тюрьме, выслан из Питера и живет под гласным надзором.

Если он так вот, открыто выступит, полицмейстер или кто другой сразу заявят, что он «государственный преступник», «известный смутьян».

А эти «надежные» «преступнику», конечно, не поверят. И кончится все лишь тем, что его, Бабушкина, опять в тюрьму загребут.

Нет, надо придумать что-то похитрее.

Бабушкин разделся, лег и, казалось, заснул. Но и во сне ему мерещился князь Святополк-Мирский.

Вот расхаживает князь, огромный, тучный. И ухмыляется. И усы у него подергиваются. Бабушкин вглядывается. Где это? Какие-то станки и бегущие ремни, и лязг, и грохот. И длинный, как огромная сигара, металлический ствол. Да это ж — торпеда!.. Ну, конечно, — торпедные мастерские. Те самые, где он слесарил четырнадцатилетним пареньком. Вот и часовой у входа... Но почему здесь князь?

Бабушкин дернулся, сел. В комнате темно. С улицы доносятся слабые всплески гармошки.

Бабушкин снова лег. И сразу всплыл перед глазами пивовар Буш; его Бабушкин однажды видел, он проехал мимо в пролетке. Низенький, кругленький, с толстой палкой в руке. А потом внезапно появился Матюха и городил что-то несуразное: предлагал взорвать дом пивовара. Матюха — он выдумщик известный. И всегда у него куча проектов. Самых невероятных...

И вдруг... Когда упорно думаешь о чем-то, всегда случается это внезапное, счастливое «вдруг».

Бабушкин вдруг придумал.

И все так просто! Как он раньше не сообразил?!

Едва дождавшись рассвета, Бабушкин помчался к Матюхе.

— Познакомь меня с двумя-тремя рабочими. Из тех, кто приглашен к Бушу. Можешь? Только нынче же!

— А зачем? — Матюха спросонья часто хлопал ресницами и потирал подбородок кулаком.

Но едва Бабушкин рассказал ему свой замысел, Матюха сразу проснулся.

— Ловко! Ну, держись, князь!

— Только посмекалистей выбери. И похрабрее.

— Ясно-понятно.

В тот же вечер в трактире «Париж», неподалеку от заводских ворот, Бабушкин ждал Матюху с рабочими.

Трактир только назывался громко, а на самом деле это был просто подвал с потрескавшимися стенками и разводами сырости на низком сводчатом потолке.

Матюха что-то не шел. Бабушкин уже съел и щи, и рубец. И газету всю прочитал, даже объявления.

Подошел к зеленому бильярдному столу, стал наблюдать за игроками.

Когда-то в юности любил Иван погонять шары. Любил ощутить в руке приятную тяжесть кия. Любил четкий удар, когда костяной шар с треском влетает в лузу. Но все это было давно. А в последние годы ни разу не держал Бабушкин кия. До того ли? И так времени в обрез.

Наконец явился Матюха.

— Задержали! Опять экстра¹, чтоб она провалилась!

Вместе с Матюхой в трактир вошли еще трое рабочих. Двое совсем молодых, третий постарше.

— Федор, — сказал тот, что постарше, и пожал Бабушкину руку.

— Федор, — повторил молодой и тоже протянул руку.

— Федор! — произнес и третий, курносый и весь в веснушках. И засмеялся.

— Шуточки? — Бабушкин повернулся к Матюхе. — Или нарочно подстроил?

— Какие там шуточки?! — Матюха пожал плечами. — Так уж получилось. Три Федора. Как на заказ. И все трое приглашены к Бушу.

— Ну, вот что, — Бабушкин окинул быстрым взглядом шумный, заполненный людьми трактир. — Тут не поговоришь...

Они вышли на улицу. Неподалеку зеленел сквер с чахлыми кустами. Моросил мелкий, как пыль, дождичек, и на скамейках — ни души.

— Прелестное местечко! Словно специально для нас. — Бабушкин сел.

Рядом устроились Матюха и все три Федора.

— У меня к вам дело, — сказал Бабушкин. — Очень важное, очень серьезное дело...

* * *

Огромный дом Буша сиял огнями. Обычно этот дом сверкал так лишь во время балов. Но тогда к нему подкатывали легкие коляски с гостями, а сейчас к широкому подъезду один за другим тянулись рабочие.

Шли принаряженные, в новых, тщательно отглаженных рубашках и до блеска начищенных сапогах. Волосы у многих были аккуратно причесаны и смазаны, у кого — маслом, а у кого — бриллиантином или помадой.

У входа каждого встречал величественный, похожий на дьякона, швейцар и с поклоном «просил пожаловать».

В гостиных сновали лакеи. На столах стояли огромные посудины с пивом, маленькие плетеные корзиночки с раками, блюда с закусками.

Рабочие поначалу чувствовали себя неловко, говорили шепотом и не знали, куда приткнуться.

Но вскоре все освоились. Голоса

¹ Экстра — так называли на заводах сверхурочную работу.

зазвучали громче, застучали пивные кружки, где-то уже слышался смех.

Появился и сам губернатор. Грузный и улыбающийся. А когда некоторые рабочие вскочили из-за стола, здороваясь с ним, князь громко, простецки-добродушно прогудел:

— Сидите, сидите. Я рад видеть вас здесь, друзья мои!

И всем стало легко и просто.

Вскоре всех пригласили «в залу».

Там уже стояли рядами кресла. А на маленькой, «домашней» сцене, где во время балов располагался обычно духовой оркестр, стоял теперь столик.

— Господа! — сказала Журавская. Она была в строгом темном платье и почти без украшений. Лишь браслет на руке. На сморщенном личике ее сейчас пылали огромные глаза, и от этого Журавская казалась даже красивой. — Господа! Сегодня один из счастливейших дней в моей жизни! Сегодня мы создаем «Рабочий союз»! Во имя культуры и прогресса!

Она еще долго, восторженно говорила о будущем «Союза», о князе и его мудром начинании, о местных благотворителях, которые пожертвовали крупные суммы «Союзу», о новых школах и библиотеках.

— А теперь, господа, — закончила она, — нам надлежит принять устав нашего союза.

На сцену поднялся молодой человек в пенсне и с бородкой — чиновник из городской управы.

Он поправил пенсне и звучным голосом стал читать «Устав».

Зал слушал.

В «Уставе» говорилось, что «Союз» создается для просвещения рабочих, что средства его складываются из благотворительных пожертвований, что во главе «Союза» стоит правление, которое избирается ежегодно.

Устав был длинный — тридцать восемь пунктов.

Молодой человек неторопливо дочитал его до конца, снял пенсне и ушел со сцены.

— Я полагаю, — сказала Журавская, — что устав составлен очень продуманно. Мне кажется, он удовлетворил всех собравшихся. Предлагаю считать устав принятым.

Раздались аплодисменты.

— Дозвольте спросить? — вдруг раздался голос откуда-то из конца зала.

— Пожалуйста, дружок, — любезно улыбнулась Журавская. — Выйдите сюда, чтобы все слышали.

— Да я отсель... Услышат...

Это был Федор. Один из тех трех Федоров. Пожилой.

— Я вот про чего... — он встал и ладонью пригладил волосы. — Вот, к примеру, у нас, на Брянском, штрафы почем зря дерут. За дело и без дела. Вот я и маракую: ежели зазря штраф, то «Союз», значит, должен вступить. За мастерового, значит. Чтоб повадки такой не было — обижать трудового человека. Вот такой параграф беспременно надо в устав...

— Точно! — азартно выкрикнул кто-то. — А иначе — рази ж «Союз» рабочий? Ежели за своего же брата, рабочего, не заступится?

— Тихо, тихо! — постучала ладонью по столу Журавская. — Говорите по очереди.

Она растерянно смотрела на Федора. Что

это с ним? Всегда такой скромный, послушный, и рта не раскроет. А тут...

С удивлением глядели на Федора и его товарищи по цеху. Ишь, как заговорил молчун!

— Штрафы к «Союзу» не имеют отношения, — стараясь не нервничать, пояснила Журавская. — Наш «Союз» — во имя культуры...

— Дозвольте сказать! — перебил ее кто-то, сидящий возле двери.

— Пожалуйста!

Это был Федор Второй. Молодой. Тот, который весь в веснушках.

— А я вот насчет экстры. Как же это получается? По закону никто не имеет права принудить меня экстру стоять. А на деле? Силком насилуют! А попробуй, четырнадцать часов — у тисков, а потом еще шесть часов экстры!..

— Верно!

— В самую точку!

— Тут и бык не выдюжит! — раздались выкрики.

— Вот я и предлагаю, значит, — предложил Федор. — Вписать в устав. Что «Союз», значит, целиком и полностью против экстры. И хозяевам наказать, чтоб к экстре не неволили...

— Это не имеет отношения к «Союзу», — уже не в силах скрыть раздражения, перебила Журавская. — Я ведь уже объяснила: наш «Союз» — во имя культуры...

— А я тоже для этой самой... для культуры, — сказал Федор. — Потому, как ежели четырнадцать часов — у тисков, а потом еще экстра — какая ж, к шутам, культура? Где добыть время книжку почитать или, скажем, уроки в школу сделать? Вот и выходит: экстра — она самый что ни на есть первый супротивник культуры.

Князь Святополк-Мирский сидел в первом ряду. Слушал он эти речи вроде бы спокойно. Воспи-

тан был князь. И выдержка большая. А сам тревожно думал:

«А ведь мы сюда отобрали только самых надежных. Не смутьянов, не крикунов. И уж если надежные такое говорят...»

А потом встал Федор Третий и заявил, что по его скромному разумению в «Устав» необходимо внести еще один пункт: почему это рабочий обязан покупать все только в заводской лавке? А там торгуют гнильем. Надо, чтоб «Союз» боролся с этим...

И еще: пусть кого-либо из мастеровых «Союз» отрядит в городскую управу.

— Чтоб, значит, оборонял там наш рабочий интерес. Ну, и супротив всяких взяточников, казнокрадов...

Тут уж князь не выдержал.

На листке из блокнота он торопливо написал Журавской:

«Пора кончать этот митинг. Объявите, что ввиду позднего времени обсуждение «Устава» откладывается».

Когда все три Федора наперебой рассказывали Бабушкину о собрании в доме Буша, Иван Васильевич слушал и посмеивался.

А самому вспоминалось, как позавчера сидели они в сквере, под мелким, как пыль, дождем. Долго — часа два, не меньше — пришлось ему убеждать, улаживать эту троицу. Особенно вот этого, веснушчатого, Федора Второго. Все спорил он, упрямялся. Раз даже вскочил, чуть не убежал. Да, горяч! Нелегко было убедить его. Но зато, говорят, у Буша он яростнее всех выступал.

— ...Скандал! Прямо, значит, форменный скандал! — усмехнулся Федор Второй. — Тем и кончилось собрание.

— Вот и ладно! — сказал Бабушкин. — Неповладно будет князьям затевать «Рабочие союзы»! Ишь, благодетели!

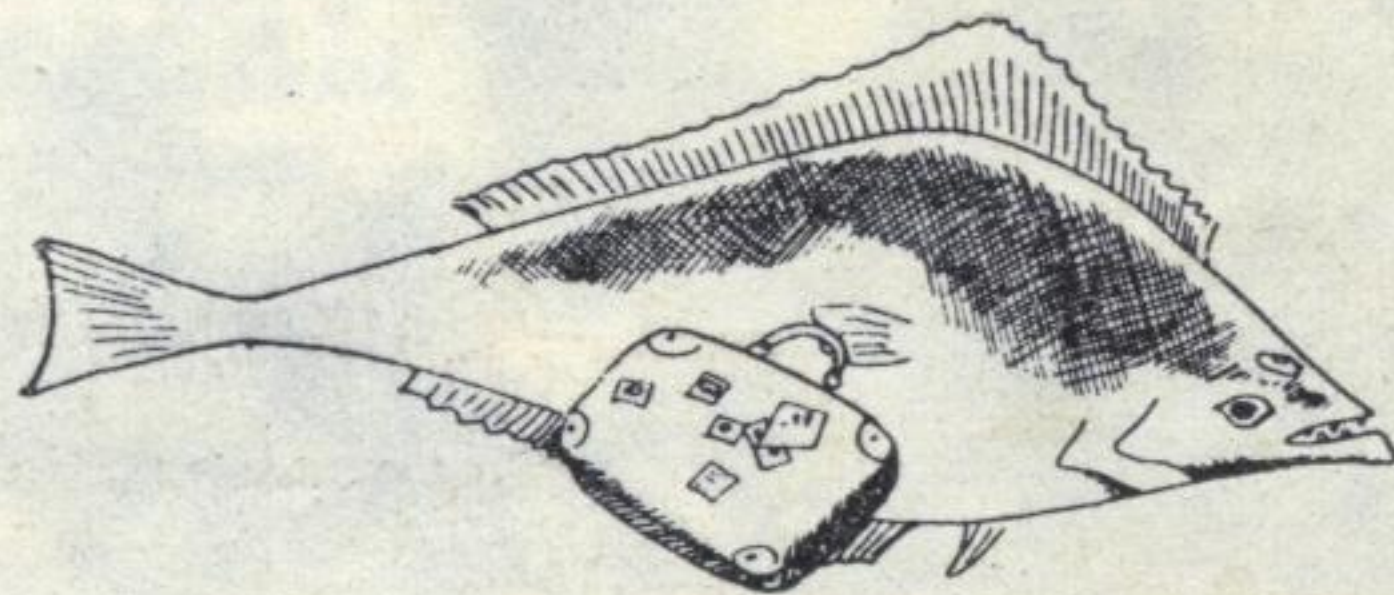
МАЛЬЧИК И ПИНАГОР

Однажды в Мурманске, в сквере, я слышал, как отец рассказывает сыну о рыбах. Вероятно, отец был рыбаком. Рассказывал он о палтусе и пинагоре.

— Палтус — плоский, как пирог, глаза и рот свернуты на сторону. Живет глубоко, на дне. Приходит время, палтусиха выметывает икру и вместе с отцом уплывает. А мальки остаются одни. Хвост да плавники — вся надежда.

— А пинагор?

— Пинагор рыба как рыба. Только живет у самого берега. В отлив каждый раз море уходит, и пинагор с пинагорихой плещутся в лужах. Мать отложит икру и уплывает, около икры остается отец. Он следит, чтобы в отлив икра не засохла. Выведутся пинагорята — плавают вместе с ними. Впереди папа-пинагор, позади косячком мальки.

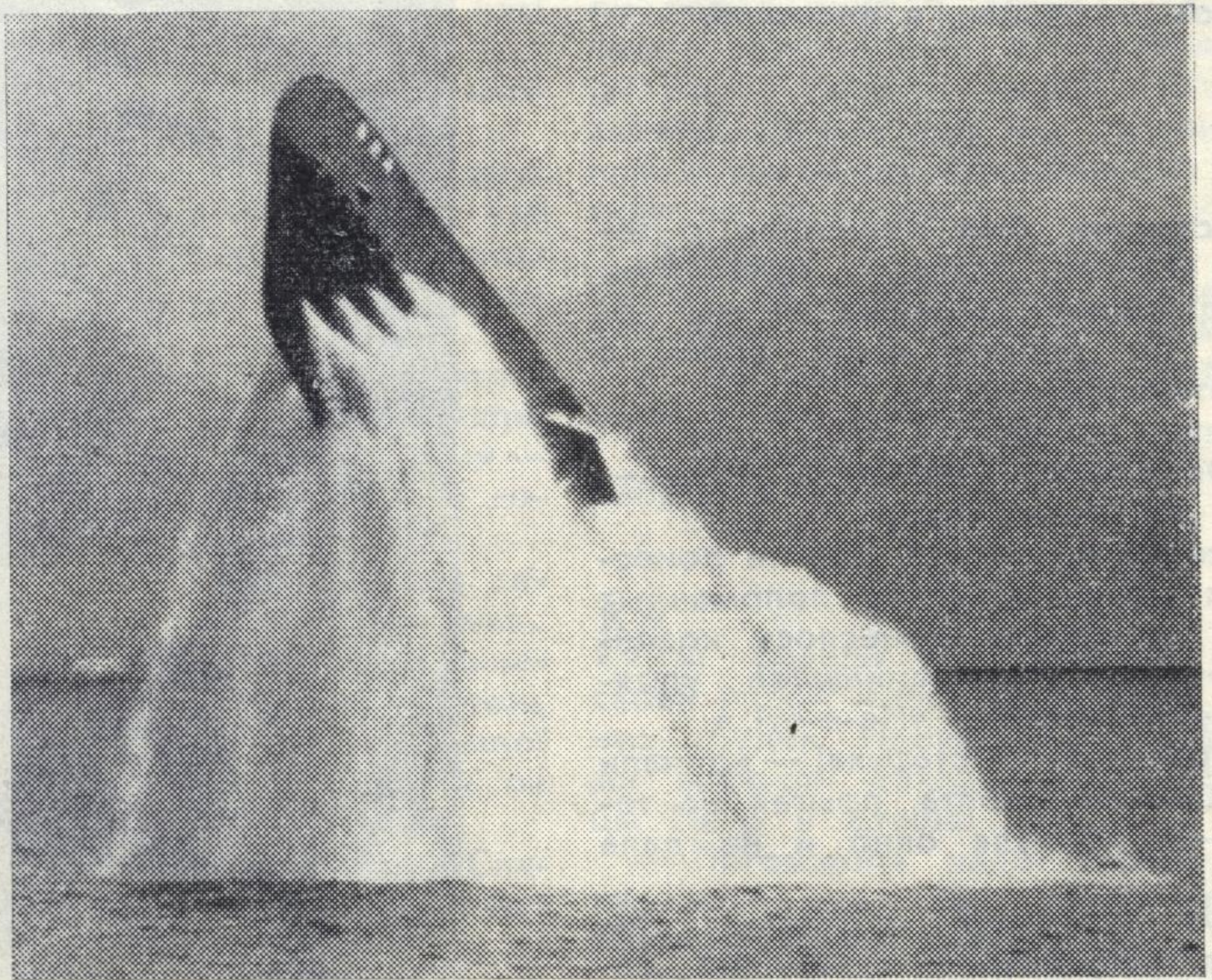
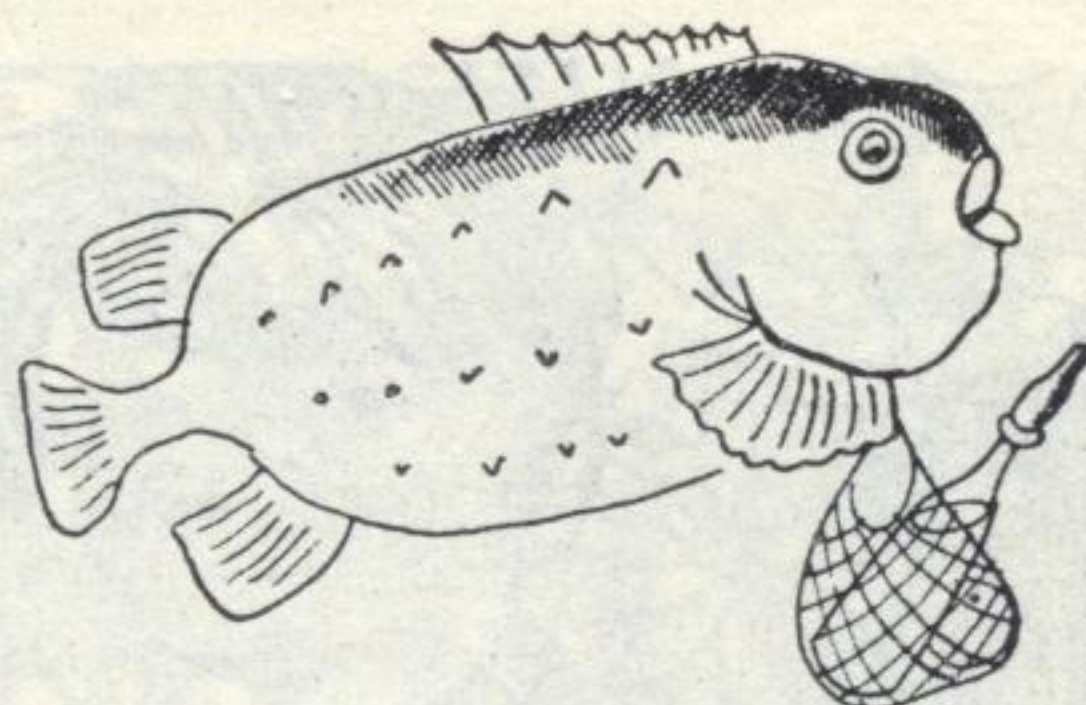

Рыбак замолчал. Тогда уже я спросил его:

— Скажите, а вот, с вашей точки зрения, какая рыба лучше? Палтус или пинагор?

— Что за вопрос? Конечно, палтус! — ответил он. — Из него и котлеты, и филе. Весу в одном палтусе бывает килограммов сто! А пинагор что — фитюлька.

— Не фитюлька. Он хороший! — сказал сын. Потом присел на корточки и стал щепкой рисовать на земле. Нарисовал головастую рыбку. За ней стайкой плыли маленькие дружные точки.

Всплывает подводная лодка. Правда, это аварийное всплытие — носом вверх. В этот момент лодка очень похожа на какое-то морское животное!

Капитан и боцман отвечают на вопрос, заданный в июне.

На карточке изображен профиль дна Атлантического океана. Судно, очевидно, было океанографическим. Хребет под водой, название хребта смазано — «Атлантический».

СРЕДИ ВОЛН
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Когда Паутинкин проснулся, он увидел за иллюминатором волны.

Пароход уже был далеко от берега. Дверь открылась, и в каюту вошел человек в черной маске.

(Продолжение следует)

Весна тридцатого года. Театр юных зрителей посылает нас, бригаду комсомольцев, в деревню.

На станции Дно поджидал с телегой Филипп Захарыч, крестьянин из подшефной коммуны. И мы покатали по дороге мимо полей с расцветающей викой.

Солнце пекло.

— Остановка! — крикнула Надя. — Здесь достанем воды!

Соскочив на землю, ребята понеслись к избушке. Из-за поломанных кольев заборчика донеслось козлиное беканье, напоминавшее упрямое человеческое: «Не-е-ет!..»

— Противная старуха! — кричали возмущенные ребята, прыгая на телегу. — Захлопнула окно и не дала воды!

— До коммуны недалече! Там молока напьетесь, — и Филипп Захарыч тронул коней. — Единоличница! У таких не допросишься!

Вдруг раздался резкий старушечий крик: «Матвейка!..»

Мы оглянулись. Через поля к одинокому домику неслись мальчонка лет семи в длинной розовой рубашке. На крыльце домика виднелась старуха, точно большая черная тень. Она крепко ударила мальчишку по затылку и толкнула в избу. В тихом воздухе долго слышались пронзительные причитанья:

— Опять в коммунию бегал, черт-тяга несчастная!..

ИЗ СТАРЫХ СНИМКОВ. Днем — рабочие, вечером — артисты

II

Приехали! Мы в коммуне!

Ребята растерянно огляделись.

— Отчего так тихо? И никто не встречает?

— Тетя Даруша! — крикнул Филипп Захарыч. — Выдь-ка!

На крыльце избы появилась темноглазая женщина в белоснежном платке. Кланяясь, она сказала певучим голосом:

— Здравствуйте, гостички дорогие! Проходите в нашу коммунарскую столовую. Проголодались с дороги-то?

Мы уселись за длинными непокрытыми столами на длинных ска-

мейках. Тетя Даруша без конца подливала в деревянные миски вкусное желтое молоко, нарезала толстые ломти пышного деревенского хлеба. Но ребята глотали молоко молча.

— Отдыхайте, родимые! — говорила тетя Даруша. — Вам изба большая отведена! Вот только насчет питания как? Верно, не будете с общих мисок хлебать? Отдельный вам паек положить?

— Вот что, ребята, — сказала Надя голосом, не допускающим возражений. — Снесите в нашу избу вещи. А мы пойдем искать председателя.

III

Долго я и Надя бродили среди полей.

— И куда это председатель девался! — ворчала Надя. — Не сидится ему на месте!

— Вона зашагал, — услышали мы голосок из придорожных кустов. Большие лопухи вздрогнули и откры-

ПЕТРУШКИ

И. Ленко

ли знакомую мальчишечью голову и розовую рубашку Матвейки.

— Не догнать вам! Быстроногий он! — крикнул Матвейка. И розовая рубашка замелькала уже вдали.

Но мы председателя все-таки догнали. Товарищ Федор выслушал нас, сдвинул выгоревшую фуражку на белокурый вихор и сказал решительно:

— Что приехали помогать по культурной части — за это спасибо! Только сейчас недосуг! Люди в поле! Столкнетесь в обеденный перерыв! — и пошел по тропке к женщинам, сажавшим картошку. А мы растерянно смотрели, какими большими шагами удалялся он от нас, и забыли спросить главное — где же можно встретиться с народом в обеденный перерыв?

— Садитесь! — крикнул нам паренек, проезжавший мимо с пустой телегой. — Подвезу к самому дому! — Он охотно сообщил, что его зовут Николаем, что Федор, председатель, — толковый мужик из двадцатипяти тысячников...

— Приходи в обеденный перерыв на полянку за столовой, — сказала Надя. — Поговорим о стенгазете!

— Ладно! — согласился парень.

— Кукольный театр поможет организовать, — добавила я.

— Сделаем! У нас народ самостоятельный!

Но вот и обеденный перерыв. Быстренько проглотив затируху с молоком, мы уселись на полянке перед столовой.

Солнце припекало. От нетерпения становилось еще жарче. Никто к нам не шел.

Ребята начали ворчать.

Проходившая мимо тетя Даруша крикнула:

— Вы бы в холодок, а то на самый зной сели!

Я подошла к ней:

— Тетя Даруша, где же народ?

— Да что вы все хлопочете? Сказано — народ в поле. Туда им и обед возят.

— А Николай? — крикнула Надя. — Он обещал прийти!

— Есть у вас сознание али нет? Умаялся парень. Спит в сарае.

...Несколько минут мы молча смотрели вслед тете Даруше.

Виктор дергал себя за чуб. Вдруг он взмахнул длинными руками, как будто собирался полететь, и заорал:

— Пошли в поле! Я видал, там картошку сажают!

Товарищ Федор в сарае осматривал новую грабилку. Вокруг толпились женщины и страшно кричали — испуганно, со злым отчаянием в голосе:

— Ни в жисть на нее не сядем! К машинам непривычные мы...

— Непривычные — так привыкнете! — коротко бросил председатель и повернулся к нам. — Вы ко мне?

Наше предложение о помощи он выслушал спокойно.

— Ладно! Приходите завтра! Скажем, что делать. Подъем в три часа утра.

Уже засыпая, я думала: «Неужели мы напрасно привезли Петрушку в коммуны?»

IV

Блям! блям! блям! Гудит, звенит кусок железного рельса, что висит на столбе перед столовой. Это сторож, уходя с ночного дежурства, будит коммунаров...

С трудом раздирая сонные веки, мы хлестали щеки холодной водой, забегали в столовую проглотить миску молока с затирухой и мчались в контору. Сзади всех бежала, хлопая деревянными сандалиями, толстуха Оля.

— Сегодня на навоз! — коротко бросал председатель. И мы шли туда, где были нужны.

А старый чемодан с куклами лежал в темном углу под топчаном...

Наша помощь коммуне раздражала крестьян-единоличников. Во время дежурства на кухне Шура пошла нарвать с коммунарских гряд луку. Из кустов выскочила бабка Лизавета, та самая, что в день приезда не дала воды, и пригрозила Шуре голову ошпарить, если будет на чужих грядках распоряжаться.

В один из поздних вечеров, когда я уже собиралась заснуть, передо мной вдруг выросла Алка. Босая, в одной рубашке:

— Вставайте! Только скорей!

Мы все, неслышно ступая, вылезли через окно в огород. Там, как белое привидение, разгуливал среди полос капусты козел бабки Лизаветы. Целый час мы гонялись за ним и выставили единоличную животину из коммуны.

Трудились мы изо всех сил. Даже скупой на слова председатель хвалил нашу комсомольскую бригаду.

И все-таки всех нас волновал один и тот же вопрос:

— Послали проводить культурную работу, а мы?

V

Мы сидели на бревнах перед своей избой и отдыхали после дневных трудов. Неожиданно перед нами выросли колхозные комсомольцы Петр и Стеша:

— Поговорить надо! Может, растолкуете нам, как лучше работу комсомольскую проводить?

Это было здорово! Мы такого даже не ожидали!

Решили на следующий день провести в столовой комсомольское собрание.

Докладчик Виктор явился с толстой мелко исписанной тетрадкой. Взглянув на нее, Оля с ужасом расширила глаза:

— Витенька, сколько часов ты будешь говорить?

— Смотря по обстоятельствам! — буркнул Виктор и, усевшись в углу у окна, принялся листать свое сочинение с самым неприступным видом.

Ровно в назначенный час в столовую вошли Петр, Стеша и Николай, уселись на самой задней скамейке, прижимаясь к стенке.

Мы просидели молча довольно долго. Первой заговорила Стеша:

— Когда начинать будем? Мне недосуг. Скоро коров доить.

Виктор оторвался, наконец, от своих листков и произнес:

— Начнем, когда соберутся!

— Кто же еще собираться будет? Это и все комсомольцы. Больше нету!

— Все?! — тут мы дружно захотали, уселись за стол, покрытый кумачом, и начали без официального доклада судить и рядить, что можно сделать в условиях коммуны.

В ЧЕМОДАНЕ

Рисунки А. Януса

VI

Раннее утро. В конторе идет распределение работ. А на чердаке от стенки к стенке протянута веревка, через нее перекинут кусок полотна. Над полотном прыгают куклы...

Ох как хотелось спать в эти пред-
рассветные минуты! Оля сидела
где-нибудь в уголке на корточках
и покачивалась, силясь не заснуть.

Однажды, увлеченные репети-
цией, мы не заметили, как дверь
нашего убежища распахнулась. И
мы услышали голос председателя:

— Подходяще! — обычно суровые
глаза товарища Федора улыбались.

— Вот что, ребята! — сказал пред-
седатель. — Сочините-ка сценку, как
народ машин боится! Не доверяет
машине! Говорит: серпом верней!
Недопонимают. А репетировать вам
здесь неудобно. Можно в сарае.
Там способней!

Как-то вечером я и Шура сидели
в избе перед моим чемоданом и
проверяли кукол. Вдруг Шура тол-
кнула меня, я обернулась. В окно
старались заглянуть две маленькие
головы. Мы бросились к ним... По
дороге улепетывала коммунарская
девчонка Нюрка. А перед нами
стоял, не поднимая глаз, Матвейка.
И вдруг выпалил:

— Покажь чертей!..

— Каких чертей? — изумились мы.

— Каких в чемодане прячете.

— Да нет у нас никаких чертей! —
выкрикнула сквозь смех Шура. Но
Матвейка строго посмотрел на нее:

— Врешь! Бабка говорит — не хо-
ди в коммуны! Говорит, вы чертей
из города привезли! А я не боюсь!
Там они у вас! Покажи!

Я надела на руку Петрушку и вы-
сунула его в окно. Матвейка смот-
рел молча, не отрываясь. Глаза его
блестели.

— Не страшный! — прошептал он.

VII

В час перерыва широко распахивались двери огромного сарая. Усталые, потные, запыленные прибежали Стеша, Петр и Николай. Стеша вытаскивала из кармана лоскутки и начинала шить кукляшкам рубахи и сарафаны, а Николай с Петром натягивали кукол на свои непослушные, негибкие, словно каменные, пальцы.

Сочинили сценку про козла бабки Лизаветы.

Не получалось у нас козлиное меканье. Но однажды настоящее «ме-е-е-е» заставило нас всех вздрогнуть.

Из сена вылез Матвейка с соло-
мой в вихрах:

— Можно я буду за козла мекать?
Я хорошо буду мекать!

Мы обрадовались. С этой минуты
Матвейка стал самым старательным

членом нашей бригады — на ре-
петиции прибежал раньше всех и
терпеливо ждал перед дверями са-
рая.

Наконец, день выступления назна-
чен. Объявления повешены на всех
столбах.

На полянке перед столовой рас-
ставили скамейки. Народ стал соби-
раться задолго до начала.

В последнюю минуту Алка заши-
пела мне в ухо:

— Нет Матвейки!

— Ерунда! — пробурчал Виктор. —
Я мекну!

— Не смей, — запищала Алка. —
У тебя совсем не получается —
ржешь, как хороший коняга!

Ждать больше было нельзя, и мы
начали представление. И про жен-
щин, которые машин испугались, и
про Петрушку, который не мог най-
ти в коммуне газету «Ленинские
искры», а затем обратился с вопро-
сом к председателю: «Почему ком-
мунарским ребятам «Ленинские ис-
кры» не выписываешь?»

Наконец на ширму прыгнул ку-
кольный козел — и раздалось заме-
чательное знакомое «ме-е-е-е!».

Я оглянулась. Запыхавшийся, с
шишкой на лбу, в разорванной ро-
зовой рубашке, Матвейка стоял за
ширмой.

— Через окно вылез! — шепнул
Матвейка. — Бабка меня закрыла.

Представление закончилось. Кре-
стьяне продолжали сидеть на своих
местах, споря и размахивая руками.

Огромная борода сунулась за
ширму.

— Как это вы их там дергаете? —
спросила борода. — Хорошо, да ма-
ловато! Еще бы!

Деревенские мальчишки повисли
на ветвях старой липы и старались
рассмотреть наш театр сверху. Чей-
то озорной глаз глянул в наш чемо-
дан с куклами, и зазвенела задор-
ная частушка:

Дорога́ моя подруга,
Это не потеха ли?
Чертенята в чемодане
С города приехали!

Над ширмой выросла голова пред-
седателя в фуражке, сдвинутой на
самый затылок.

— Молодцы! Коммунарское вам
спасибо! И про козла хорошо полу-
чилось. Козел совсем как у бабки
Лизаветы!

Мы посмотрели на Матвейку:

— Будет тебя бабка бить?

— А може, не побьет! — сказал
Матвейка, поблескивая веселыми
глазами. — Вон она на травке си-
дит... сзади всех...

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Как грибы, растут у нас в стране детские команды. Их число станет еще больше, если сами ребята проявят инициативу, не станут ждать, пока их пригласят на зеленое поле.

С чего начать? Собраться вместе, выбрать капитана и направиться в райком комсомола или в местный комитет физкультуры. Взрослые вам, конечно, помогут. Но и самим сидеть сложа руки не следует. Надо прежде всего раздобыть спортивную обувь — кеды, сговориться, чтобы у всех была одинаковая форма, и главное — приступить к тренировкам.

Ребятам, живущим в городах, не следует гонять мяч на пыльных крохотных площадках. Тут и тесно, и жарко. Пользы от такого топтания никакой. Лучше собраться сообща и отправиться всей командой на автобусе, электричке, а то и пешком за город. Выбрались на свежий воздух — найдите по душе лужайку, полянку и играйте в свое удовольствие. Хорошо, если еще захватите с собой переносные

ворота, описание которых дано в этом номере «Костра». Не ограничивайтесь футболом: неплохо поиграть в ручной мяч, лапту, волейбол.

Нужно, разумеется, работать и над техникой. Без тренера это дело сложное. Но ничего не поделаешь: учиться можно у старших ребят, особенно у тех, что занимаются в ДСШ. Полезные советы даются и в передачах Центрального телевидения «Школа начинающего спортсмена».

Кстати, в будущем году предполагается выпустить книгу «Юного футболиста». Сейчас я вместе с заслуженными мастерами спорта М. Сушковым, С. Сальниковым и другими специалистами работаю над этим пособием.

Еще одно дело наша федерация считает первоочередным: мы хотим добиться выпуска особых детских кедов с пластмассовой подошвой, куда ввинчиваются шипы. Эти кеды легкие, не скользят на травяном газоне, предохраняют ноги от травм.

*М. Розин, старший тренер Федерации
футбола СССР*

ПРИГЛАШАЕМ ТРЕТЬЕКЛАССНИКОВ

В нашей стране почти тысяча детских спортивных школ, где имеются футбольные отделения. Огромная ребячья армия штудирует здесь азбуку футбола. В прошлом году в ДСШ занималось 78 тысяч поклонников кожаного мяча, из них 33 тысячам нет и 13 лет. Основы футбольной науки передают ребятам 1830 тренеров, у половины из них — высшее физкультурное образование.

С нового учебного года изменились правила приема

в ДСШ. Теперь сюда можно записаться с десятилетнего возраста. Тренировки будут вестись по современной методике: они станут продолжительнее, насыщеннее специальными упражнениями. Воспитанники ДСШ станут по новому расписанию встречаться с тренерами пять раз в неделю.

Министерство просвещения СССР создает три специальные школы для юных футболистов: в Ленинграде, Ереване и Минске. Детские футбольные школы, секции

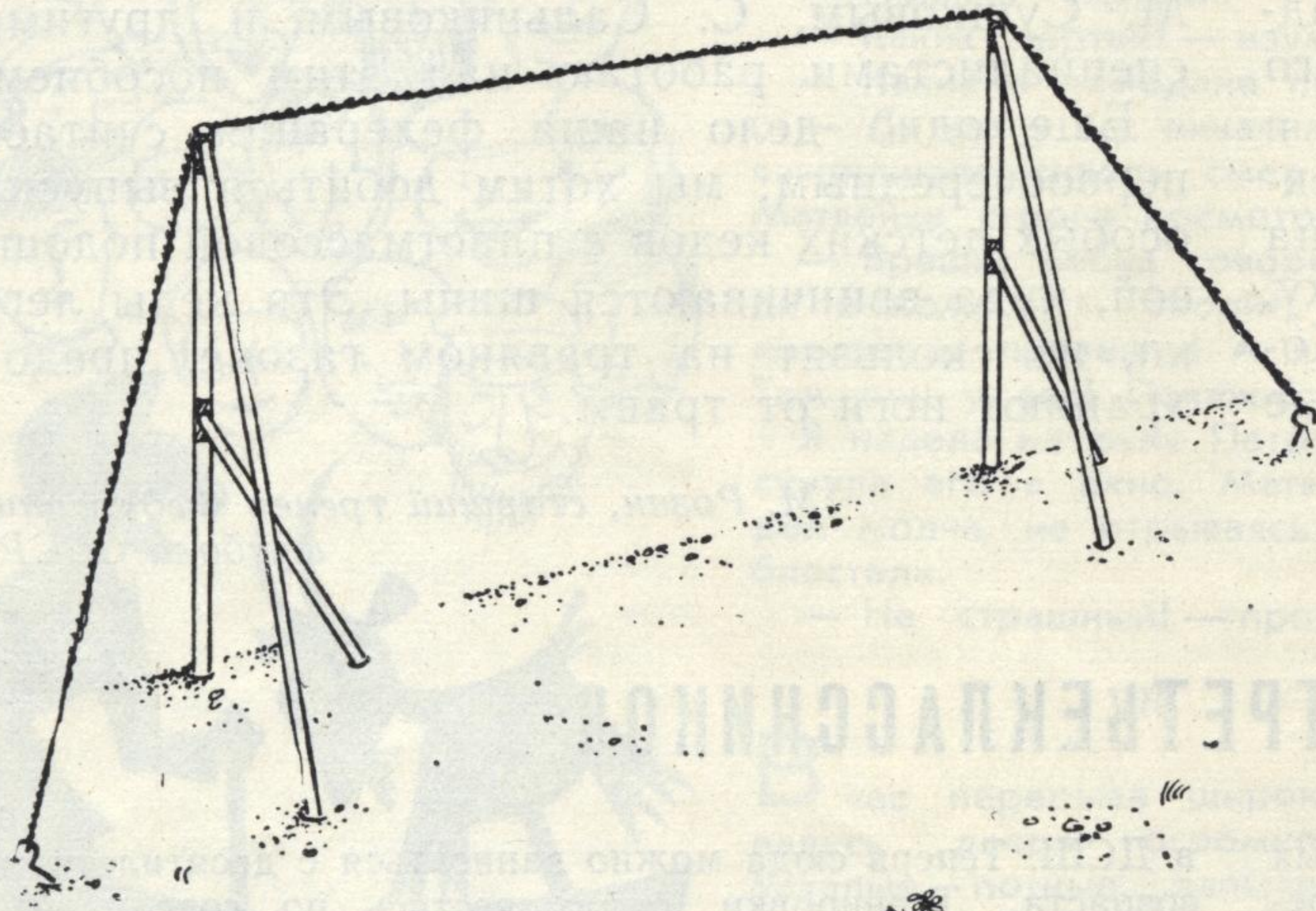
и группы создаются при добровольных спортивных обществах профсоюзов. По предварительным данным в турнире клуба «Кожаный мяч» приняло участие 300 тысяч детских команд. Так что и играть, и совершенствовать мастерство есть где — было бы желание!

В. Ивлиев, инструктор по детскому спорту Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

СО СВОИМИ ВОРОТАМИ

Портфеля, шапки, пары камней порой достаточно, чтобы обозначить ворота. Но для настоящей игры в футбол нужны все же настоящие ворота — со штангами.

Переносные ворота, которые можно сделать своими руками, годятся и для игры, и для тренировок. Достаньте дюралюминиевые трубки. В верхней и средней части их просверлите отверстия для упора. Трубки-стойки забиваются в землю на 20 см, вместо штанги их соединяет металлический тросик, капроновый шнур или даже просто веревка. Перекладину надо туго натянуть и закрепить за штыри, вбитые в землю.

Штанги-стойки удерживаются в вертикальном положении трубками-упорами в стороны и назад. Для двух ворот надо четыре стойки длиной 220 см и сечением 4 см, четыре железных штыря длиной 40 см, восемь больших упорных трубок или палок длиной 160 см и четыре малых — длиной 150 см.

На трос крепится сетка, нижний край ее оттягивается в глубину ворот и крепится колышками через каждые 30 см. Весят металлические ворота примерно 12 кг, деревянные — 18 кг.

Стойки для деревянных ворот могут быть круглыми (диаметр 5 см) или квадратными. Концы и середина обиваются жестью или обжимаются хомутиками из мягкой жести толщиной 1—1,5 мм в местах, где крепятся палки-упоры.

В разобранном виде такие стойки и упоры можно брать с собой даже в поход. Установить ворота на пляже, на лужайке, на опушке леса минут за пятнадцать не составляет труда. Еще быстрее их можно разобрать после игры. Ворота могут быть сделаны любого размера. Высоту и ширину самодельных ворот устанавливайте в зависимости от своего возраста. Например, для турнира «Кожаный мяч» нужны ворота шириной 6 метров и высотой 2 метра.

А. Томашевич, тренер по футболу

БУХАРА

Из путевого альбома О. Зуева

МИНАРЕТ

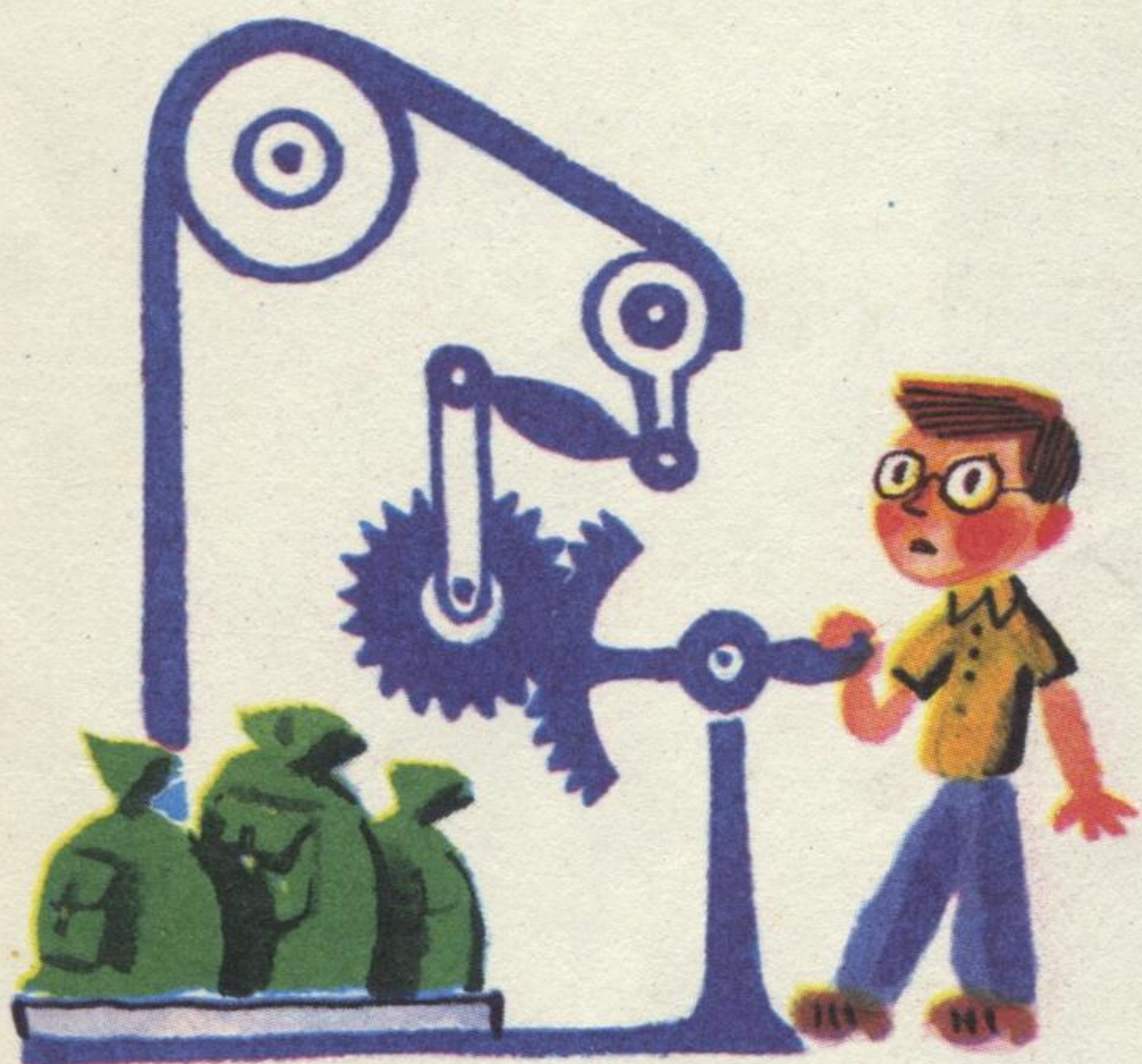
СТАРЫЙ ГОРОД УТРОМ

ПЯТЬ ПУТНИКОВ, ПЯТЬ ЗАГАДОК

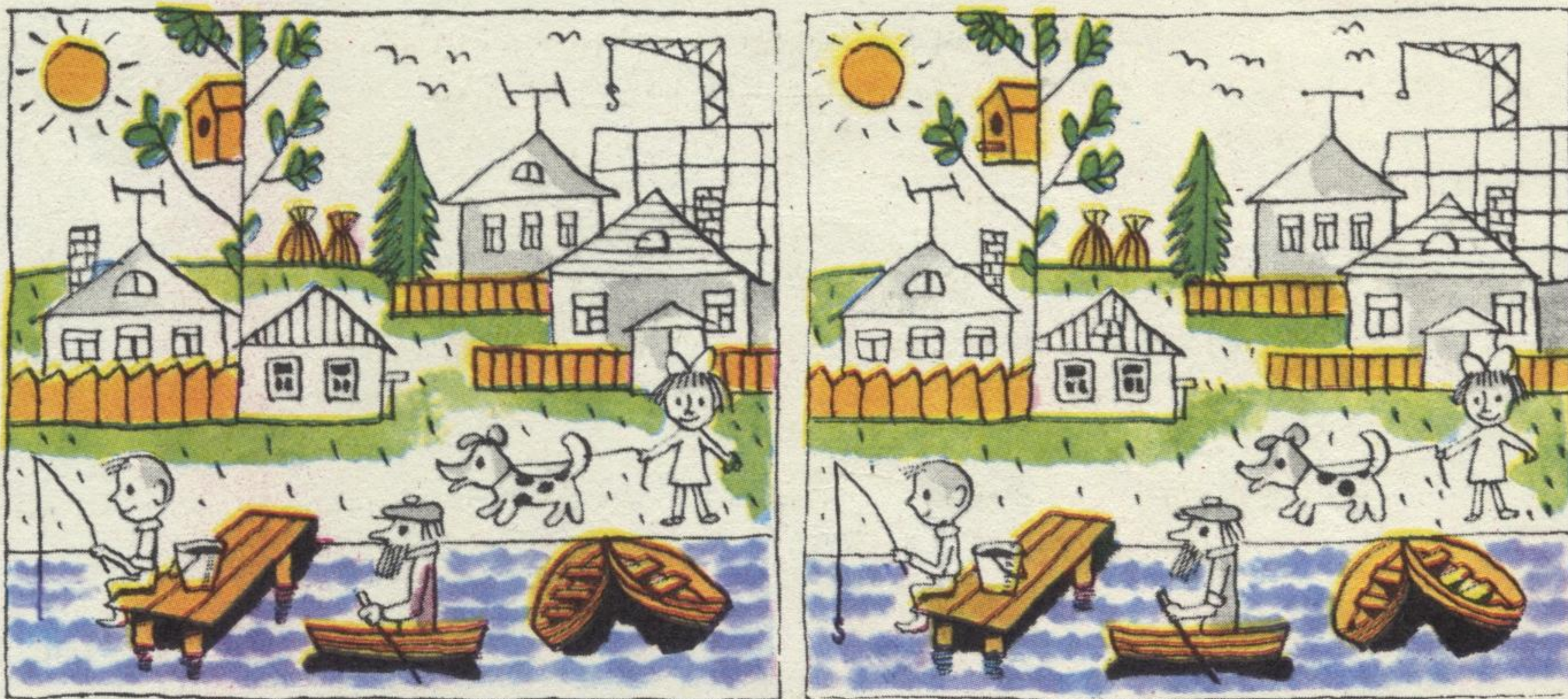
— Странное название у нашего корабля, — сказал Лева.
— Гром и молния! — отозвался капитан. — Опять растяпа-маляр перепутал буквы. Наш корабль назван именем знаменитого путешественника.

Майя взяла кисточку, краску и быстро исправила ошибку. А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Свой багаж путники сложили на площадку подъемника.
— Вира! — крикнула Юля.
Боря взялся за рукоятку...
А КУДА ОН ЕЕ ПОВЕРНУЛ — ВВЕРХ ИЛИ ВНИЗ?

— Мы здесь уже проплывали. У меня даже снимок есть.
— Что ты! Ты снимал Верхне-Петровку, а это — Нижне-Семеновка.
И Ира нашла 12 различий. А ВЫ?

— Итак, дальше мы направимся... — капитан расправил карту.
— Карта неверна! — воскликнул Лева. ПОЧЕМУ?

Уголок

бессюжетного архивариуса

ЗОЛОТИСТЫЙ ЛЕВ

В Италии больше двухсот лет назад жил маленький мальчик, по имени Антонио.

Однажды дедушку Антонио, искусного повара, пригласили в княжеский дом приготовить праздничный обед. Мальчик тоже пошел, чтобы помочь деду.

Все шло прекрасно, пока не настало время накрывать на стол. Вдруг в обеденном зале послышался грохот, и в кухню ворвался старый слуга с куском мрамора в руках.

— Что мне делать? — бормотал он со слезами на глазах. — Я разбил статую льва, которая должна была стоять в центре стола!

И тут вдруг маленький Антонио бросил свои кастрюли и подошел к провинившемуся слуге...

Когда в зал вошли гости, первое, что они увидели, был большой золотистый лев.

— Какое чудесное произведение искусства! — воскликнули они. — Только великий художник мог изваять такую фигуру. Но как удивительно, что он сделал ее из масла!

— Честное слово, друзья мои, — сказал князь, — это такой же сюрприз для меня, как и для вас.

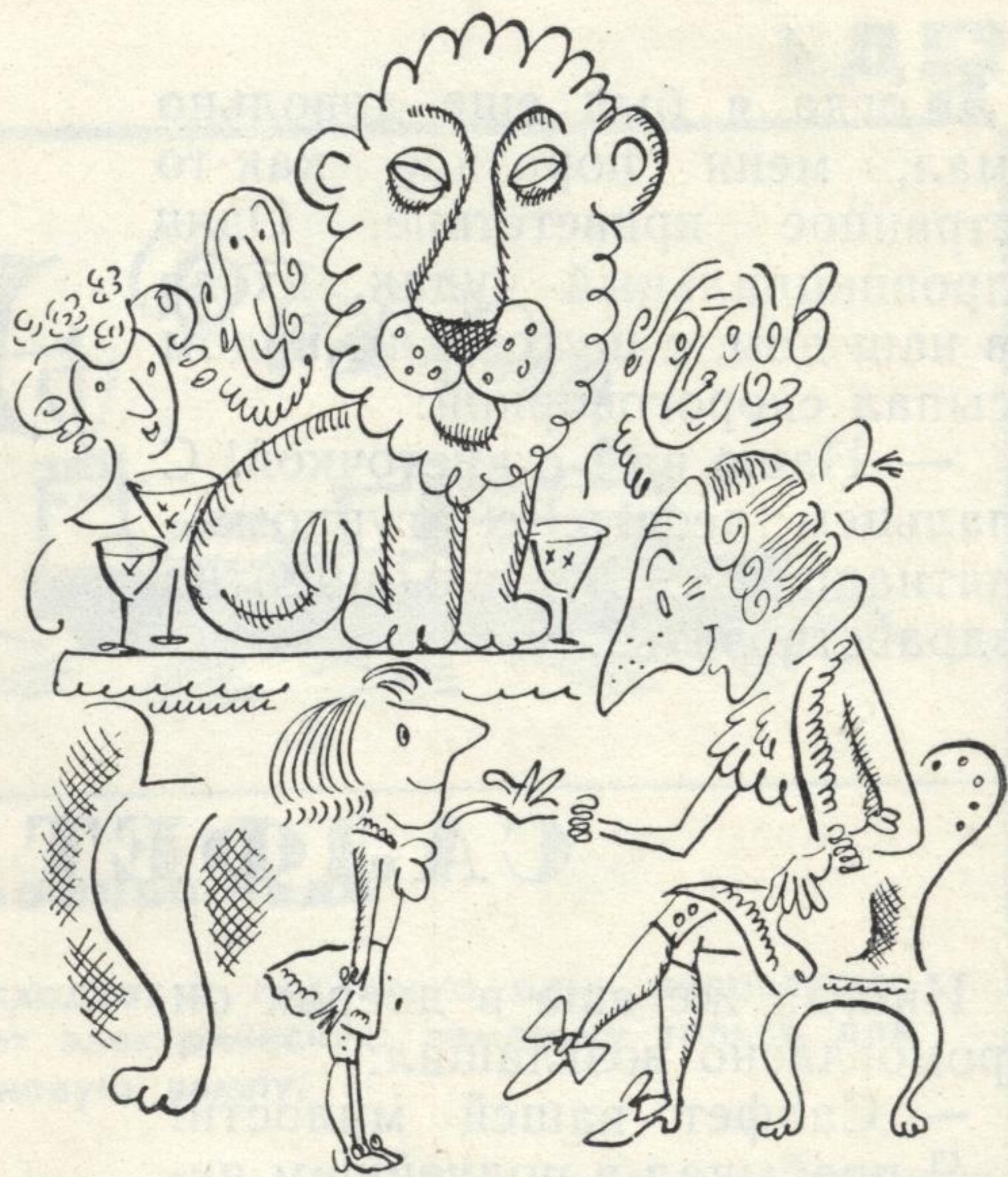
Князь позвал старого слугу и спросил его, откуда эта статуя.

— Она сделана на кухне маленьким мальчиком, — ответил слуга.

Гости были поражены окончательно, а князь приказал привести этого мальчика к нему.

— Малыш, — сказал он, — твоей работой мог бы гордиться любой художник. Скажи, как тебя зовут?

— Меня зовут Антонио Канова, — ответил мальчик, который через несколько лет стал лучшим скульптором мира.

ОБЕД С ОШИБКАМИ

Компания столичных литераторов, собравшаяся в Одессе, как-то отправилась обедать в пригородный ресторанчик.

Александр Иванович Куприн просмотрел меню и заказал официанту ...шесть порций орфографических ошибок.

— Этого подать не можем, не держим, — ответил удивленный официант.

— Однако в меню довольно большой выбор. Ошибки решительно на все вкусы.

И Куприн прочитал злополучное меню.

ХОРОШО, НО...

Один бездарный, но настойчивый молодой писатель добился, чтобы знаменитый французский романист Альбер Камю прочитал его рукопись. Отзыв Камю был краток:

— Ваша повесть и хороша и оригинальна. Беда лишь в том, что те главы, которые хороши, не оригинальны, а те, которые оригинальны, не хороши!

Когда я был еще довольно мал, меня поразило как-то странное приветствие. Один провинциальный чудаков, входя в наш дом, с шутовским видом сыпал скороговоркой:

— Наше вам с кисточкой! С пальцем десять, с огурцом — пятнадцать... Желаю приятно здоровствовать...

* Лев Успенский *

РАССКАЗЫ * ПРО СЛОВА *

Понятно, что разным услугам и цена была разная. Сибарит, предпочитавший бритве «с огурцом», должен был выложить целый «пятиалтынный» — пятнадцать копеек. Удивительно ли, что разбитные парикмахерские подмастерья полупочтительно, полунасмеш-

САЛФЕТ ВАШЕЙ МИЛОСТИ

Иногда же еще в дверях он громогласно возглашал:

— Салфет вашей милости!

Я пребывал в полнейшем недоумении: какой салфет? Почему салфет, а не обыкновенная салфетка? И о какой кисточке, о каких огурцах говорит старый чудаков?!

Я приставал к старшим, но толку не добился.

Прошло много времени. В гражданскую войну мне пришлось служить с командиром, который до революции был парикмахером в Саратове. Как-то на дежурстве зашел разговор об этих самых словах. И бывший парикмахер усмехнулся: «Насчет салфета ничем не могу помочь, а кисточка — вещь понятная». И он мне все объяснил.

В далеком прошлом провинциальные цирюльники, орудуя бритвой на щеках клиента, либо просили его самого выпячивать щеку навстречу бритве языком — это считалось бедняцким способом обслуживания, либо засовывали бедняге в рот свой парикмахерский палец. Если посетитель оказывался брезгливым, они применяли взамен пальца средних размеров огурец.

Мыльную пену на кожу можно было намазывать тоже разными способами: тому, кто победнее и попроще — мазали пальцем; богатым посетителям — изысканным образом: кисточкой.

ливо встречали купца лукавым говорком:

— Вашему степенству — здравствуйте! Наше вам с кисточкой! С пальцем — десять, с огурцом — пятнадцать... Постричь не прикажете?

Сердитое лицо расплывалось в ухмылке, и, глядишь, молодцу перепадал грош-другой на чай...

А теперь о «салфете». Я наткнулся на него снова в интереснейшей книге «Старые годы» великого знатока русской старины и русской глуши П. И. Мельникова-Печерского.

«Чихнул губернатор, — прочел я там, — встали и поклон отдали. Привстал и князь. И все в один голос сказали: «Салфет вашей чести!»

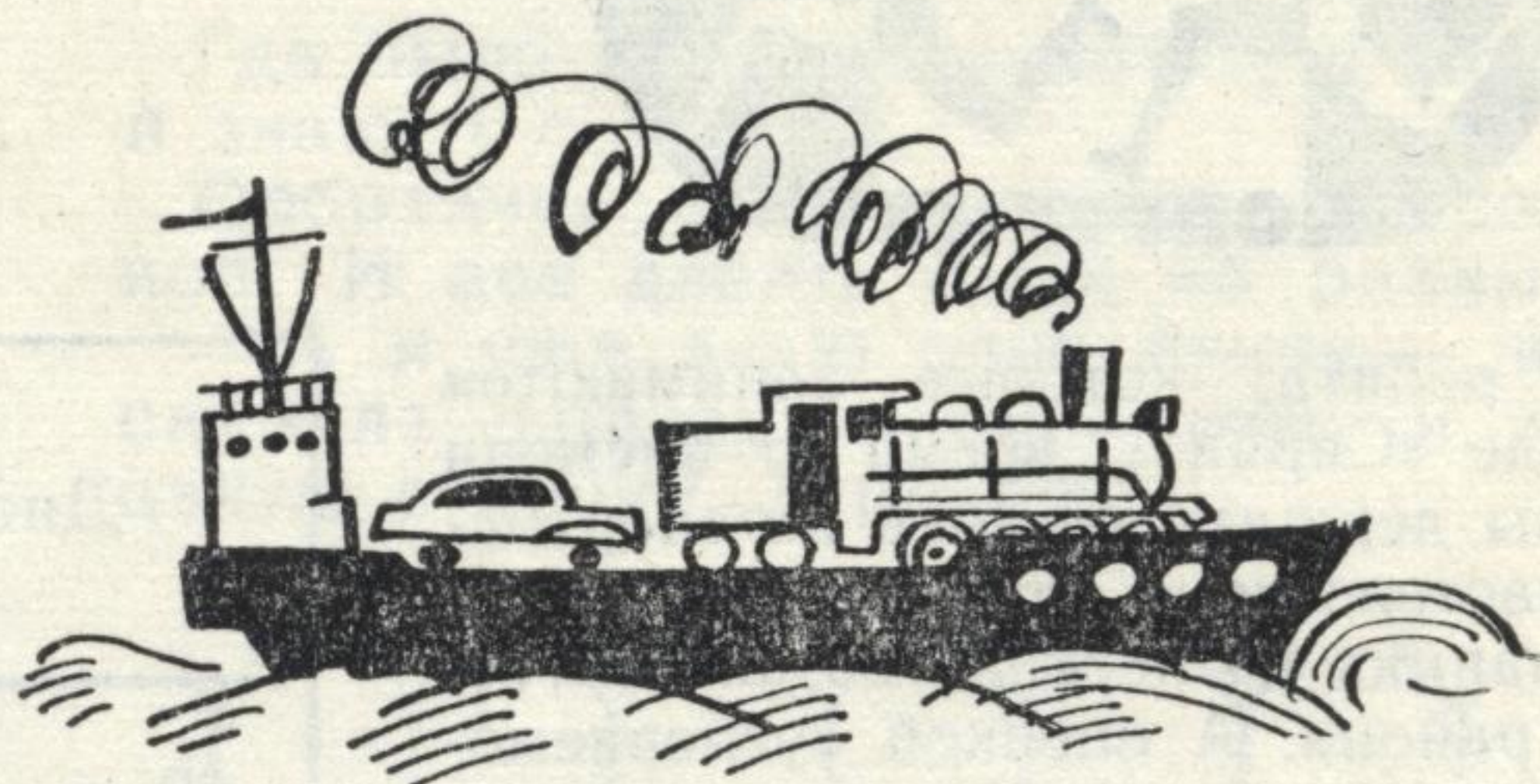
Откуда все-таки взялось это самое салфетное выражение? Как оно попало в литературу?

Поискать пришлось основательно, но под конец все стало ясно.

В древнем Риме близкие люди, встречаясь, приветствовали друг друга возгласом «Salve!». Это значило: «Здравствуй!», «Будь здоров!» При более официальных отношениях говорили «Salvetel!» — «Будьте здоровы!» Оба выражения были повелительной формой от глагола «сальверэ» — здоровствовать. От этого корня и всем нам хорошо известное слово «салют» — здравица. И сегодня иногда встречают друг друга восклицанием «Салют!».

Поезд на корабле

Шведские судостроители недавно создали паром, второй в мире по величине. На главной палубе находятся две колеи длиной 465 метров. 40 железнодорожных вагонов можно разместить на них. На второй палубе смогут разместиться 100 легковых автомашин или 12 грузовиков с прицепами. Без автомобилей и вагонов паром способен перевезти 1850 пассажиров.

Альпинисты-маляры

Из-за влажного климата краска на ленинградской телебашне потускнела, приобрела неприятный грязноватый оттенок. Башню необходимо стало покрасить заново. Но высота ее 316 метров. Какому маляру захочется работать под облаками?! За дело взялись альпинисты: врач, преподаватель института и три художника. Они покрасили башню в рекордное время.

Экономная леди

Одна английская леди расходует в год всего один киловаттчас электроэнергии. Она зажигает электрическую лампочку только для того, чтобы зажечь... керосиновую лампу.

Рыбки-поджигатели

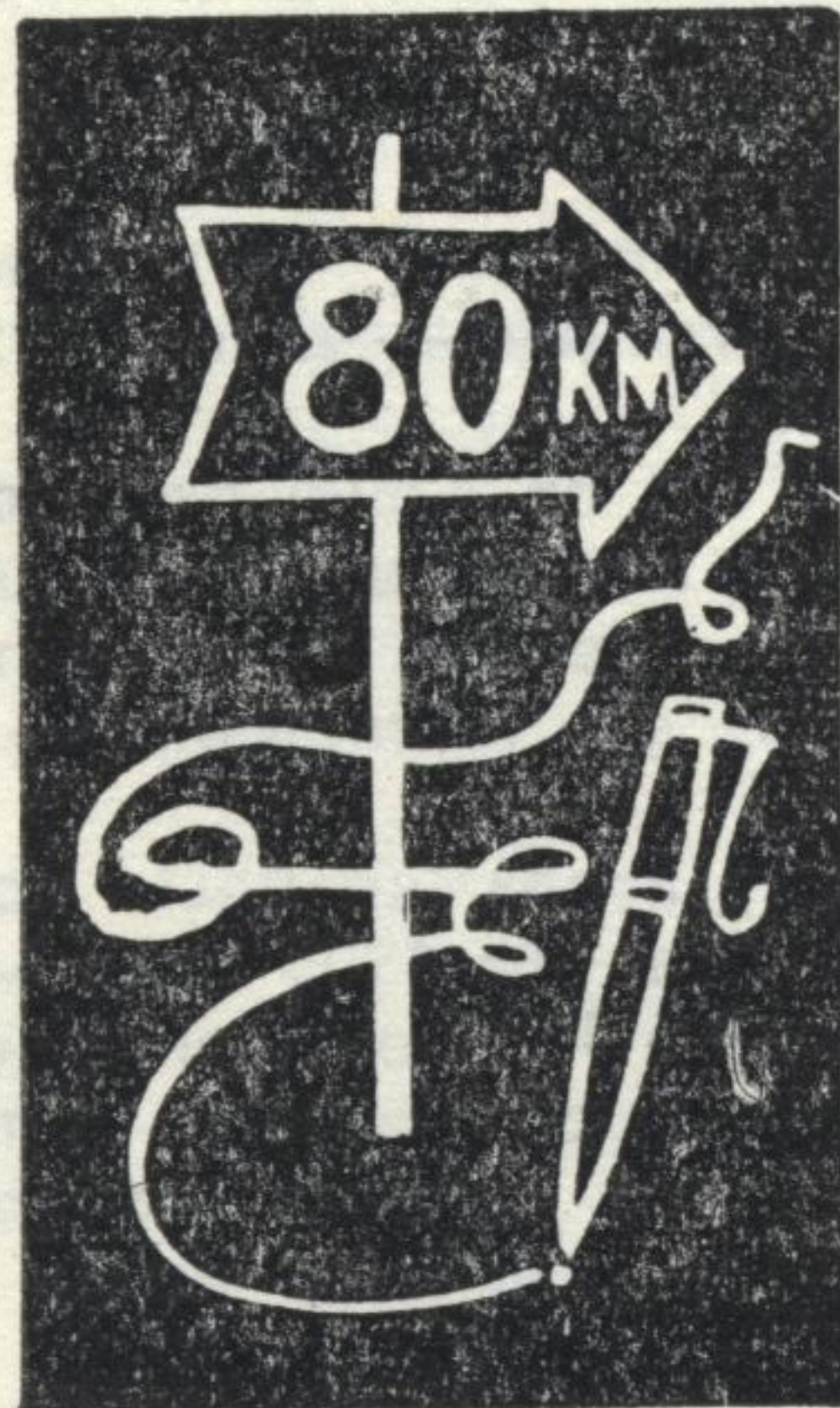
Кормление в аквариуме красных рыбок до недавнего времени считалось невинным занятием. Теперь пожарные шотландского города Данди утверждают, что эти рыбки вызвали... пожар.

Несколько рыбок скопилось у прозрачной стенки аквариума. Солнечные лучи отразились от сверкающей чешуи и от этой линзы загорелся занавес.

Три дельфина в океанариуме американского города Сан-Диего заболели. Ветеринарный врач взял у больных кровь и обнаружил в ней вирусы азиатского гриппа. Для лечения была назначена соответствующая доза антибиотиков.

Дельфин по имени Раму переносил болезнь гораздо тяжелее, чем два других. Каждые шесть часов Раму получал порцию лекарства, состоящую из 375 пилюль.

Пилюли для дельфина

Попробуйте

Одной обыкновенной шариковой ручкой можно провести черту длиной 80 километров. Попробуйте проверить!

ЕДИНАЯ ДЛЯ ВСЕХ

НОРМЫ ЮНОШЕСКИХ РАЗРЯДОВ

(в секундах)

Все ребята, которые занимаются в школе «Спринт», время от времени должны держать экзамен на спортивное мастерство — участвовать в соревнованиях на первенство школы, города, района. А оценкой «успеваемости» станет выполнение юным спринтером разрядного норматива.

На каждое олимпийское четырехлетие в нашей стране утверждается Единая классификация по всем видам спорта. С ее помощью можно оценить любой результат — от показанного на школьных состязаниях до рекорда мира. С 1969 года введена новая таблица разрядных норм. Она заметно отличается от той, которая была напечатана в личной карточке учеников школы «Спринт». На таблице — эти новые нормы для бегунов на короткие дистанции.

Что изменилось?

Теперь разряд присваивается юным легкоатлетам с тринадцати лет, а не с четырнадцати, как раньше.

Дистанция бега	Для девочек			Для мальчиков		
	I	II	III	I	II	III
60 м	8,6	8,9	9,3	7,7	7,9	8,2
100 м	14,0	14,4	15,0	12,6	13,0	13,5
200 м	29,5	30,5	31,5	26,0	27,0	28,0
400 м	66,5	68,5	71,0	59,7	62,0	64,5
Эстафета 4×100	56,0	57,6	60,0	50,4	52,0	54,0

Юношеские разряды по легкой атлетике присваиваются с 13 лет.

Из классификации исключены дистанции 30 м и 300 м, так как в соревнованиях они включаются крайне редко.

Вместо двух юношеских разрядов стало три. Третий юношеский разряд, без сомнения, окажется под силу

многим нашим ученикам из пятых и шестых классов.

Оформить разряд и получить удостоверение спортсмена-разрядника можно у школьного преподавателя физкультуры. О выполнении разряда по бегу сообщите нам в редакцию.

СТАНЬ ХОЗЯИНОМ ДВУХ ПРАВЫХ РУК

Не правда ли, заманчиво? Особенно для спортсмена. Известно, какие опасные противники в баскетболе, волейболе, ручном мяче, теннисе, боксе те, кто одинаково владеет левой и правой рукой.

Ловкая и сильная левая рука облегчает любую физическую работу. Я знал двух сталеваров. Один всю смену работал почти одной правой. После работы эта несчастная рука висела, как плеть, а сам рабочий был сердитым и раздраженным от усталости. Другой сталевар работал то левой, то правой рукой и до конца рабочего дня сохранял бодрость.

Следует регулярной тренировкой развивать левую

руку. Прежде всего научитесь делать левой рукой разные мелочи: открывать и закрывать дверь, набирать номер телефона, застегивать пуговицы. Затем — попытайтесь левой рукой писать и выполнять простейшие операции с инструментами. Только в последнем случае надо быть очень внимательным, чтобы не поранить руку ножом, отверткой, гаечным ключом.

Можно для тренировки проделывать опыт: на полчаса заложить правую руку за спину и пользоваться только левой.

Ученые установили, что тренировка левой руки благотворно действует и на... мозг. Делает более равномерной нагрузку на отдельные его участки и даже — усиливает память!

А что делать тому, кто от природы левша?

Закладывать за спину левую руку!

Б. Невский

ПОЧЕМУ 42 КМ 195 М?

Марафонский бег — одно из самых популярных соревнований легкоатлетов. Победителей в марафоне, преодолевших труднейшую дистанцию — 42 км 195 м., чествуют, как национальных героев. Почему же 42 км 195 м?

В 490 году до нашей эры в местечке Марафон в 38—40 км от Афин произошла битва эллинов с персами. Эллины победили. Их полководец послал в Афины одного из своих воинов, лучшего бегуна Фединикса, чтобы тот передал вест о победе. Фединикс прибежал в Афины и, крикнув: «Радуйтесь, мы победили!» — упал замертво.

В память об этом событии в 1896 году на I Олимпийских играх, которые проводились в Афинах, была проложена трасса марафонского бега. До 1908 года марафонцы пробегали 40 км. Но на IV Олимпиаде, проходившей в Лондоне, английский король Эдуард IV попросил расположить старт бега у ворот своего летнего замка, чтобы он с детьми мог видеть начало бега. А его супруга попросила устроить финиш против королевской ложи на стадионе. Так родилась новая длина этой дистанции — 42 километра 195 метров.

Девочка и ежик?
 Не только!
 На картинке можно отыскать слова, начинающиеся на все буквы алфавита (кроме ъ, ы, ь, и й, разумеется!).

В. Акентьев.

8

Анна Гарф

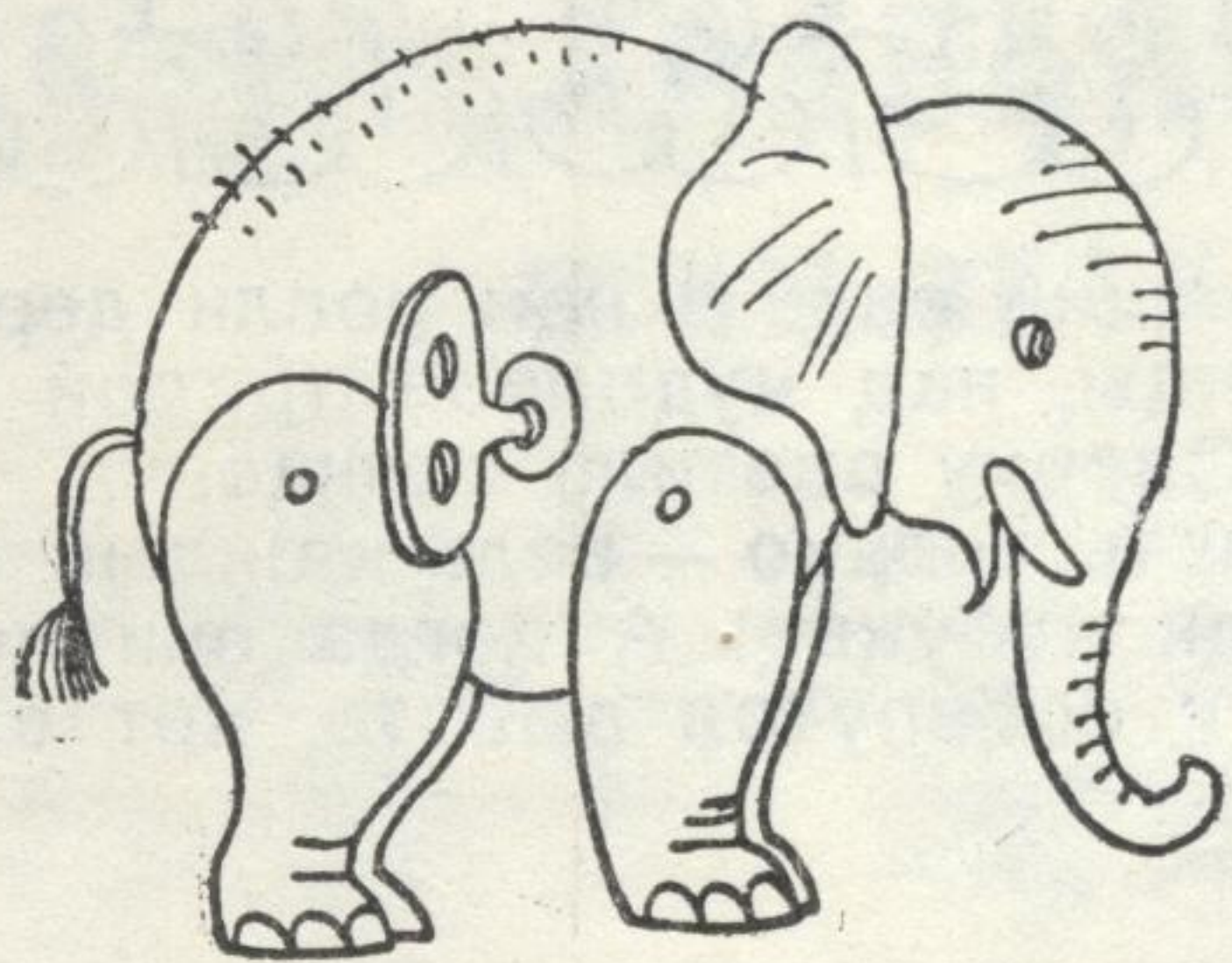
Печет Ира из песка круглые пироги. Витя помогает. Вот испекли большой, самый большой. Сразу видно, пирог этот для слона.

Слон сегодня болен, у него в боку сломался заводной ключ. Ходить слон теперь не может, лежать он не умеет. Вот и стоит на месте, пирога дожидается.

— Готово, — сказала Ира, отряхнула руки и пошла к ребятам на качели.

А слон остался, Витя тоже. Им обоим стало скучно, будто с рыжей Ирой солнышко ушло.

Сел Витя на пень, призадумался, а солнце-то и не ушло, оно только за дерево спря-

4

Уголёк № 9

САД

СКАЗКА

Где было дело, неизвестно, а когда — это я знаю: 1 сентября.

Собрались вместе девять первоклассников. И все девять были из разных стран.

— А я уже знаю одну букву — „игрек“! — сказала француженка Жанна и написала целую строчку „игреков“.

У У У У У У У У У

— А я знаю букву „эсцет“, — сказал Гюнтер из Германии и приписал свою строчку.

β β β β β β β β β β

— А я знаю „кью“, — сказал Джим с Британских островов.

q q q q q q q q q q

1

талось. И лучи солнечные сквозь листву пробиваются и пляшут на пироге — то там сверкнет солнечное пятнышко, то здесь.

Вот из-под камня выглянула ящерица, пирог увидела и сказала:

— Какая славная лэсенка! — взобралась наверх — лежит на пироге и греется.

Вышла мышь из норки, мордочку подняла, усами повела и, быстро-быстро перебирая лапками, подбежала к пирогу:

— Какой славный домик! Без окон, без дверей, — и принялась она рыть-копать окна, двери прогрызать.

Вдруг шлёпнулся на пирог серый воробышка, закричал, подпрыгивая:

— Чим-чив, тереререре! Какой подарок нам сделали, — а сам прыг-скок, прыг-скок, будто мячик с клювом и хвостиком.

Испугалась ящерица, испугалась мышка, в разные стороны они побежали.

А воробей все подскакивал, да подпрыгивал, покрикивал:

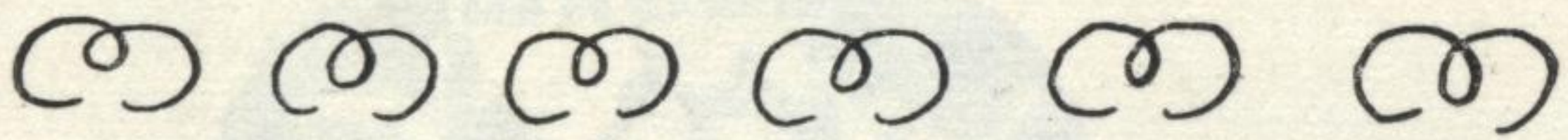
— Чим-чив, теререререререре!

Услышали воробья братья, сестры, тетушки, дядюшки, племянники и племянницы:

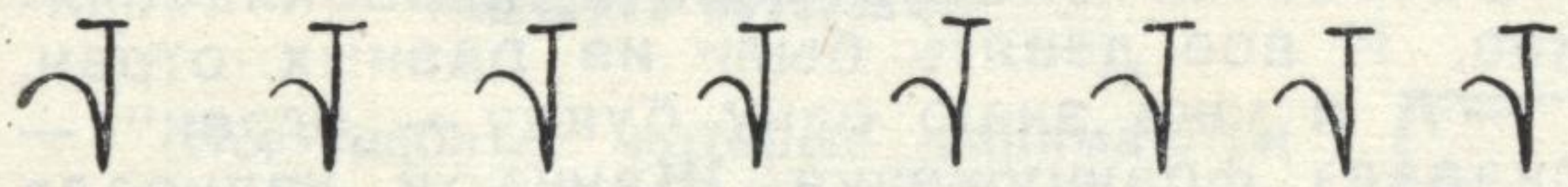
— Чик-чирик, чек-чек, подарочек, подарочек!

5

— А я — „о“, — сказала грузинка Ламара.

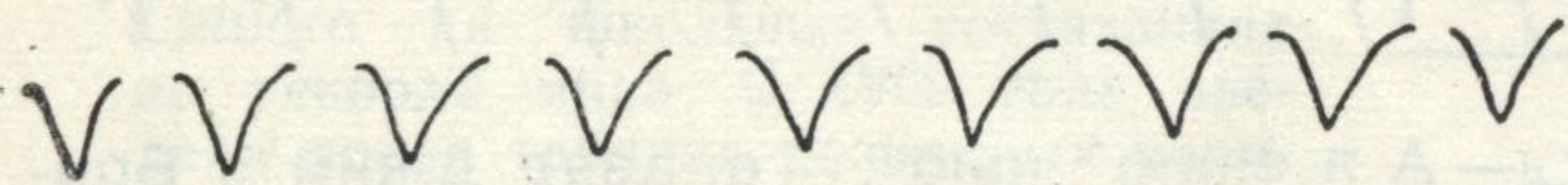
— А у нас не буквы, а слоги. Я знаю слог „нам“, — сказал индеец Рам.

— А у нас не буквы, а и-е-ро-гли-фы, это целые слова сразу, — сказала японка Юкари. — Я знаю „хон“ — „дерево“.

— Я знаю „вэ“. Вот. — И маленький поляк Збышек нарисовал в разных местах свои „вэ“.

Наш русский мальчик Коля знал одну круглую букву. И он написал ее очень большую.

ГИБРИД

Антоновки и кактуса	И кажется, Что плод Вам корчит рожицы.
Гибрид Достаточно внушительен	Хозяйка же гибрида Страшно рада: Ей не придется Караулить сада
На вид: Шипы, грозя, Торчат из сочной кожицы,	

Э. Островская

Прыгали, скакали, сами в песке купались и деток купали.

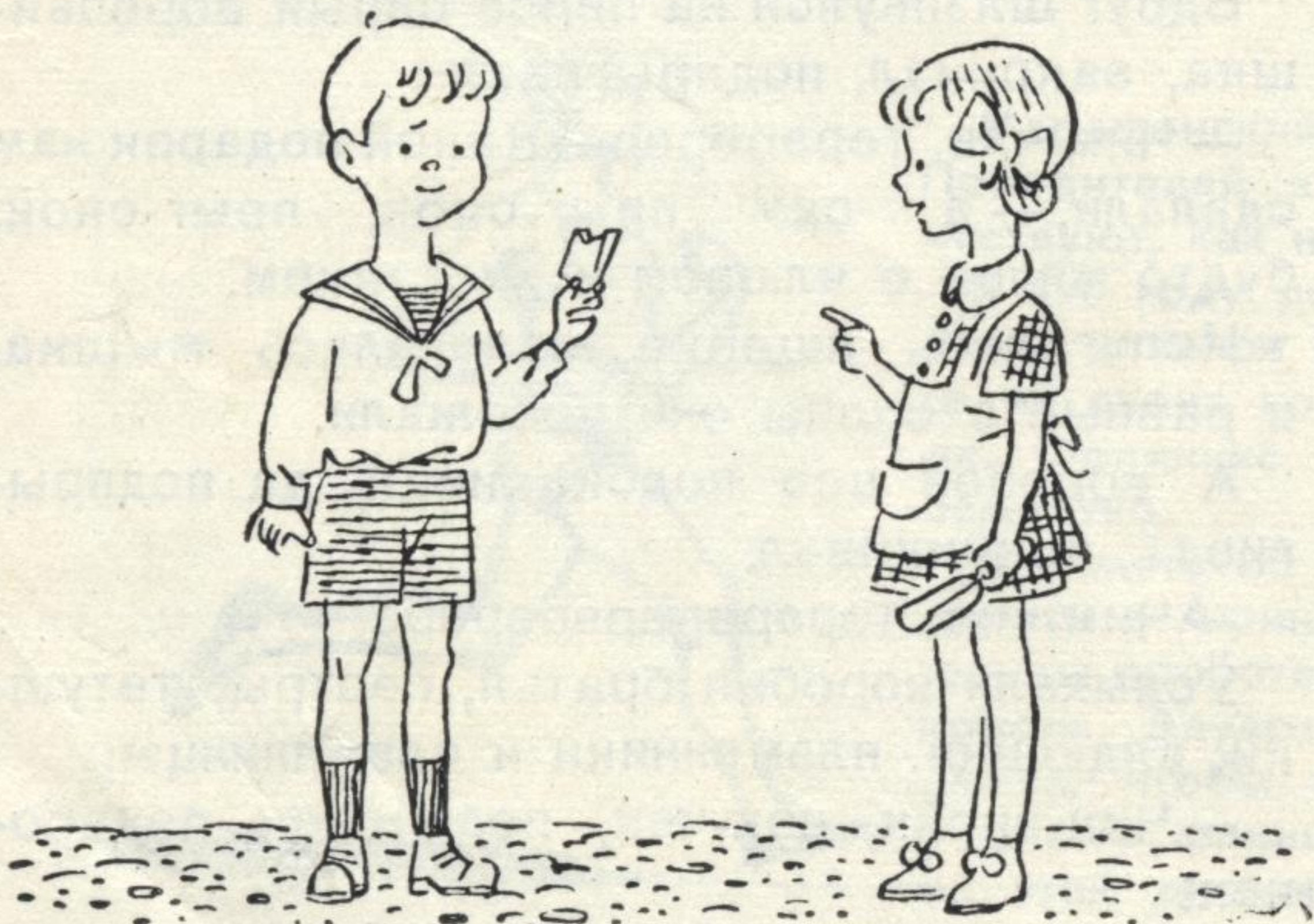
Кинул Витя воробьишкам кусочек печенья. Что тут началось! Шум, гам, крик. Клюются ссорятся. Кричали, крошки искали и весь, пирог с землей сравняли.

Пришла Ира слона проведать, пирогом накормить, а пирога-то нет.

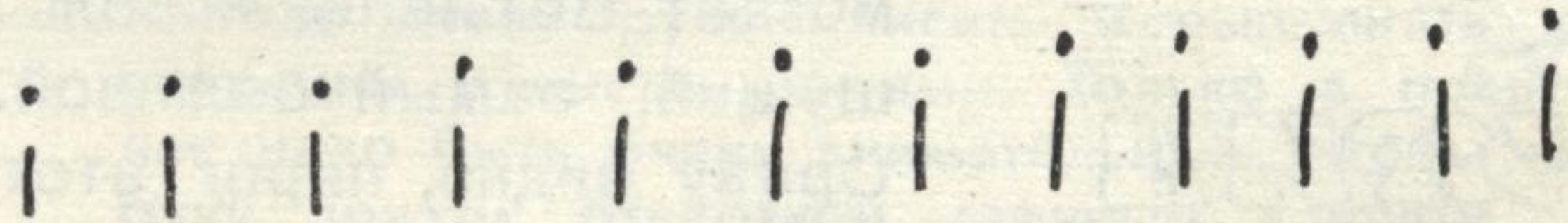
— Это слон съел, — сказал Витя.

— Сам съел и мне ничего не оставил?

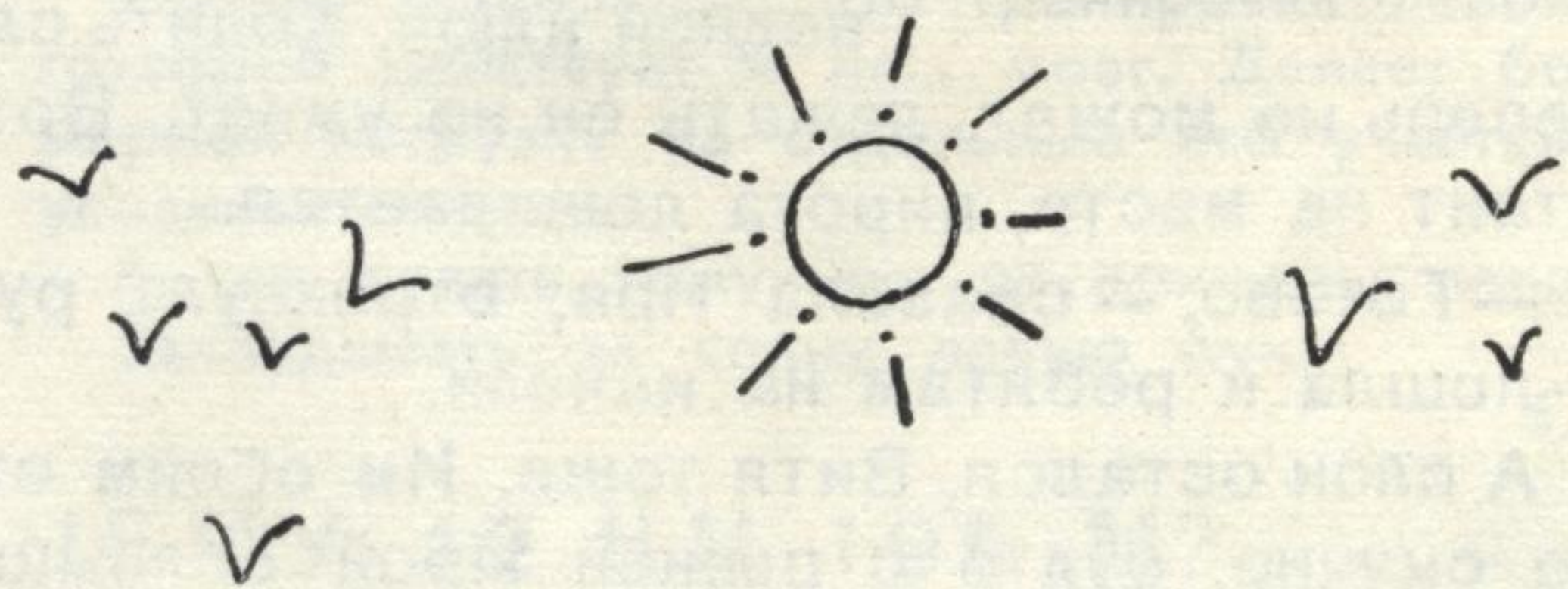
— Оставил, — Витя достал из кармана половинку печенья и протянул Ире, — вот!

А его приятель из Праги Ян окружил Колину букву палочками и точками — буквой „и“.

Вот что получилось у этих ребят.

Настоящий сад. В нем росли деревья, летали птицы, над кудрявой травой качались цветы. Сверху светило солнце.

Подумать только — ведь каждый знал всего по одной букве! А когда они все буквы выучат и соберутся вместе, вот сад-то получится!

А. Лосев

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА СЛЕДЫ ВЕЛИ В ПОРТ

Мальчишка в огромной кепке беспрестанно оглядывался, заворачивал за каждый угол... А когда РАРовцы Точный и Ловкий приблизились, он вдруг бросил кепку и побежал.

— Тут дело нечистое! — воскликнул Точный, подбирая кепку. — Надо догнать!

Мальчишка припустил изо всех сил. — Ты что, из банды Шефа?

— Какой еще банды? — выпучил глаза мальчишка, но вскоре сообразил, что в порту ему поручили секретно передать эту кепку человеку в серой машине с номером 0312. И тут рванула и бешено помчалась стоявшая вблизи серая машина.

— 0312! — вскричал Точный. — Проворонили! Шляпы мы!

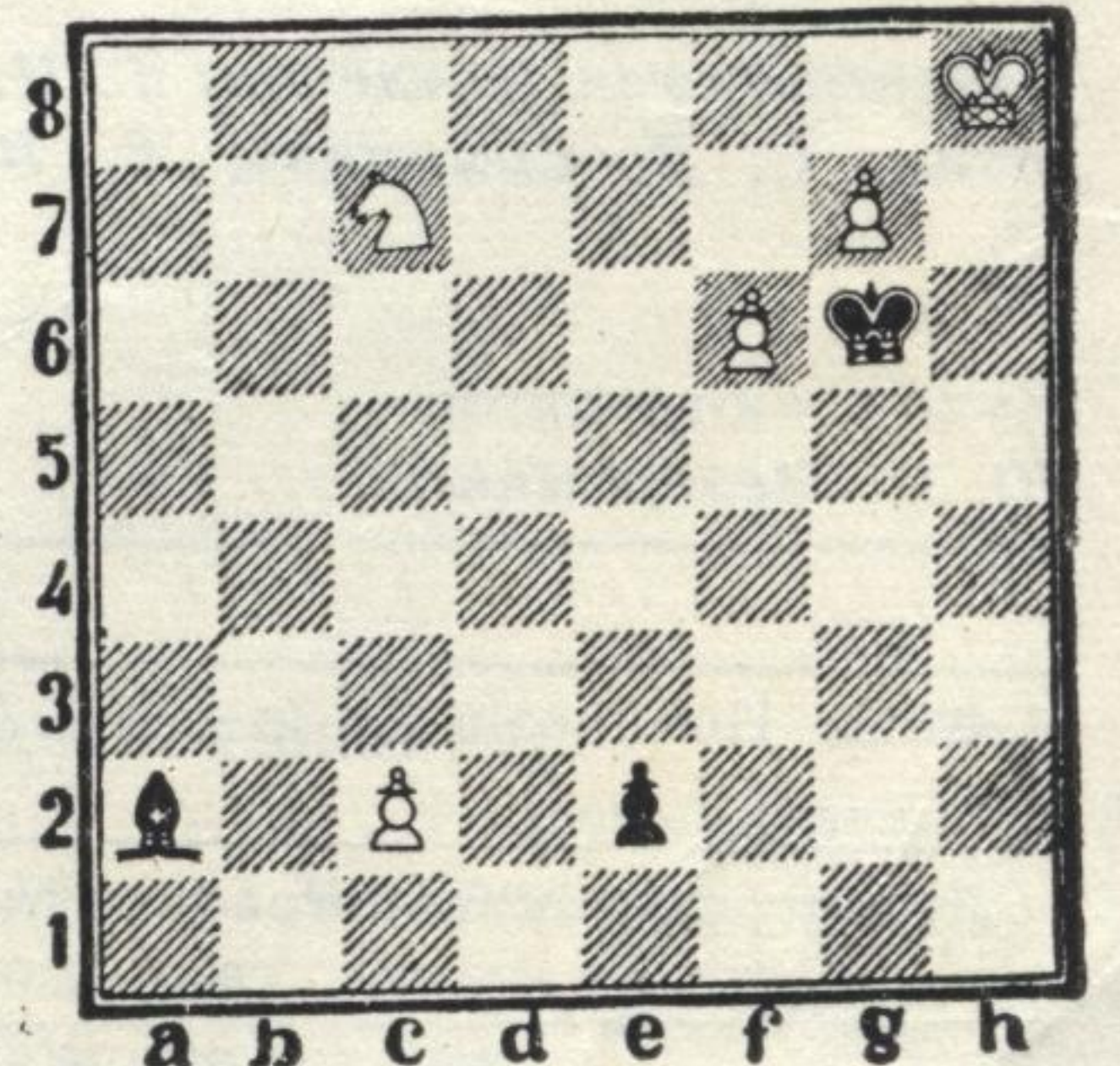
— А тут-то что? — удивился Ловкий и, оторвав подкладку, вытащил из кепки диаграмму. Позиция была неясная... (См. диаграмму.)

— Видите, — сказал Точный, — кто идет через площадь? Это же Лев Полугаевский, чемпион Советского Союза!

— Положение белых трудное, — пояснил прославленный гроссмейстер, — но они спасутся: ничья. Не сигнал ли это — «Спасайтесь»? А вообще, передайте арчебековцам вот что, — он быстро набросал записку и ушел.

— Мы — в порт, а ты — за нашими, — приказал Точный Ловкому.

Когда Ферзьбери с рыцарями примчались в порт, то увидели, что Граф, Маркиз и Лорд уже снимаются с якоря. Наши ворвались на судно и — пошла катавасия! Бандитов бы схватили, не будь у них заготовлен воздушный шар. Они вскочили в корзину и, как вы сами видите, отчаянно стараются взлететь: выкидывают все, что можно, и рубят канаты. А удастся ли им это — будет зависеть от того, как вы выполните

§ 1. Решить позиции! Шахматистам — А) из кепки; Б) на шаре; В) на корзине (автор — Саша Салов, Няндомы). Шашистам — А) на флаге; Б) выброшенную; В) на шаре. Рыцарям — на веревочной лестнице.

§ 2. Срок присылки — до 15 ноября.

*Шахмат-адмирал
ФЕРЗЬБЕРИ*

**32 СТРОКИ
О ЧЕМПИОНАХ**

В 1925 году знаменитый Капабланка, проводя в Ленинграде сеанс одновременной игры, проиграл 14-летнему школьнику Мише Ботвиннику...

Впоследствии Михаил Ботвинник 30 раз побеждал в наисильнейших турнирах! А в 1948 году он завоевал высший шахматный титул — стал чемпионом мира.

Однажды гроссмейстер Тайманов, везя Ботвинника в автомашине, превысил дозволенную скорость.

— Почему нарушаете? С вас штраф! — козырнул милиционер.

— Понимаете... — оправдывался Тайманов. — Мы очень спешим... Я везу чемпиона мира... Михаила Ботвинника...

— Ах, вот как! — воскликнул милиционер. — Вы нарушаете правила, рискуете, когда в машине сам Ботвинник?! С вас двойной штраф!

За отличное и быстрое выполнение приказа № 5 награждены дипломами — Валерий Карпов (Айкино), Сергей Киктев (Сочи), Владимир Резцов (Тула), Александр Рудометов, Андрей Яковлев (оба — Пермь), Николай Рыжаков, Дима Бараш, Лена Кузнецова (все — Ленинград), Сергей Грачевский, Людмила Горбунова, Дима Опарин (все — Свердловск), Анатолий Гудзюк (Винница), Петр Хроленко (Киселевск), Анатолий Ярмухамедов (Ленинск-Кузнецкий), Олег Лаврентьев (п. Советский), Алексей Коломенский (Горловка), Наташа Атаманенко (Харьков) и другие доблестные рыцари.

УЧЕНИКАМ ШКОЛЫ „СПРИНТ“

Тренировочные планы для юных спринтеров (второй этап) будут высылаться по вашим запросам. Чтобы получить нужный план, надо послать в редакцию письмо с указанием своего возраста и корреспондентского номера.

Ученики школы «Спринт» могут получить также следующие материалы: «Упражнения для овладения техникой бега», «Упражнения с набивными мячами», «Быстрота», «Как предупредить травмы», а также новую личную карточку, с разрядными нормативами 1969—1972 года.

5 ПУТНИКОВ ЗАГАДОК (Ответ на „Костер“ № 8)

1. Любим. 5. «Дорогая РОЗА КАРПОВНА! ВСЮДУ БЫЛО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. В ПОХОДЕ Я ЛОВИЛА РЫБУ. МЫ НАШЛИ КЛЮЧ, РАЗВЕЛИ КОСТЕР И НАВАРИЛИ КОТЕЛОК УХИ. ЕЛИ ТАК, ЧТО СТЕКЛО У НАШЕГО БОРИ НА ОЧКАХ ЗАПОТЕЛО, А ЛЕВ И МАЙКА СРАЗУ УСНУЛИ. Я ПРИВЕЗУ ВАМ БУКЕТИК АСТР. ЮЛЯ».

На обложке рисунок К. Овчинникова

На 2-й вклейке рисунок И. Харкевича

На 4-й вклейке рисунки М. Беломлинского

Фото на стр. 32—33 заимствованы из журнала «Советский Союз»

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погдин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

*Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий*

Корректор В. А. Маевская

*Технический редактор
А. А. Двораковская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

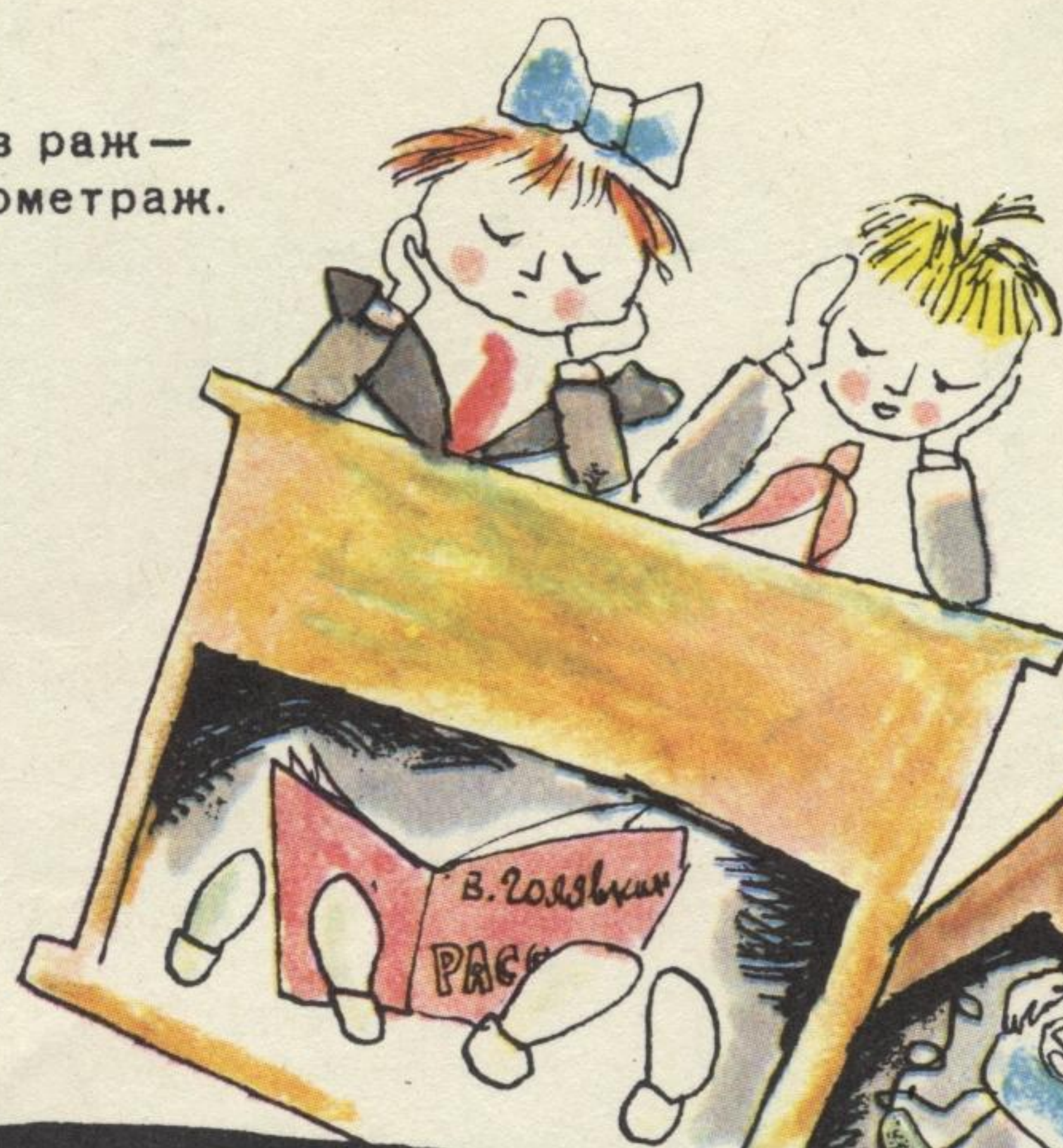
М-40312. Подписано к печати 7/VIII 1969 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 4+1 вкл. 6,56 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 370 000 экз. Заказ 219. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

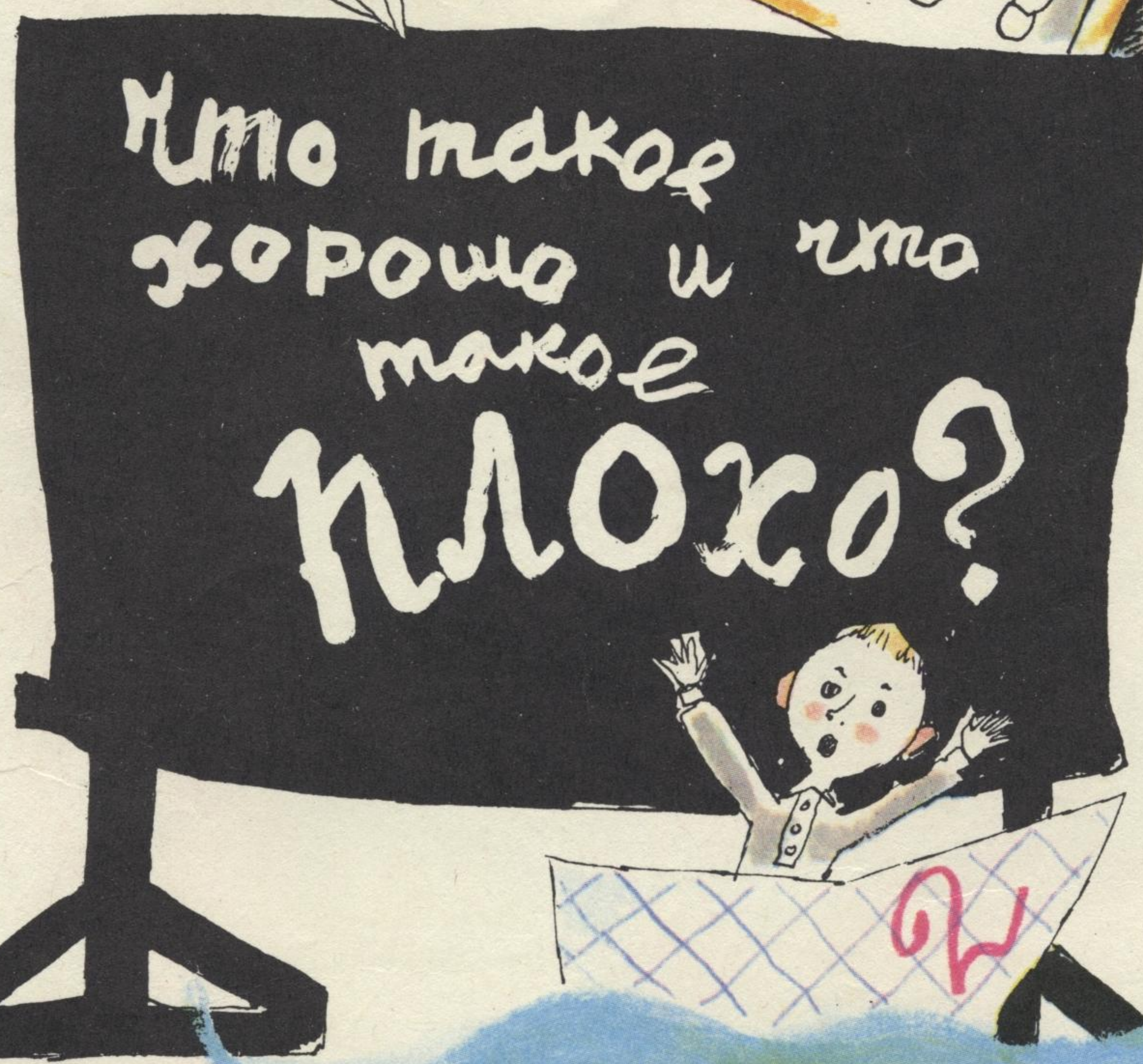
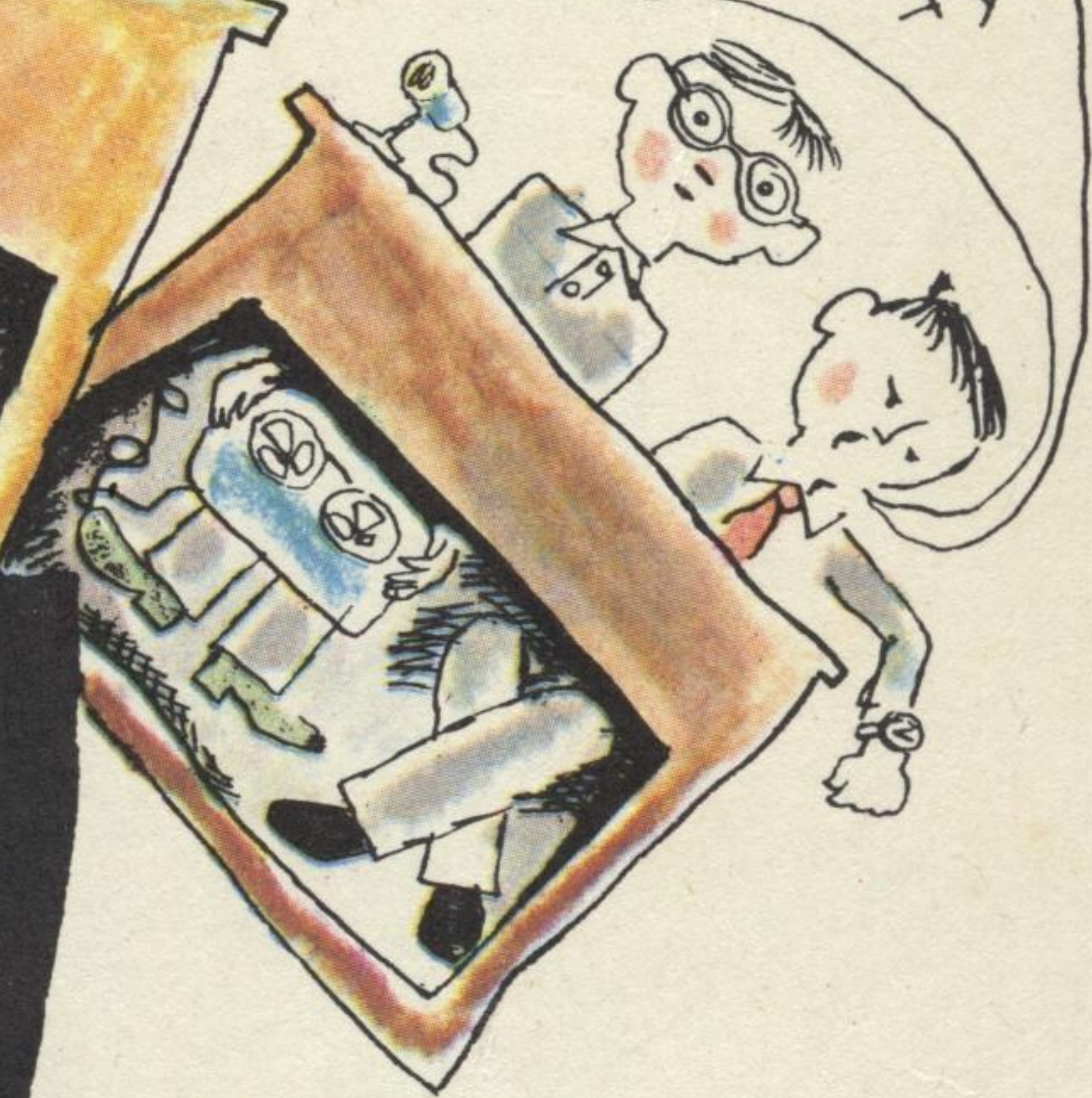
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

В ожидании звонка вошел он в раж —
Громким шепотом ведет хронометраж.

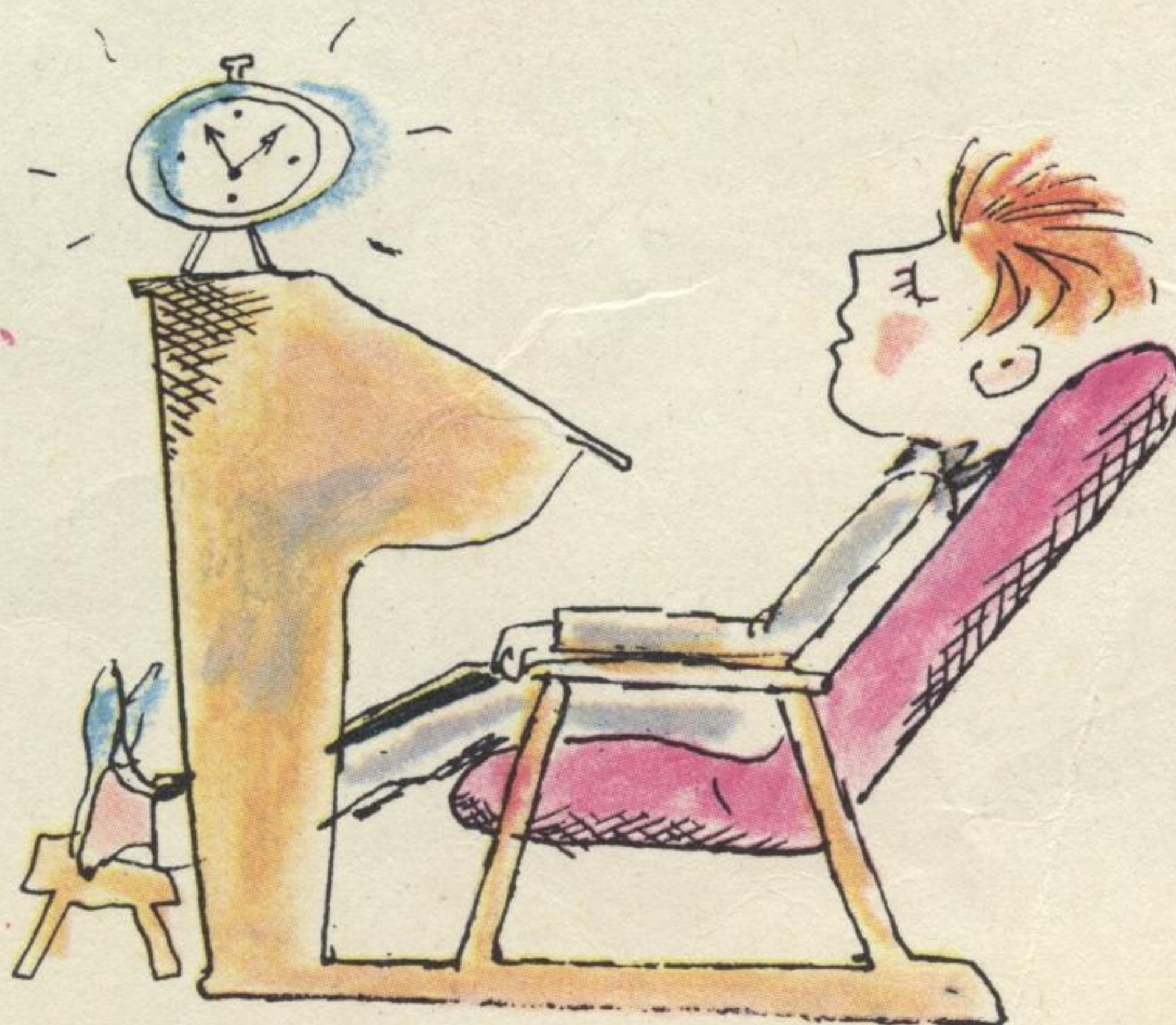
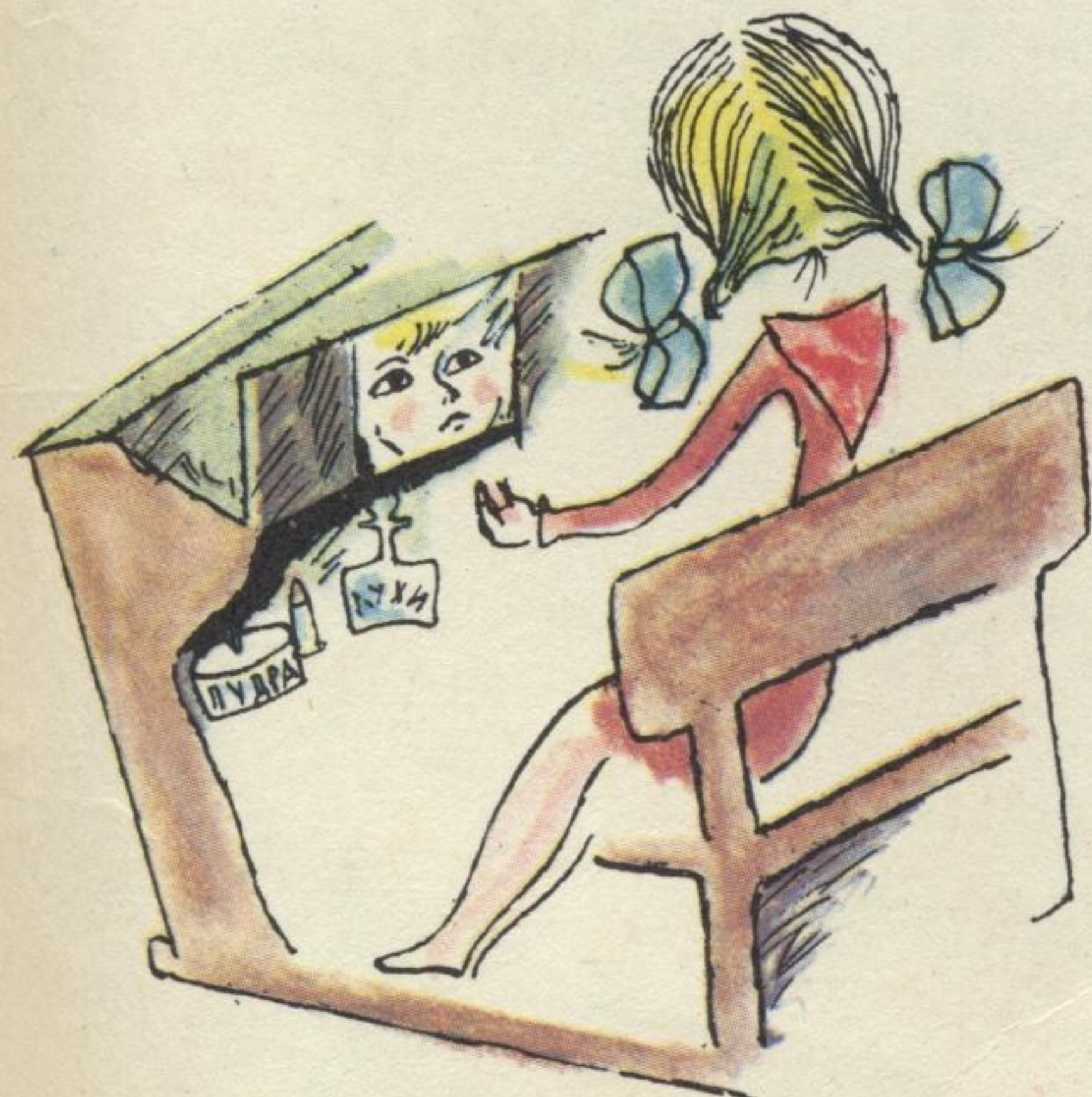
До конца урока
остаётся 6 минут
3 и 8 десятых
секунды!

К доске был вызван Петя,
Он „плавал“ и „нырял“ —
Ловил шпаргалку в сети,
А двоекку поймал.

Рисунки Г. Ковенчука

У Светы в парте склад косметики,
И Свете не до арифметики!

В классе дремлет
школьник этот,
Полулежа на спине,
Проверяет новый метод —
Обучение во сне.

Э. Паперная

25 к.

С
1970

ГОДА

ВСЕ

РИСУНКИ

В

ЖУРНАЛЕ

КОСТЁР

БУДУТ

ЦВЕТНЫМИ

Подписка принимается
во всех почтовых отделени-
ях без ограничений
с любого месяца. Подпи-
саться на весь год стоит
3 рубля.

